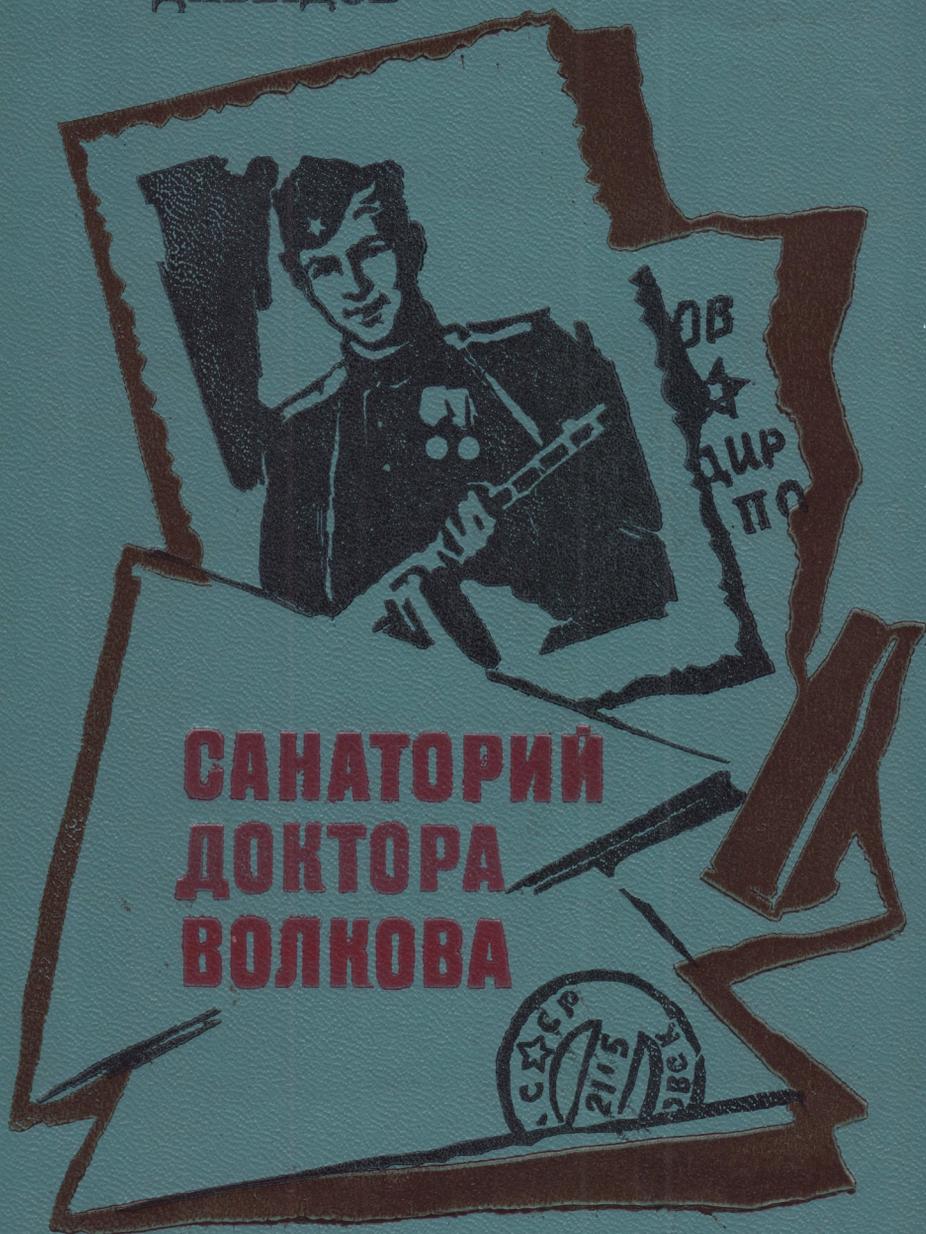

СЕРГЕЙ
ДАВЫДОВ

Издательство «Детская литература»

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ

САНАТОРИЙ ДОКТОРА ВОЛКОВА

Повесть

Ленинград «Детская литература» 1976

Р 2 ср
Д 13

Рисунки
Н. ДБЯКОВОЙ И Д. ТИТОВА

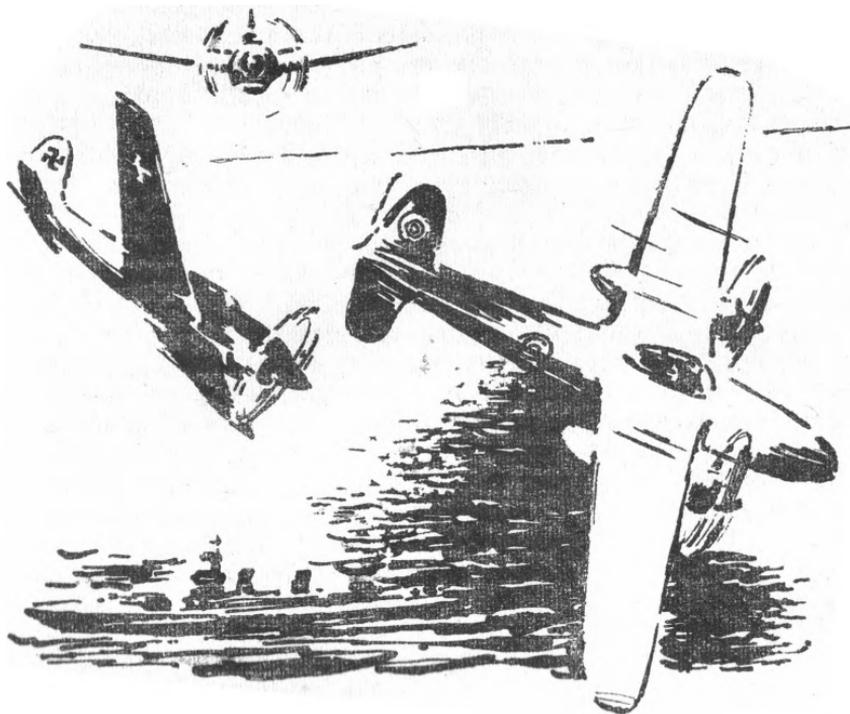
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976 г.

Д $\frac{70803-142}{M101(03)-76}$ 271—76

Часть первая

ОЛЕГ КИСЛИЦЫН

Глава I

НАД СРЕДИЗЕМНЫМ МОРЕМ

Стремительный легкий «лайтнинг» парил в безоблачном небе на недоступной для самолетов и зенитных орудий врага высоте. Набитый радио- и фотоаппаратурой, он вертелся над немецкими аэродромами, снимал скопления войск, железнодорожные узлы. Сейчас, пролетая над морем, он отыскивал немецкие корабли и транспорты. Кассеты уже были переполнены бесценной информацией.

Оставалось самое трудное: вернуться домой на аэродром.

На «лайтнинге» не было вооружения...

Даже для самого легкого пулемета не осталось места. Только аппаратура.

Лучший пилот Франции выпрямился в кресле, чувствуя, как заныло тело в объятиях жесткого комбинезона, как затекла спина от постоянного напряжения.

Лучший пилот Франции взглянул на приборы.

Девять тысяч метров...

Внизу море, а там, правее... там родная Франция, затянутая темными плотными тучами. Родная плененная Франция.

А над морем — ни облачка. Воздух чист, как новое стекло, и внизу, будто черные мухи, вьются горбатые «мессеры» и тупорылые «фокки».

Все ждут, когда он спустится к ним!

Они уже с рассвета кружились над зоной, карауля вылет «лайтнинга». И снова прозевали. Он ушел у них из-под самого носа. Они погнались было за ним, но на высоте семь тысяч их моторы вдруг «простудились», как по команде, и стали беспомощно чихать. Пришлось им кончать погоню.

Он усмехнулся, представив себе рожи этих «асов», больше месяца гоняющихся за безоружным французом.

Пора вниз. Разыскивая цели, он опять забыл про горючее.

Горючего осталось минут на двадцать.

На юго-западе показались дымки. Караван?

Еще пять минут. Только пять. Потом вниз, туда, где вьются черные мухи.

Придется заводить с ними игру!

Пилот вздохнул. Он любил игры. Но сколько раз ему приходилось играть со смертью!

Вчера не стало его товарища. Американца Мередита. «Фокки» окружили его и принялись расстреливать в упор. Словно в тире. Но Мередит доказал им, что был настоящим летчиком. Он бросил свой израненный самолет на «фокков». Две машины упали в море...

Надо обязательно долететь до аэродрома. Необходимо доставить пленку.

Только бы не потерять сознание. Как над озером Анниси, когда он тоже забыл о горючем и пришлось применять затяжное пикирование. Обморок длился километров пять. А когда он очнулся, то увидел прямо над собой немецкий истребитель. Но, видно, у немца кончились боеприпасы. Повезло тогда.

Моторы ведут себя нормально.

Левый мотор однажды отказал над Альпами. Пришлось ковлять вдоль долины По на одном правом. Его тут же заметил «мессершмитт», и пришлось играть в «небесного страуса» — прятать голову под крыло. Он полетел прямо над Турином и Генуей, и немецкий легчик принял его за своего, считая, видимо, что ни один вражеский самолет не рискнул бы сюда забраться. Целый ворох драгоценных снимков удалось тогда получить.

На аэродроме его конечно ждут. Пилоты, механики.

Его друзья. Это они помогли ему выхлопотать еще полет. Девятый полет. Каждый раз ему разрешают еще только один «в исключительном порядке». Да, он старше остальных летчиков, к тому же давние раны иногда заставляют гнуться в три погибели. Он сам не в состоянии натянуть комбинезон. Но он до конца будет со своими товарищами! Он еще получит право на вылет! И не на один.

Нечего терять время и считать «фокки» внизу. Вперед! «Лайтнинг» послушно вошел в пике.

Он пикировал до четырех тысяч.

На этот раз он не потерял сознания, только дыхание сбилось и пошла кровь из носа. Летчик несколькими глубокими вдохами восстановил дыхание. Ничего, сейчас друзья стащат с него этот панцирь, сковавший тело, и вечером, когда спадет жара, они пойдут купаться или ловить рыбу. Лучше ловить рыбу.

Но где же немцы?

Плохо, что он их не видит.

Здесь они. Здесь! Он это чувствует. Шесть с половиной тысяч часов, проведенные в воздухе, научили его понимать все.

Горючего на пять — шесть минут.

Как спит это проклятое море. Разве тут что-нибудь увидишь!

— Нечего разглядывать бошей. Домой! Домой! — снова приказал себе летчик.

И в ту же секунду увидел немцев.

И сразу понял, что на этот раз ему не уйти...

Два «мессершмитта» разворачивались на него, отрезав путь к берегу. Еще один заходил сверху. Он навис над «лайтнингом», заставляя его снижаться.

— Ну вот, — пробормотал французский пилот. — Ловушка! Но почему не стреляют?

Понятно. Хотят вогнать его в море без выстрелов. На малой высоте «лайтнинг» терлет маневренность, не вернуться.

Горючего одна капля.

Все... прощай Франция, прощайте друзья...

Но самолет все еще слушается, значит, горючее пока есть, и этот «мессер» сверху слишком увлекся охотой.

Перед самой водой французский пилот потянул ручку управления на себя. Машина взмыла вверх, а тяжелый немецкий истребитель ударился о водную гладь и взорвался.

Этот взрыв придал сил французу. Он выпрямил машину и направил ее навстречу другому истребителю, заходящему от берега.

Две машины неслись навстречу друг другу.

Немецкий ас напрасно думал, что француз отвернет.

Немецкий ас усмехался в своей бронированной кабине.

Когда он, побледнев, понял, что француз идет на таран, было уже поздно...

А на аэродроме друзья французского пилота, сбившись в тесный кружок, молча ждали его возвращения. Все они были опытными военными летчиками и хорошо все понимали. Понимали, что горючее уже по всем расчетам должно кончиться и что их друга Антуана де Сент-Экзюпери они больше никогда не увидят.

Но никто не хотел в это верить.

— Свяжитесь с американцами, — приказал командир дежурному. — Он мог сесть к ним на аэродром.

— Американцы у аппарата. У них нет сведений...

Только поздно вечером радистам удалось перехватить вражескую шифровку. Немцы сообщали, что в районе Средиземного моря сбит «лайтнинг». О своих потерях они, как всегда, молчали.

Друзья не верили, что Антуан мог погибнуть.

Глава II

ОПЯТЬ «ФОККЕ-ВУЛЬФЫ» НА ЗАВТРАК

Маленький серебристый вертолет, юркнув меж домов, сел на балкон. Пропеллер вертелся, но Олег почему-то услышал не гул мотора, а странное шипение, будто кипела на

кухне кастрюля-сковорotka. Никто не показывался из кабины, но раздалось пение. Пел пилот вертолета.

Пусть ветер лавинной
и песня лавинной,
тебе половина
и мне по-оловина-а...

Любимая песня отца...

Это поет отец! Но он же далеко, в Узбекистане.

Открыв глаза, Олег сел на кровати. Никакого вертолета на балконе.

Что же тогда шипит?

И кто там плещется в ванной?

Мы хлеба горбу-ушку
и ту — попола-ам...

Да это же отец!

Спрыгнув с постели, Олег полетел босиком в ванную. Она была не заперта.

— Здравствуй, путешественник! — звонко крикнул Олег и осекся. Под душем стоял незнакомый чернокожий человек с черной бородой от самых глаз.

— Салям алейкум, — важно сказал чернобородый и взмахнул мыльной мочалкой.

— Пп-простите, — попятился Олег.

— Следует отвечать: алейкум салям, молодой человек! Так вот, значит, как ты встречаешь родного отца!

— Да я же тебя не узнал! — заорал Олег и от радости полез к отцу прямо в майке и трусах. Вода оказалась ледяной, но Олег устоял.

Какая радость! Приехал наконец, а уж столько его ждали с мамой. Гадали-загадывали, надеялись: может, к сентябрю и вернется. Теперь-то они снова будут сидеть по вечерам в комнате Олега, спорить, читать вместе книги. Надо скорей показать отцу все книги, которые за это время удалось раздобыть. Очень трудно собирать военные мемуары. Чуть прозеваешь — и ищи-свищи! Но кто-кто, а Олег не зевает. Целую новую полку уставил. Отец тоже очень любит книги про войну. Он много знает, воевал сам с четырнадцати лет. К нему часто приходят в гости военные — его однополчане, теперь уже все в высоких званиях. Олег в душе жалеет, конечно, что и отец не военный, но все равно гордится им.

ровать. Драки, ночные приключения, окопы в чужих садах... Так только раз в жизни бывает. Больше не получится. Пошли завтракать, раз мама зовет. Я травки узбекской привез.

— А помидоры?

— Как же без помидоров? Без них разве можно завтракать!

— Знаешь... я тут письмо написал. Во Францию. Только я не знаю, как отправить. Понимаешь, он таранил «мессершмитт», а везде написано, что пропал без вести. Кончилось горючее — и упал в море! Я написал им. Не может он просто... — Олег разволновался и не договорил.

— Кто таранил? Кто упал в море? Снова танки, пулеметы, пушки, самолеты! Опять окопы в саду! Да когда же ты вырастешь?

— Понимаешь, я читал...

— Серьезные аксакалы не ведут разговоры в ванной. Идем, мама ждет.

В кухне во всех вазах сияли огромные тюльпаны. Стол был завален узбекскими лепешками, травами, пахнущими незнакомо и аппетитно. Огненные помидоры, казалось, прожгут и клеенку и стол.

Мама жарила цыплят на огромной сковороде, накрыв их железной тарелкой, на которую для тяжести был взгромозден утюг.

— Батя приехал, — вырвалось у Олега. — Теперь-то поедим...

— Ну вот! Отец подумает, что я тебя здесь голодом морила! — весело возмутилась мама.

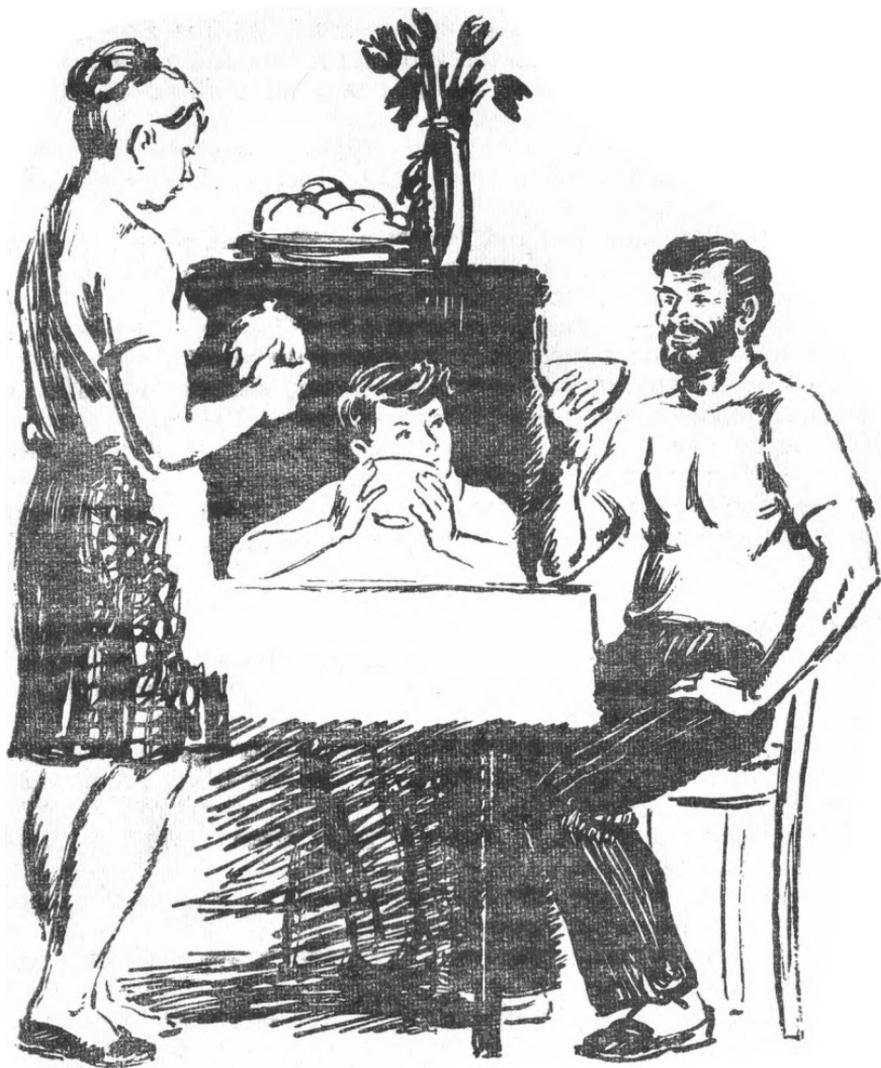
— Каши и простокваши, — вздохнул Олег с невинным видом. — Творог...

— Сперва чай! — сказал отец, поглаживая бороду. — Да, да! Зеленый чай. Всем.

— Чай, может, потом?

— Зеленый чай из пиал! — Папа как волшебник быстро и ловко расставил на столе цветастые пиалы. — Чай этот — чудо! Без него мы бы не построили ГЭС. Только он укрощает жару. Наливать надо немного. И пить без сахара!

В кухню, потягиваясь, вошел сиамский кот Гешка,

красавец и редкий лентяй. Помигав огромными голубыми глазами, кот мякнул и легко вспрыгнул отцу на плечо.

— Просидит так весь завтрак!

— Набаловали.

— Нина Эдгаровна сказала, что сиамские коты очень

вредны. — Мама сердилась на Гешку. Позавчера он прыгнул на книжный шкаф и столкнул на пол фиолетовую хрустальную вазу. Ваза была уродливой, похожей на плевательницу из детской поликлиники.

— Мелкая шерстка сиамских котов притягивает огромное количество пыли! — добавила мама.

— Кот-пылесос! — вставил Олег.

— Да-да! Мы вдыхаем эту пыль. Придется отдать кота.

— Он же у нас вырос. Это предательство!

— Ешь!

— Как живет Нина Эдгаровна? — поднял голову отец.

— По-своему. Купила на днях сто метров прозрачной пленки. Обтягивать стены. Для защиты дорогих обоев. Знакомый физик посоветовал. Практично.

Замечательно завтракать вдвоем! Так давно не сидели вместе. Сейчас мама выложит все новости, а потом станет рассказывать отец. Но вообще-то Олегу хотелось, чтобы завтрак скорее кончился. Тогда можно будет уйти с отцом в комнату. Так не терпится все ему рассказать. Такое открытие! Если отец согласится, можно будет вместе написать в Париж.

— Так где же он проведет каникулы?

— Ему только тринадцатый год, — подчеркнула мама. — Ты понимаешь — тринадцатый!

— Была война. И у тебя... уже не было мамы.

— В прошлом году он разыскал окоп, в котором побибли наши солдаты. Проявил мужской характер, а ему было меньше на год!

— Никакого Смоленска!

— Лишь бы он не скучал все лето...

— Сперва пионерлагерь, а потом в деревню. Там, правда, в сорок первом не проходила линия фронта, но есть лес, речка. Там с нами будет Нина Эдгаровна... Ты сам никогда не отдыхаешь, Кислицын! Отдых сына тебе тоже ерунда!

— Когда скучно, какой отдых? — заметил папа.

— Так, — покраснев, сказала мама. — Ты, надеюсь, выяснил у начальства, когда тебя отпустят в отпуск. Поедешь с нами, и сын не будет скучать!

— Ну... сейчас не отпустят... не время.

— А когда? Два года без отпуска!

Отец потеревил бороду, погладил Гешку, стал разливать чай в пиалы.

— Молчишь! А бороду зачем отрастил? Гуляешь по Средней Азии с бородой и в сандалиях, да?

— Бриться каждый день некогда.

— Просто у тебя шрам! Я же вижу.

— Ну уж и шрам... Пустяки.

— Теперь мы сядем на кошму, как два мудреца, и, скрестив ноги, будем, оглаживая бороды, вести неторопливую беседу.

Кошмы у них не было, поэтому папа сел в кресло, а Олег пристроился возле него на ковре.

— Сперва я тебе расскажу. Хочется тебе услышать о Голодной степи, о каналах, напоивших эту степь водой, ожививших ее, как будто это не каналы, а кровеносные артерии? Хочешь, я расскажу тебе о совхозе «Малик»? Он стоит на месте солончаковых мертвых земель. «Малик» переводится: «Найдешь — останешься живым». Вокруг была только бесконечная, раскаленная соль. Солнце хозяйничало, выжигая последние живые кустики. И где-то был единственный колодец. Но где? Найдешь его, дойдешь до него, доплывешь — будешь жить! «Малик».

— Пап...

— Подожди. — Отец крикнул матери: — Катюша! Принеси нам чайник, пожалуйста, пиалы и сладости! Аксакалы не могут вести свои умные беседы без кок-чая!

Вошла мама, принесла чай и халву, сказала:

— Снова «фокке-вульфы» на завтрак? Дал бы отцу отдохнуть после дороги.

— Противная штука. Бесшумно подлетит — и трах! — сказал отец. — «Фокка»-двуххвостый.

— У «лайтнинга» тоже было два хвоста.

— Вот! Видишь: опять у него война. Все война и война... Но в это лето, — она погрозила пальцем, — в это лето не выйдет!

— Конечно, — пожал плечами Олег, — не могу же я поехать во Францию! Хотя мне очень, очень туда нужно!

Мать махнула рукой и вышла.

Расставив пиалы, отец налил чай, пододвинул к Олегу халву.

— Итак, насколько я понял из твоих слов в ванной, ты заинтересовался судьбой...

— Подожди! — Олег вскочил и вытащил из письменного стола небольшой синий альбом собственноручной работы. — Вот!

Подержав альбом на руке, отец оглядел его снаружи, медленно открыл первую страницу и увидел портрет веселого белозубого человека с лучистыми глазами.

— Я так и подумал...

— Посмотри весь альбом.

— Что ты говорил про таран? Это же... — Отец, не окончив фразы, стал листать альбом.

— Почему они его отпустили в полет? — спросил Олег, когда отец перевернул последнюю страницу. — Почему?

— Потому что любили.

— Любили?

— Он дрался с фашизмом. Разве могли друзья запретить ему это? Он бы перестал считать их друзьями!

Раскрыв снова альбом, отец стал читать вслух:

— «Антуан де Сент-Экзюпери опять в строю. Долгожданное разрешение на полеты получено. Генерал Икерс преподносит ему как личный подарок право на пять боевых вылетов...» Видишь: «как личный подарок»! — поднял голову отец. Он стал читать дальше: — «Разведывательные полеты над Францией и Италией. Фотосъемка военных объектов. Потом к пяти разрешенным полетам добавилось еще четыре...»

— Если бы не эти четыре!

С усмешкой поглядев на Олега, отец пояснил:

— Снова ты не все понимаешь! Если бы эти четыре полета окончились благополучно, Экзюпери вырвал бы еще пять, потом еще. Он был настоящим солдатом и прекрасным писателем... А ты все-таки здорово вырос. Заинтересоваться судьбой Экзюпери... — Отец подошел к полке с книгами. — Помню, когда я подарил тебе «Маленького принца», ты еще по складам читал. Тогда тебя только рисунки интересовали.

— Слон в удаве!

— И другие ты тоже любил.

Отодвинув стекло, отец достал книгу.

— Славные рисунки. Какой писатель погиб!

— Он пошел на таран! Он не любил проигрывать.

Отец долго молчал, потом сказал очень серьезно:

— Ты еще не понимаешь. Я видел войну. И на моих глазах погибали товарищи. Бывало, из-за нелепейших случаев.

По ошибке. Они не таранили врага, не закрывали собой амбразуру, но они, — отец с силой произнес «они», — воевали с фашизмом. Вот это важно!

— Твои товарищи? Ты мне не рассказывал.

— Об их гибели тоже было написано две строчки.

— Где написано?

— В справках. Как у тебя в альбоме: «Пилот не вернулся, считается утерянным». Так тогда писали в документах.

Да, так писали. Но отец не все учитывает. За день до гибели писателя на таран пошел его знакомый, пилот Мердит. Значит, Сент-Экзюпери знал о таране. Другого выхода у него просто не было, уж такой у него был дурацкий самолет, без всякого вооружения.

— Посмотри, — вновь упрямо сказал Олег. — Написано же: «Считается утерянным». Считается!

— Я не знал, что у него даже пулемета не было...

— Вот же написано: «Сент-Экзюпери снова летает на «дайтнинг», это моноплан с двойным хвостом. Ни пулемета, ни брони, никакого оружия для нападения или защиты...»

— А-а... понял! На высотных самолетах учитывают каждый килограмм груза. Он взлетал над своей территорией, поднимался на высоту, недоступную для истребителей того времени, делал съемки, потом возвращался опять на свою территорию и тогда снижался. Таков был расчет. Но в полете может всякое случиться. Допустим, внезапно испортится двигатель. В результате — снижайся над территорией врага или в зоне, где вражеские истребители... Могло так быть?

— Ну, могло.

— Скорее всего именно так и случилось. Пришлось снижаться, надеясь, что «Фокке-вульфов» поблизости не окажется.

— Но они были, — сказал Олег.

— Были. И согласишься, что летающий фотоаппарат против истребителя бессилен.

— Таран! — твердо сказал Олег.

С сожалением поглядев ему в глаза, отец произнес:

— Не знаю... и никто этого не знает.

Взяв альбом, Олег заверил:

— Узнают. Я еще докажу всем! Мне надо только... я напишу во Францию?

— Не торопись. Если бы ты узнал что-то новое, а так... Ты же знаешь только то, что написано в книгах.

— О таране нигде не написано, — не сдавался Олег. — Вот в Смоленске мне все говорили: нет окопа, нет окопа. А я нашел!

— Да нет, ищи. Ищи. Это прекрасно. Никто тебя не отговаривает. — Отец улыбнулся и неожиданно попросил: — Дай мне альбом.

— Он тебе нужен?

— Я люблю Экзюпери.

— Все равно я все на память знаю. Бери.

— И у меня ведь погиб друг. В блокаду. При неизвестных обстоятельствах.

— Кто это? Тот самый, что врачом был?

— Да. Я тебе рассказывал о нем. После войны я пытался навести справки о его гибели, но... В Ленинграде столько людей тогда искали своих близких. Ничего не удалось узнать.

Замолчав, отец подпер подбородок ладонью. Борода забавно завернулась набок. Не шла отцу борода. Столько интересного мог отец рассказать о себе. Ведь был на фронте с четырнадцатью лет. Дошел от Ленинграда до Восточной Пруссии. Кем он только не был! И разведчиком, и снайпером, и командиром взвода... Но нет — про Голодную степь целый час рассказывал, только слушай. А спроси про войну, пожмет плечами, и все.

— М-да-а, — отец словно очнулся. — Знаешь, как верблюд ест кактус?

— Папа!

— Лижет, как клубничное мороженое.

— У тебя погиб друг. При чем тут кактус?

— Ладно, Олег.

— Надо было лучше искать тогда!

— Я ж не в школе учился, как ты, — словно бы оправдываясь, сказал отец, — мы Ижорский завод восстанавливали. День и ночь.

— Знаю. Но все равно.

— Я и не думал бросать поиски. Этой весной наконец-то удалось найти дневник.

— Дневник? Где же он?

— У меня, у меня. Приеду в отпуск, попытаюсь кое-что выяснить.

— Ну... когда ты еще в отпуск приедешь... — вздохнул Олег. — Неужели ты нашел дневник доктора Зайцева?

— Не Зайцева, а Волкова. — Отец как-то странно поглядел на Олега. — Ну и разведка! А что ты еще знаешь? Ну!

— Что знаю? По одним сведениям он, кажется, что-то совершил... героическое.

— Так. Продолжай, продолжай. А по другим сведениям?

— По другим... ничего он не мог совершить. Ну... смелого.

— Что-о?! Трус, выходит, был? — Отец встал, шагнул к окну и широко распахнул створки, словно ему не хватало воздуха. — Это был чистейший человек. Тебе это ясно?

— Мне ясно. Но...

— Я уверен, что он погиб, как герой. Я докажу!

— Когда же? — тихо спросил Олег. — Сам сказал: тридцать лет прошло!

— Неважно, — заявил отец. — Бери-ка своего сиамского Гешку — и айда на улицу.

Он был очень взволнован. Олег это видел. Нечего к нему сейчас приставать.

— Гешка, — позвал кота Олег. — Гулять!

Уже закрывая дверь, Олег услышал, как отец крикнул матери:

— Дай мне эту папку! Дневник доктора Волкова!

Кот Гешка очень любил ездить в лифте и гулять, сидя на плече Олега. Он мурлыкал и легонько покалывал когтями плечо хозяина.

— Хватит мурлыкать! Лучше скажи, где это они прячут дневник доктора Волкова?

Глава III

ДОКТОРА БЫЛИ РАЗНЫЕ

Олег вошел в кабину лифта и хотел уже нажать на кнопку, как появился на площадке Андрей Горикин со своим Мезоном. Огромный рыжий боксер Мезон был упрямейшим псом и не слушал хозяев.

— Погоди, Олег!

— Я с Гешкой.

— Ничего-о, не тронет, — заверил Андрей, открывая дверь лифта. — Куда, Мезон! Смирно! Кому говорю! — Но, не обращая внимания на приказ, боксер рывком влетел в кабину и, подняв страшную слюнявую морду, зарычал на кота.

- Гешка, сиди!
- Назад, Мезон!

Задрав лапы на стенку кабины, Мезон сунулся к коту и тут же взвыл от боли. Это Гешка, взмахнув лапой, поймал его когтем за губу.

- Что вы делаете с собакой! — завопил Андрей.
- А пусть не лезет!
- Это безобразие, отпустите!
- Ну и Гешка! Молодец!
- Останови лифт. Караул!..
- Потерпите!
- Немедленно отпустите!
- Я его, что ли, держу?
- Ответите за собаку!

Так доехали до первого этажа. Андрей вопил, Мезон кряхтел, выпучив глаза, Гешка, вытянувшись в струну, дрожал, но не отпускал Мезона. Едва открылась дверь лифта, Мезон рванул из рук хозяина поводок и с визгом выпрыгнул вон.

- Тоже собака называется! — усмехнулся Олег.
- А твой Гешка — вовсе не кот!
- Кто же еще?
- Брак природы.
- Сам ты «брак природы»! Догоняй своего Мезона!

Олег шел по улице. Гешка, крепко вцепившись когтями в куртку, невозмутимо сидел на плече.

— Олег! — раздался сзади знакомый голос. — Ты опять не здороваешься?

Нина Эдгаровна! Снова он ее не заметил, значит, снова она пожалуется маме.

— Я вас не видел.

— Видел, видел! Но специально отвернулся. И опять ты с этим котом. Фу!

Нина Эдгаровна была стройной невысокой блондинкой с большими серыми глазами и выглядела даже молодой, хотя мама как-то сказала, что она на пять лет старше отца Олега. Значит, ей к пятидесяти.

Она всегда красиво одевалась, и это Олегу нравилось. Сейчас на ней был мягкий белый свитер и синяя юбка с изящными золотыми пуговицами на карманах. Только пуговиц было слишком много. Это казалось смешным.

Маму с Ниной Эдгаровной познакомил отец. Когда-то

они учились в одной школе. Было это еще до войны. А встретились они недавно на школьном сборе.

И вот Нина Эдгаровна командует в их доме.

— С котом придется расстаться, — прожурчала она и достала из сумочки необычную серебристую пачку сигарет. Вытащив длинную сигаретку, она помяла ее пальцами и прикурила от красивой прозрачной газовой зажигалки. — Значит, ты в лагерь? А я буду жить рядом. На даче. И если мой муж не вернется еще из плавания, потом поеду с вами в деревню. Ты рад?

— Я это знал. Мне говорила мама.

— Ты рад?

— А Гешку можно будет взять?

— Я его спрашиваю, рад ли он тому, что я буду с ними, а он опять про кота! — возмутилась Нина Эдгаровна.

И тут Олег подумал, что она могла знать доктора Волкова. Она могла даже учиться с ним в одном классе.

— Нина Эдгаровна, как звали доктора Волкова?

Ему показалось, что она вздрогнула.

— Постой, какого Волкова? Он работает в поликлинике или в больнице? — спросила она изменившимся голосом. И почему-то погладила Гешку по спине, хотя терпеть его не могла.

— Доктор Волков не работает. Он учился в вашей школе. С вами.

— А-а... вот ты о ком.

— Вы его знали, да?

Почему она так разволновалась? Зря он ее спрашивает, не ответит она ему ничего. Сейчас повернется и уйдет. И нажалуется маме.

— Тебе что-нибудь известно о нем? — поглядела ему в глаза Нина Эдгаровна.

— Н-нет... Я хотел знать, как его звали.

— Борис. Борис Федорович Волков. Он пропал без вести в тысяча девятьсот сорок втором году. — Резко повернувшись, она пошла к их дому.

Сзади на подоле юбки у нее тоже были золотые пуговицы.

В августе прошлого года в Смоленске Олег нашел в старом, заросшем травой окопе позеленевшую гильзу. В ней

оказалась записка. В записке — имена защитников Смоленска. Среди прочих имен там упоминался полковник Громов Василий Иванович из Ленинграда. Олег привез записку в Ленинград и отыскал Громова. Для этого пришлось, правда, обратиться в военкомат. Когда Олег отдал записку полковнику, тот, разгладив ее на ладони, несколько раз вслух перечитал имена и сказал, что наконец-то, через тридцать лет, благодаря Олегу, он узнал тех, кто спас ему жизнь. И еще он сказал, что Олег — настоящий разведчик. Потом, на вечере в Доме офицеров, полковник Громов вручил Олегу памятный знак от имени ветеранов. Ветераны аплодировали Олегу во время вручения. «Запомни, — сказал тогда полковник Громов, — награда дается не только за прошлые подвиги, но и за будущие, которые еще надо совершить!»

«Вот подождите, я возьмусь за поиски доктора Волкова! — думал Олег. — За тридцать лет ничего не смогли узнать...»

— Олег! — крикнула длинноногая девчонка в красной куртке. — Гешку можно погладить?

— Не любит он, когда его чужие трогают.

— Я разве чужая? Ну и попадет тебе!

— За что? Говори, Ленка!

— Уже вся лестница знает. Весь дом.

— Что знает?

— У Мезона вся губа распухла. Его уже к моему папе водили, показывали.

Вот это новость. Будет теперь шуму.

— Ах ты, красавец, — Ленка почесала Гешку за ухом. — Злюка!

— Не злюка. Никто не любит, когда на него лают!

— А у меня на плече он может посидеть?

— Куртку тебе проколет.

— А я старую надену. Пойдем к нам.

— Зачем?

— Папа велел тебе зайти.

— Зачем?

— Когда к папе привели Мезона, Горикина кричала, что коту следует усыпить. Он, мол, бешеный.

— А отец твой?

— Папа сказал, что коты редко подвергаются бешенству. Но велел, чтобы ты зашел с котом.

— Да зачем... а вообще-то пожалуйста. Пусть смотрит! Лучше сходить, чтобы потом не говорили.

Ленкин отец лежал на диване в одних трусах. На вид ему было лет пятьдесят, но кожа на животе и плечах у него была розовая, как у ребенка.

— Надо предупреждать,— проворчал он, хватая со стула пижаму. — Значит, это и есть тот самый ненормальный кот?

— Абсолютно нормальный, — заявил Олег.

— Я исхожу из объективных данных, — сказал доктор, натянув наконец пижаму и сквозь очки хмуро поглядывая на Гешку. — Если кошка побеждает боевую собаку, — а боксер, несомненно, боевая собака, — то можно заключить, что кошка ненормальная.

— Характер сиамских котов мало изучен, — сообщил Олег.

— Я не знал, что у тебя сиамец. Тогда другое дело, — сказал доктор, зевая. — Зачем меня только разбудили? Идите гуляйте.

За диваном у стены стоял аквариум с красными рыбами. Над аквариумом висела большая фотография. Она была в красивой раме под стеклом. Человек двадцать молодых людей в белых халатах стояли полукругом, тесно прижавшись друг к другу.

— Найди здесь папу, — сказала Аленка, заметив, что Олег разглядывает фотографию.

— Сорок первый год! Наш выпуск! — с гордостью сказал доктор, подходя к фотографии. — Вся война легла на наши плечи!

— Где вы, что-то не найду...

— Да вот же! В середине. Возле профессора.

— Теперь узнал, — сказал Олег, удивленно рассматривая белобрысого толстячка на фотографии. — Значит, вы были на фронте? Мой папа тоже был. Добровольцем.

— Я воевал с первого дня. До последнего! — воскликнул доктор, располагаясь снова на диване. — Вся блокада, — он тяжело вздохнул, — мною изведена. Горздрав, госпиталь... Теперь не так ценят людей. Тогда я имел долж-

ность! Причем сразу после института! Сколько врачей мне подчинялось!

— Мы пошли, — сказала Аленка, она уже переделась. — Дай мне Гешку.

— Только не пускай его на землю.

— Ладно. Пошли.

— Я догоню, — сказал Олег, выходя за ней в коридор. — Сейчас. Как твоего папу зовут?

— Виктор Сергеевич.

— Если бы я работал, как раньше, в горздравотделе, мигом бы узнал, — с сочувствием сказал Виктор Сергеевич. — Погиб в сорок втором? Сколько же ему было?

— Он старше папы. На пять лет.

— А папе твоему — в сорок втором?

— Почти шестнадцать.

— Как, и он воевал?

— Конечно! Сперва в народном ополчении, потом в настоящей армии, после ранения. Он...

— Да ладно... Были и такие случаи. И у нас был сын полка.

Олег затряс головой. Нарочно он, что ли, не хочет понимать?

— Он присягу принял в сорок втором. Не был он сыном полка! Сержантом был, а потом командиром огневого взвода.

— Пусть так, если ты говоришь, — наконец согласился Виктор Сергеевич. — Пусть так. Значит, Волкову было пятнадцать плюс пять. Двадцать лет. Ну, двадцать один от силы, да?

— Да.

— Значит, он еще не окончил институт. Четвертый — пятый курс. Так... Но с началом войны все студенты старших курсов пошли в госпитали на должности врачей... Это сходится. Но странно все же! Почему ты отца не спросишь?

— Он не знает.

— А тебе-то зачем? — Виктор Сергеевич почесал волосатую грудь. — Тайны ищешь? Начитался книг?

— Мне это нужно... Для папы. Он очень хочет его найти.

— Еще в планетарий не забыть бы! — сказал отец, завязывая галстук. — Вернусь в Голодную степь, там сразу начнут расспрашивать: «В Эрмитаже был, в Русском музее был, в Петергофе был?» А я скажу — нет. «Зачем тогда ездил в Ленинград?» — спросят!

Дела, из-за которых отец приехал в командировку, уладились, и со стройки ему прислали телеграмму с разрешением использовать две недели в Ленинграде в счет отпуска.

О докторе Волкове отец больше не проронил ни слова. Олег попробовал поискать дневник, но, по-видимому, отец спрятал его в свой служебный портфель, запертый на два замка.

— Скоро, папа?

— Сейчас, только на завод позвоню.

— Я пока выйду?

— Жди у парадной.

Не успел он выйти, как к парадной подкатила бежевая «волга» с красным крестом. Из нее вылез Виктор Сергеевич.

— А-а, Олег!

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич.

— Как дела? — Виктор Сергеевич заговорщицки поглядел на Олега сквозь толстые стекла очков. — Ты меня, знаешь ли, заинтриговал.

Взглянув на часы, Виктор Сергеевич аккуратно подвернул полы белого халата и опустился на скамейку у парадной.

— Ты-то ничего больше не узнал?

— Нет. А вы?

— Пока нет. Но попросил сотрудников навести справки. Ты чего оглядываешься?

— Папу жду. Сейчас должен выйти.

— А он ничего больше не говорил?

— Нет, — помявшись, Олег добавил: — Я слышал, что Волков был тихоней и... не очень смелым.

— Вот что! Так... Это плохо, — поерзал на скамейке Виктор Сергеевич. — У нас в доме жил один бухгалтер. Тоже тихий. Интеллигентный человек, но трус страшный...

— Я же не сказал, что Волков — трус!

— Когда война началась, — продолжил Виктор Сергеевич, — немецкие лазутчики припугнули бухгалтера и завер-

бовали. Его наши мальчишки зацапали на чердаке. Ракетница немецкая при нем и гильзы пустые. Бомбовозы над городом, а он заводы освещает!

— А при чем тут Волков?

— На войне всякое бывало! — развел руками Виктор Сергеевич. — Мне пора, однако.

— Доктор Волков был на фронте. Он папин друг!

— И мне, мальчик, пришлось с некоторыми друзьями расстаться. Раз и навсегда. Эпоха велела, мальчик!

И Виктор Сергеевич пошел в парадную, расстегивая на ходу свой ослепительно белый халат.

ШКОЛА В БОМБОУБЕЖИЩЕ

Снова отец стоял в телефонной будке, прислонившись плечом к стеклу, и смеялся, разговаривая с мамой. Он звонил уже в шестой раз.

— О чем можно столько говорить? — проворчал Олег. — Ведь только виделись! Скоро, пап?

Отец махнул рукой: закрой, мол, дверь и жди.

Что бы такое совершить, чтобы отец на всю жизнь стал доверять ему? Как доказать, что он уже взрослый?

Дверь телефонной будки немного приоткрылась.

— Не капризничай, мамуля! — донеслось до Олега. — Мы тут зашли в «Балтику». Нет, не в кино, в ресторан у Косой линии. Это верно, могли бы и дома пообедать. Ты права. Да, да... там все невкусно и дорого, у тебя все свеженькое и неперезаренное. Что? Зачем таскаю сына по ресторанам? Но понимаешь, именно в этой самой «Балтике» в сорок первом году мы питались. Были прикреплены к этой столовой и ходили получать соевый суп! Здесь мне каждый дом известен. Знаешь, я раз в Васином саду... что? А, да, пардон, в Василеостровском саду листья кленовые собирал. Соседка Бориса из них лепешки потом пекла. Ну, что ты, Бориса не знаешь Волкова?

Олег подошел к будке вплотную.

— Последнее время много о нем говорю? — переспросил отец. — Это верно. Волков же был... что? Почему я все это должен говорить по телефону? Да, да. Но знаешь, все не верю, что тебе можно позвонить так легко. Бац — и ты говоришь: «Алло». — Он засмеялся. — Со стройки бы так звонить! Из Узбекистана, говорю, так бы звонить!

Что он хотел сказать о докторе Волкове? «Волков был...»

Они стояли на углу Большого проспекта и Гаванской улицы. «Родные и любимые места» — сказал отец.

Он старается побывать здесь в любой свой приезд. Кино клуб, Василеостровский сад, Ковш Петра I — вот их маршрут.

Отец раньше ездил сюда один, а сегодня взял Олега. Вот кино клуб; зал там, наверно, старый, маленький, не такой, как в «Славе», куда ходит Олег. Интересно все же, папа-мальчик ходил вот сюда в кино...

— Пойдем-ка. — Отец вышел из будки и зашагал быстрым шагом. Походка у него была легкая. В светлых брюках, в сетчатой оранжевой безрукавке, дочерна загорелый, он выглядел очень сильным и молодым.

— Пап! — Олег шел тоже крупным шагом, не отставая.

— Ну?

— А... сколько тогда билеты в кино стоили?

— Полтинник. На детский сеанс. Но мы чаще на прорыв ходили.

— Как это «на прорыв»?

— Столпимся человек двадцать возле контролера и все сразу как рванем в зал!

— Денег не было?

— Деньги на мороженое берегли!

— А вас не ловили?

— Ловили...

— И тебя ловили?

— Было.

— А если ловили, что было?

— Пенделя давали.

— Как это?

— Нормально. Коленкой под одно место.

— Те-ебе?!

— Думаешь, если я твой отец, так мне не давали?

— И Волкову?

Замедлив шаг, отец усмехнулся.

— Ну нет... Ему, конечно, не давали. Он на прорыв не ходил!

— Пап, а в блокаду очень боялись, что придут фашисты?

— Никто этому не верил. Даже дети!

— Ну... а если трусы?

— Такие бывали, да что о них говорить? Свернем лучше к тому старому дому, — показал отец на большое неказистое здание. Подвальные окна его были закрыты проржавленными железными дверцами.

— Сюда, — прошел отец под высокую арку. — Вот она, — показал он на массивную железную дверь подвала. Спустившись по железным ступеням, отец потянул заскрипевшее толстое кольцо. Дверь не подалась. — Что же теперь здесь? Картошка? Лопаты хранятся?

— А что было?

— Бомбоубежище. Потом наша школа. — Отец снова потянул кольцо.

— Ваша школа? Здесь?!

— Парты стояли, и глобус, и доска грифельная.

Олег спустился к отцу, взял холодное кольцо. Оно было тяжелым. Там, за дверью, наверное, низкие потолки, сырые стены, мокрые скользкие трубы. Где там могли разместиться парты, непонятно. Паровое отопление не работало, электричества не было. Как же тут можно было учиться?

— Холодина была, да?

— Пока Василиса Александровна не затопит, за парты и не сядешь. Времянка у нас была, такая печка железная. Идешь в школу — хоть щепку принеси! У меня раз бревно по дороге чуть не отняли! В сарае я его взял. В чужом. Наш сгорел еще осенью. Залез я в сарай, щупаю впотьмах, а там кто-то в одеяло завернут. Кажется, мужчина.

Кольцо выскользнуло из руки Олега, глухо брякнуло о дверь.

— Живой?

— Нет.

— Ты не рассказывал... Ты мне ничего не рассказываешь!

— Вот здесь, — отец показал на ступеньки, — мы рубили дрова.

— Зато во время тревоги хорошо. Вы уже в бомбоубежище, да?

— Во время тревоги? Кто вниз, а мы-то наверх бежали! Ползли — не бежали. Силенок не было!

— Наверх?

— Дежурить. На чердаке и на крыше. Зажигалки чертовы сбрасывали. За наводчиками следили. Раз одного поймали. Не мы, на соседней крыше. Диверсант. Забросили с парашютом.

— Представляю, как вы учились. Тут не до учебы, верно?

— Учились самым серьезным образом. Я впервые в жизни стал отличником. От злости. Помню, сядем вокруг печки... Василису Александровну на самое теплое место — у открытой дверцы. Две керосиновые лампы горят... Мы все в пальто, конечно. Писали карандашами, чернила замерзали... В общем, настоящий класс, только никто на уроках не разговаривает.

— Почему?

— Говорить не хотелось. Хотелось есть.

— А потом?

— Я же тебе рассказывал! Решили на фронт идти. Володя, Олег и я.

Значит, отсюда они и пошли! Олег еще раз поглядел на дверь. Они пришли утром в класс пораньше. Написали учительнице записку, чтобы о них не беспокоились, и ушли! У отца была граната, еще у них был штык. Их все время останавливали патрули, и они боялись, что у них отнимут штык и гранату. Шли они медленно. Немного не дошли до Пулкова, где были окопы бойцов Народного ополчения, и попали под артобстрел. «Обыкновенный артобстрел, — рассказывал отец, — каждый день по десятку таких было», — но Володя и Олег погибли. Отец очнулся в санроте Народного ополчения.

— Пап, кто тебя доставил в санбат? Ты еще говорил, что тебе повезло.

— Меня нашел доктор Волков.

— Он разве был в ополчении?

— Был, конечно.

— А потом?

— Ну что тебе... — Отцу явно надоедали расспросы. — Я потом остался на излечении, а вот Волков... его из-за меня ранило, был отправлен в госпиталь. В Ленинград.

— А потом?

— Не знаю... он оказался почему-то там...

— Где — там?

— Да на заводе. В сорок втором зимой я его встретил здесь, в Гавани. Он мне отдал пакет, просил, чтобы я обязательно передал его одной знакомой. Чтобы разыскал ее непременно.

— Ты нашел ее?

— Да. В пакете был дневник Волкова и письма к ней. Ну, все? Или еще есть вопросы? Ты хочешь спросить, как теперь дневник снова попал ко мне?

— Да!

— Ну и дотошный ты! Дневник мне отдала родственница Волкова. Она живет в Ташкенте. Там я с ней встретился. А родственнице дневник переслала та знакомая. Понял наконец?

— Понял. Не сердись, папа...

— Сержусь, потому что и дневник мне ничего не объяснил. Он сразу обрывается — и ничего не ясно. Но я приеду в следующий раз, буду посвободней и займусь.

— А если мне попробовать, а? — предложил Олег, но отец покачал головой.

— Сам!

— Пап, тебе нравится эта Нина Эдгаровна? Она какая-то... Зачем ты ее с мамой познакомил? У нас теперь дома все не так!

— Вот что! — Отец даже остановился. — Чем это она тебе не угодила, а?

— Ходит, командует... а одевается — смех!

— Брось, — сказал отец. — Одевается, командует... какая чушь! Она же из нашей школы. Ее класс погиб... весь, весь. Все до одного.

Глава V

ПАКЕТ ДОКТОРА ВОЛКОВА

Только четыре дня остается до лагеря. А вчера отцу пришла телеграмма с новым заданием. Он еще недели полторы будет дома.

Родители ушли в кино. Билеты на «Гамлета» достала Нина Эдгаровна. И уж конечно, на последний сеанс, чтобы не брать Олега!

— Никуда не уходи! Ты должен спать, когда мы придем! — приказала мама.

Послonyaвшись по квартире, Олег открыл холодильник. Тут же, сориентировавшись на запах свежей салаки, примчался Гешка. Пришлось кинуть ему две рыбки. Достав бутылку минеральной и бутылку лимонада, Олег налил в стакан сразу из обеих бутылок и со стаканом в руке пошел в свою комнату, устроился на тахте и открыл наугад книгу. Она открылась именно на том месте, которое Олег знал наизусть:

«Майору Алиасу, всем моим товарищам по авиакорпусу дальней разведки 2/33, и в особенности штурману капитану Моро и штурманам лейтенантам Азамбру и Дютертеру, которые во время вой-

ны 1939—1940 годов поочередно вылетали со мной на боевые задания и которым я остаюсь верным другом до конца жизни».

Над последней строкой Олег снова задумался. Он прочитал много книг о фронтовой дружбе, но только сегодня до него полностью дошел смысл этих слов: «...остаюсь верным другом до конца жизни». Отец и через тридцать лет разыскал дневник Волкова. Он верен дружбе!

В дверь позвонили. Кто это так поздно?

Олег открыл дверь и невольно отшатнулся. В коридор, оттолкнув его шершавым боком, ворвался Мезон. За ним вошел важный Андрей Горикин.

— Ты бы еще ночью пришел!

— Повезло тебе, скажи мне спасибо!

— За что?

— Отец меня в лагерь на машине повезет. И тебя захватим.

— Мезон тоже поедет?

— Без Мезона отец не ездит.

За что всеми уважаемый известный физик Горикин так любит этого слюнвявого боксера? Однажды он даже установил, что Мезон слишком растолстел и ему надо побегать. Горикин сажился на гоночный велосипед, а пес бежал рядом на поводке. Через несколько дней бока у Мезона так западали, что показались ребра. Но на одной из прогулок он учуял в кустах кошку и рванул туда. Горикин полетел с велосипеда через голову. Целый месяц потом он носил перед собой руку, похожую в гипсе на короткое, но толстое полено.

— Так скажи спасибо!

— Ладно. Сперва отвезите.

— Кот твой куда смылся, а? Поцарапал Мезону губу и теперь прячется!

— На то и кот, чтобы царапаться. Пусть твой отец прикажет Мезону не лаять!

— Что ты! Он никогда ничему не учит Мезона. Он считает, что Мезон — часть природы. А природа интересна в своем натуральном виде!

— Гешка! — позвал Олег, едва ушли гости. — Где же ты? Напугался, да?

Кота не было ни на кухне, ни в комнате Олега. Опять,

значит, спрятался в гостиной, где у мамы настоящий музей раковин и кораллов, хранящихся на специальных подвесных полках. Полки эти занимают все стены. Кроме диковин подводного царства на полках старые фарфоровые чайники, хрупкие чашечки, бронзовые фигурки людей и зверей. Все это по совету Нины Эдгаровны мама приобретает в комиссионном магазине на Садовой.

Принеся домой бронзу, мама варит гороховую кашу по особому рецепту и облепляет ею купленную вещь. Пробыв сутки в каше, бронза становится «как новенькая» и попадает на одну из полок. Олег как-то заметил, что настоящая бронза должна выглядеть не «как новенькая», а на ней должен быть налет времени, называемый благородной патиной. На что мама сказала, что это ерунда, не патина, а вульгарная грязь.

В гостиной есть еще бар, в котором хранятся очень красивые пустые бутылки. И еще имеется здесь странное сооружение из темной проволоки, похожее на лошадь с обнаженными ребрами. Между ребер помещаются журналы, но так как лошадь все время валится набок, — журналы валяются на полу.

Везде: на полках, на телевизоре и рояле — стоят деревянные зверьки, птички из фаянса, вазы и вазочки и прочая мура.

Когда Гешка забегает в эту комнату, с мамой сразу делается худо.

А кота будто магнитом тянет именно сюда!

Он так любит прыгать с полки на полку, нюхать и перебирать лапой вазочки и статуэтки. Нина Эдгаровна сказала, что однажды кот, она давала честное слово, на ее глазах съел одну статуэтку.

— Гешка, — звал Олег, — Гешка... — Он обошел всю гостиную и убедился, что портьеры не сдернуты, все фигурки на месте и даже «лошадь» не опрокинута.

В стенном шкафу послышалось шуршание.

Все ясно. Кот спрятался туда. Не хватало только, чтобы он снова наделал дырок своими когтями в маминых вещах!

Олег полез в шкаф и нащупал кота на самой верхней полке.

— Ну и дал же ты деру! Придется потревожить ваше сиямское величество! Да отпусти шляпу, вцепился, как тигр! Говорю, отпусти!

Кот явно не думал уходить из убежища. Полка была высоко, доставать неудобно, и Олег, разозлившись, потащил упрямого кота за ногу. Вслед за Гешкой на пол полетела целая груда меховых шапок, зимних шарфов и перчаток, и какие-то еще свертки и пакеты. Вдобавок, вредный кот оцарапал Олегу палец, вырвался и, ошалело прогремев по раскрытому пианино, прыгнул с воем на портьеру, сорвал ее на пол и лишь после этого смылся на кухню.

— Ну, Гешка! — закричал Олег в отчаянии. — Да мне ж теперь целый час тут убираться!

Торопясь, он все запихал назад как попало, остался только какой-то пакет, перевязанный толстым белым шнурком. Голубоватая плотная бумага, из которого был сделан пакет, вся исписана какими-то цифрами. Олегу некогда было их разглядывать, он просто закинул пакет на верхнюю полку, но пакет съехал назад, громко шлепнувшись на пол.

В этот неподходящий момент в дверь два раза позвонили. Это родители.

— Вот черт! — Олег схватил пакет и тут заметил на нем узкую полоску из белой бумаги, наклеенную сверху. Рукой отца на полоске было написано: «Б. Ф. Волков».

Снова позвонили два раза.

— Сейчас, сейчас... — Захлопнув дверцы шкафа и плохо соображая, что он делает, Олег опрометью бросился к себе в комнату, заметался по ней, не зная, куда бы спрятать пакет, и не придумал ничего лучшего, как сунуть под подушку.

— Что это здесь происходило и что происходит? — сразу спросила мама, войдя и только мельком взглянув на него. Кто, кто, а уж она-то всегда видела его насквозь.

Олег постарался как можно спокойней пожать плечами: все, мол, в порядке.

— Ты спал? — снова спросила она, пройдясь по квартире. — А?

— Еще нет.

— А подушка почему так лежит? И почему ты красный? Заболел?

Он и сам чувствовал, что его щеки пылают.

— Я... это... читал. Потом собирался спать...

— Ладно. Иди мойся, я тебе постелю. Ты ужинал?

— И ужинал, и мылся. Пусти, я сам постелю! — закричал он, видя, что она уже подступилась к постели.

— Да в чем дело? — Она пощупала ладонью его лоб.

— Нет у меня никакой температуры. Пусти, я лягу.

— Измерим — узнаем. Николай, дай мне градусник. Он в кухне в аптечке.

— Да пусть он ложится, — вмешался отец. — И дай ты парню самому постелить. Не пять же лет ему!

— Вот так всегда у нас, — обиделась мама. — Я говорю одно, ты — другое.

Давно уже была ночь, давно затих весь их огромный дом. Спали родители в своей комнате. Гешка посапывал в ногах у Олега, свернувшись подковкой. Лишь иногда в тишине слышалось гудение, и окно ненадолго освещалось косым желтым светом, проникавшим сквозь неплотно сдвинутые портьеры. Свет медленно проходил по комнате, вернее, проплывал. Это неподалеку от их дома работал башенный кран. Шло строительство магазина.

Все еще переживая случившееся, Олег лежал с открытыми глазами. Только раз, когда свет башенного крана осветил комнату, он достал из-под подушки пакет. Посмотрел и спрятал назад. Нет, он не собирался развязывать шнур и доставать дневник Волкова. Этого он сделать не мог...

Однажды, когда Олег учился еще во втором классе, он взял из ящика отца лист бумаги и весь разрисовал цветной тушью. А когда перевернул, то обнаружил, что испортил какой-то документ. Напугавшись, он разорвал документ и выбросил в мусоропровод. На другой день отец с матерью перерыли все бумаги. Несколько раз отец спрашивал у Олега, не брал ли он что-нибудь из его письменного стола. И Олег упорно повторял, что ничего не брал. А потом мама сказала, что, возможно, она случайно выбросила документ вместе с мусором. Отец побежал к дворнику и в мусорном баке нашел клочки порванного, разрисованного документа...

До сих пор он хорошо помнит весь этот день. С брезгливым выражением лица, морщась, отец дал ему пощечину, молча рванул с вешалки плащ и ушел из дому. Мама тогда подбежала к Олегу, в ее глазах было такое презрение, она хотела сказать ему что-то злое, он это видел. Но она ушла к себе и легла на тахту. А когда он в десять вечера тихо спросил: «Мама, я лягу?» — ответила, что он может делать, что хочет. И он лег поверх одеяла и тоже ждал, когда же позвонит отец. Но звонка не было и не было. Мама сама зво-

нила куда-то. Потом она встала, оделась и вышла из дому. Это было уже поздно ночью...

И вот сегодня он спрятал этот пакет...

Если бы родители не позвонили так неожиданно, он бы просто подержал его в руках и, конечно, положил бы назад. Все произошло как-то само собой. Уж больно много он думал о докторе Волкове. А после того дня, когда они с отцом побывали на Васильевском острове, он постоянно вспоминал разговор на ступеньках бомбоубежища и еще больше думал о Волкове.

Мягкий желтый свет снова заполнил комнату и, немного покачавшись, замер. Прошла минута, вторая. Свет не исчезал.

Достав еще раз пакет из-под подушки, Олег начал осторожно прощупывать его. Что-то там хрустело. Неужели фотографии! Интересно увидеть, каким был доктор Волков. Между прочим, шнур завязан не очень крепким узлом. Может, развязать, поглядеть и снова завязать как было? Он только посмотрит фотографию, и все.

Он начал развязывать узел, но свет дрогнул и исчез из комнаты. Сунув пакет под подушку, Олег решил проснуться пораньше, когда рассветет. Но проспал до десяти.

Улучив момент, он положил пакет назад в шкаф, так и не посмотрев на фотографию доктора Волкова.

Глава VI

ПРИ НЕИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Прошло еще два дня. Олег съездил в Гавань, снова постоял на ступеньках бомбоубежища. Прошел по всей Кожевенной линии и обнаружил, что там не один завод, как он почему-то думал, а несколько. Потом купил билет в кино клуб на сборник мультфильмов. На контроле стояла строгая костлявая старуха. Из ее уха висел проводок слухового аппарата.

— Вы здесь давно? — спросил Олег, протянув ей билет.

— Что? — вздрогнула контролерша. — Да, здесь кино. Театр у нас не работает.

— Я говорю, давно ли вы работаете? — крикнул Олег.

— С утра, с утра. А ну, не мешай, видишь, целая толпа у меня!

«Вполне она здесь могла еще до войны работать и оглохнуть от бомбежек, — решил Олег. — Но попробуй у нее спроси! Вон сердитая какая, у нее не выйдет «на прорыв».

А вот и зал. Ну так и есть! Небольшой, и балкон тоже маленький, как он и представлял. Отец говорил, что это самый лучший кинотеатр на свете.

Олег сел на свое место в восьмом ряду. В зале было шумно. Мальчишки и девчонки кричали, стараясь перекричать друг друга. Разворачивали гремящие шоколадные обертки и тайно ели мороженое, которое в зал проносить не полагалось.

Какой-то рыжий мальчишка в соседнем ряду бил книгой своего соседа. Олег схватил его за руку и тряхнул.

— Ну, ты, — прошипел мальчишка, зло смерив Олега глазами. — Потом выйдем, узнаешь!

Вот-вот должен был погаснуть свет. И вдруг в зале слышался топот ног, раздался какой-то крик, и Олег, вскочив с места, повернулся и увидел, что по залу от входа мчатся сразу семь мальчишек и две девчонки, а старуха контролерша бежит за ними.

«На прорыв» пошли, понял Олег.

Старуха контролерша не могла уйти далеко от дверей, потому что ей надо было проверять билеты, и нарушители по одному разбежались по всему залу.

— Я всех вас запомнила! — громко крикнула контролерша. — Будете выходить, сдам дружинникам!

Свет погас, и сзади в темноте кто-то плюхнулся в кресло, дыша как паровоз. И сразу же зашуршала обертка от мороженого. И раздался веселый шепот:

— Васька, а где Длинный?

— Куда-то на третий ряд полетел.

— А Шурка?

— Ее задержали.

— Одну?

— И Косолапого еще, Витьку.

— Вот дураки, верно?

На них кто-то шикнул, и они затихли ненадолго, потом опять забубнили и затихли, лишь когда кончился журнал и начал выплывать на экране хитрый ловкий заяц, все время обманывающий тощего волка.

«Папа в этом зале видел «Джильбарса», и «Чапаева», и еще какую-то «Кукараччу», — подумал Олег. — И ходил «на прорыв», как эти сзади, а доктор Волков не ходил. И во все не потому, что был трусом, а потому, что был старше, и еще потому, что мечтал, наверное, о медицинском институте и был серьезным человеком. Надо все же набраться решимости и спросить у отца, на каком именно заводе был доктор Волков в сорок втором году».

Но тут он подумал о том, что доктор Волков не мог быть на заводе. Ведь он же служил в действующей армии...

На первом этаже столпились люди, безнадежно нажимая кнопку лифта.

— Пропустите, — сказал Олег, — пропустите, пожалуйста! Напрасно вы ждете! Лифт заколдованный. По воскресеньям любит отдохнуть.

— Но там человек застрял! — сказала женщина с ребенком на руках.

— Пусть вызовет механика, — посоветовал Олег. — В кабине же есть микрофон. Надо только кнопку нажать красненькую.

— А где ж тот механик? — флегматично спросила бабушка с третьего этажа. — Можете же в домино лупить, аль водку пить! А люди там застрявшие мучаются!

— Сейчас спасем! — Олег пошел вверх и на пятом этаже увидел застрявших в лифте Айболита и Андрея Горикина. Андрей отчаянно нажимал кнопку аварийного вызова.

— Не жмите кнопку, я вам говорю, — гудел микрофон. — Не хулиганьте!

— Но мы ж застряли! — пищал Андрей своим высоким голосом.

— Аварийная сейчас приедет, вам сказано! — гудело из микрофона.

Виктор Сергеевич стоял, прислонившись к стенке лифта в безучастной позе.

— Балда! — сказал Олег Горикину. — Выйти не можешь?

— А ты можешь, да?

— Если можешь, выпусти нас, — важно попросил Айболит.

За мусоропроводом Олег нашел проволоку с крючком на конце. Он не раз видел, как этой проволокой лифтеры открывают лифт.

— Зачем ждать аварийную? — сказал он, просунув проволоку за сетку и нажав на рычаг выключателя. — Пожалуйста, оп-ля!

Дверь щелкнула и открылась.

— Подумаешь, — хмыкнул Горикин, а сам бросился из лифта первым. — С проволокой и дурак сумеет!

— Выпустил бы я тебя! — обозлился Олег. — Если бы не Виктор Сергеевич...

— Да ты мастер! — удостоил похвалы Виктор Сергеевич. — Спасибо. Погоди, — остановил он Олега. — Ты свободен?

— Я? Конечно!

Доктор посмотрел на часы.

— Сейчас не очень удобно, — сказал он и добавил сердито, повернув голову в сторону лифта: — Теряешь бесценное время! Безобразие!

— Я... я могу потом зайти, скажите только, когда, — заторопился Олег. — Я в любое время могу. Вы что-нибудь узнали, да?

Виктор Сергеевич еще раз поглядел на часы.

— Впрочем, пойдем. Я не виноват, пусть спрашивают с домоуправления!

Наверное, он опоздал на какое-нибудь очень важное заседание из-за этого лифта. А может быть, он должен был принимать больных? Вон как сердится. Но если все равно не хочет откладывать разговора, — значит, узнал что-то.

Нажав на кнопку звонка, Виктор Сергеевич не отпускал, пока дверь не открыла его жена, женщина с суровым лицом, бывшая на полторы головы выше его. Жену его звали Зинаида Васильевна. Она любила сидеть у соседей. Часто приходила и к маме. Всегда придет на минутку, а просидит весь вечер. Виктор Сергеевич по три раза звонит по телефону, зовет ее домой, а она все сидит и сидит.

— Виктор! — крикнула, открывая дверь, Зинаида Васильевна. — Я тебе не слуга! Учти, мы уже пообедали, Алена ушла гулять. Да, да! Ешь теперь сам!

— Но ведь лифт не работал, вернее застрял! Если бы не Олег...

Она не дослушала, махнула рукой и ушла в комнату.

— Итак, Олег, я должен тебе кое-что сказать. Но, — он поднял палец, — не очень приятное.

Виктор Сергеевич позвал Олега на кухню и заглянул в кастрюли, стоящие на газовой плите.

— Вот те на... — пробормотал он обиженно и полез в холодильник, откуда достал тарелку с сыром и стал делать себе бутерброды. Потом нашел в холодильнике молоко, налил в стакан и, жуя бутерброд, продолжил: — Война была давно. Ты знаешь о ней лишь по книгам. А я... пусть я не был на самой передовой, но и к нам поступали раненые. И мы работали знаешь как?

Для чего это он? Ведь речь не о нем.

— Мы работали, Олег, день и ночь и жалели, что у суток нет еще времени. Тогда я и полюбил свою профессию до конца. И мои товарищи, врачи, стали для меня самыми прекрасными людьми на земле. Понимаешь?

— Конечно, это любому понятно.

— Поэтому, когда ты рассказал о Волкове, я постарался сделать все, чтобы найти его, но... Это подозрительно!

Ладони у Олега вспотели от волнения. Да что же это такое? Почему он тянет?

— Волков спас папе жизнь. Он нашел папу раненым и замерзшим и тащил его на себе. А немцы по ним стреляли. И ранили Волкова.

— Легко ранили, — вставил Виктор Сергеевич. — Легко.

— Так вы знаете! Нашелся? — Олег вскочил со стула.

— Тебе это отец рассказывал? Когда? — в свою очередь спросил Виктор Сергеевич.

— Да только что.

— Почему же он не сказал тебе остального?

— Остального?

Печально усмехнувшись, Виктор Сергеевич терпеливым тоном стал пояснять:

— Помнишь, я говорил, что на войне люди вели себя по-разному?

→ Это вы о наводчиках?

— С этими-то все ясно! А вот еще были... они не переходили на сторону врага и не прятались от призыва в армию... — Виктор Сергеевич открыл холодильник, и, достав два яблока, предложил одно Олегу. — Но это были дезертиры моральные! Понимаешь?

— Нет.

— Ну... умели устраиваться люди. Добывали всякие справочки, отсрочки. Находили места тепленькие, безопасные... — Виктор Сергеевич принялся за яблоко. Потом продолжал: — Военный хирург — это десятки операций в день в тяжелейших полевых условиях. Это страшная должность, Олег! Так вот... студент Волков был легко ранен и должен был явиться в институт. Их должны были выпустить за десять месяцев. Условия военного времени. Но студент Волков не явился в институт! Почему?

— Почему? — машинально повторил Олег. — Вы думаете, он устроился куда-нибудь?

— Поработал, видимо, в полевых условиях немного, испугался и... Нет, отец твой все же что-то знает! Все это не просто!

— Ну, а потом?

— Потом он, видимо, погиб, — пожал плечами Виктор Сергеевич. — Там написано: «Считать погибшим при неизвестных обстоятельствах...» Что с тобой, Олег?

— Считать погибшим... при неизвестных обстоятельствах! — У Олега перехватило горло от волнения. — Считать погибшим! А вы говорите: дезертир!

— Я этого не утверждаю! Волков мог погибнуть и под обстрелом, мог умереть от голода, замерзнуть... Блокада! Все могло быть.

— Да вы же говорили...

— Почему ты на меня кричишь? Я говорил, что Волков в институт не явился. Кто знает...

— Про Экзюпери тоже написано: «Пилот считается утерянным»!

— Экзюпери?.. При чем тут...

— А если доктор Волков — герой? — не отступал Олег.

— Слушай, оставь меня в покое! Тридцать лет прошло. Я уверен, что этого дела лучше не касаться!

Вечером Олег смастерил еще один альбом. Копию того, в котором у него были собраны материалы об Экзюпери. Только обложку пришлось сделать красной, синего картона дома не нашлось.

На первой странице он написал: «Борис Федорович Волков 1921 г. р. студент-медик, знакомый Кислицына Н. В., которого в феврале 1942 г. вынес раненым с поля боя.

Был хирургом под Пулковым. Ранен (легко) в феврале 1942...»

На этом кончалось все, что было известно достоверно. Прочитав написанное, Олег приписал дрогнувшей рукой: «После ранения находился где-то в Ленинграде. По некоторым сведениям Б. Ф. Волков мог уклониться...»

Не хотелось Олегу писать о нем ничего плохого.

Экзюпери, сощурившись, белозубо улыбался со стены, как бы говоря: «Не отступай!»

Не dokonчив фразы, Олег провел под ней резкую черту и написал: «Б. Ф. Волков считается погибшим при неизвестных обстоятельствах».

Глава VII

ПАКЕТ ИСЧЕЗ

Да, Олег решил еще раз взять пакет с письмами доктора Волкова. Слова Айболита совершенно сбили его с толку. Он больше не мог думать о том, что будет, если родители об этом узнают. Он решил: как только наступит подходящий момент, вытащить пакет из шкафа, дожждаться ночи и, запершись в своей комнате, тайно прочитать хотя бы одно письмо. Плохо только будет вскрывать конверт. Бумага его, конечно, уже ломкая от времени, и придется проявить великую осторожность, чтобы не порвать ее. Ничего, что-нибудь уж он придумает. Завтра он никуда не пойдет весь день. Пусть только родители куда-нибудь уйдут хоть на полчаса. Он возьмет пакет, а потом посмотрит, как быть с конвертом...

С этим твердым решением он рано лег спать, чтобы поскорее наступил завтрашний день. Но когда проснулся и взглянул на часы, было уже десять. Отец и мать не разбудили его к завтраку. Они с кем-то разговаривали на кухне. Олег прислушался и узнал журчащий голосок Нины Эдгаровны. Значит, пьют кофе, и это надолго.

Рывком соскочив с тахты, Олег открыл настежь балкон, быстро убрал в ящик постельное белье и стал делать зарядку. Он любил делать зарядку долго, пока «не проснутся все мышцы».

Потом он пошел под душ и вымылся сперва с мылом под теплой струей, а затем пустил одну холодную и крепко растерся губкой.

После душа он достал из шкафа чистую тенниску. Приятно было ощутить холодок легкой ткани на разгоряченном теле. Брюки он отутюжил еще с вечера, а сейчас, стоя перед зеркалом, убедился, что стрелки сделаны правильно, просто замечательные стрелки.

Только после этого, уверенный, что все у него в порядке, Олег вошел на кухню и, поздоровавшись, сел за стол на свое место.

— У меня есть печенка с гречкой, черешня, творог, и могу дать тебе кофе, — сказала мама.

— Кофе? Ему? — спросила Нина Эдгаровна, оглядев его внимательно. — Не советую... В Чехословакии, например, детям не дают кофе до шестнадцати лет. Кофе возбуждает. Ему еще надо пить молоко или какао.

Сама она пила кофе из крохотной чашечки, красиво держа ее перед собой. На коленях у нее сверкала узкая, из серебряного бисера сумочка. Возле ее блюда лежала серебряная пачка сигарет и прозрачная изящная зажигалка. Крепкий аромат ее духов не мог заглушить даже сильный запах свежего кофе.

— А он будет красивым, — прожурчала Нина Эдгаровна. — Только пусть не увлекается спортом. От спорта неравномерно развиваются плечи и спина.

— Парню не надо быть слишком красивым, — заметил отец.

— Ерунда, Николай! Красивыми все хотят быть, да не могут, — возразила Нина Эдгаровна. — Во-первых, это приятно. Олег, за тобой девочки уже бегают?

— Нина Эдгаровна, вам еще кофе налить? — мягко вмешалась мама.

— За мной-то бегали... Мальчишки двойки получали. Но из всех лишь один мне нравился... Бедный Борис...

«Доктор Волков», — понял Олег.

Глухим голосом отец сказал, что ему необходимо позвонить, и вышел из кухни.

Позавтракав, Олег пошел в свою комнату и с удивлением обнаружил, что отец сидит за его письменным столом и,

подперев рукой щеку, что-то внимательно разглядывает. Олег сделал шаг к столу. Перед отцом был раскрыт альбом. Тот самый, что Олег смастерил вчера.

— Откуда ты это выписал? — Отец постучал пальцем по неоконченной странице.

Не мог же Олег рассказывать о беседах с Айболитом!

— Откуда эти нелепые сведения, а? «Мог уклониться...»

— Ну... это всегда так делают, — принялся оправдываться Олег, — пишут всякие предположения... версии.

Подняв голову, отец долго и хмуро смотрел на Олега.

— Где это так делают? В кино? Я тебя спрашиваю? «Версии!» Все в игры играешь!

— Папа, если тебе не нравится... Что я плохого делаю? Хочу тебе же помочь.

— Не надо. Играй, читай книги, смотри кино. Но его, — отец провел пальцем по фамилии Волков, — я тебе запрещаю трогать. Вот вернусь домой, выкрою время и сам займусь.

— Когда ты вернешься! Сам говорил: тридцать лет прошло.

— Если бы я мог узнать о последних днях Бориса... Но ведь многие погибли безвестно...

— Скажи, почему ты мне не доверяешь? Не играю я вовсе!

Но отец не стал отвечать. Он надолго задумался. Рука его все так же лежала на альбоме. Наверное, он подыскивал самые убедительные слова, потому что несколько раз поднимал голову, чтобы заговорить, но все не решался.

— Слушай, сын! — наконец твердо отчеканил он. — Если я тебе говорю, что мой друг, Борис Федорович Волков, никогда не мог стать трусом, то нечего тут! И никакие справки тут не нужны!

— Справки?..

Значит, не выдумывал Айболит — какие-то справки в самом деле есть! Но отец требует, чтобы ему верили: его друг — честный человек. Олег-то верит, конечно. А другие? Такие, как Айболит. Он-то никогда не поверит! Не зря же он тогда про бухгалтера речи заводил. Ему надо доказать!

— Пап, а если еще попробовать? Зачем же так оставлять? А если... Волков — герой?

— Несомненно! — с уверенностью отозвался отец. — Человек отдал жизнь. Я не хочу, чтобы возле его имени

кружились какие-то нелепые слухи. Волков был наш, советский человек. Таким, я уверен, он оставался до конца. Если бы я мог что-нибудь узнать о его последних днях... Что ж, многие погибли безвестно, не один Борис...

— А скольких находят, пап!

Отец только вздохнул.

— Мал ты еще, Олег! Война. Подвиг. Любовь. Смерть. Измена... — Отец произносил каждое слово после паузы, как бы с большой буквы. — Это все огромно, сынок! Ты не обижайся, но тебе это пока не по силам. Тебе, сынок, мало, что Экзюпери насмерть дрался с фашистами. Непременно нужно, чтобы он таранил парочку «мессеров»!

Олег дождался часа, когда родители ушли из дому, и полез в шкаф за пакетом. Но его ждало разочарование. Пакета в шкафу уже не было.

Глава VIII

В ШКОЛЕ ЕГО ЗВАЛИ «ДОКТОР»

— Тону-уу-у! Ой, тону! — несло над Финским заливом. — Спа-сите-е!

Лениво подняв голову, Олег поглядел в сторону тонущего Андрея Горикина и снова прижался к горячему песку. Шевелиться не хотелось. Два тайма в нападении без замены отыграл, четыре гола забил и еще три забиты с его подачи. Может он отдохнуть?

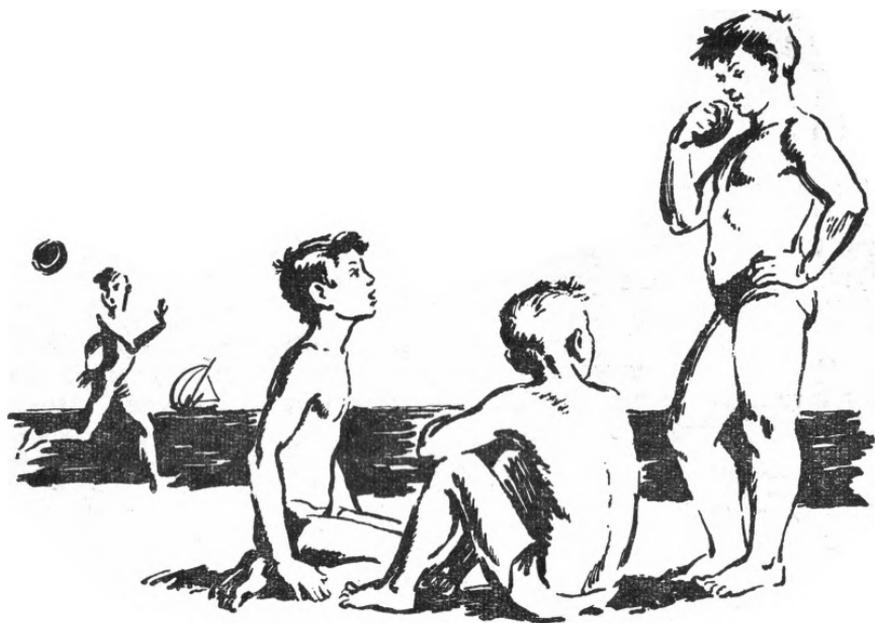
— Вправду тону-уу...

— А если и верно тонет? — обеспокоился Генка, лучший вратарь всех пионерских лагерей. Он приподнялся на локте, чтобы лучше видеть, что там с Горикиным.

— Да ну... — сказал Олег. — Такой толстый разве потонет... Главный болельщик команды! Вот мяч порвем, можно им играть! Ну, что ты орешь? — крикнул Олег, наконец поднявшись и подходя к воде. — Что надрываешься?

— Я то-тону, — отдуваясь, заявил Горикин. Он отчаянно барахтался, поднимая брызги.

— А ты не тони. Перестань, — пожал плечами Олег.

— Издеваешься? Спасать должен! Обязан!

— Встань на ноги, пловец. Здесь же мелко. Да не бойся, вставай.

Горикин встал. Вода оказалась ему до пупка. Все футболисты рассмеялись. Олег громче всех.

— Подумаешь! Смеется над людьми, а самого без няни даже в лагерь не отпускают! — окрысился Горикин.

Это он намекал на Нину Эдгаровну, которая слишком часто приходит навещать Олега.

— Зачем она копну на голове носит? Твоя няня!

Шляпа Нины Эдгаровны вызывала удивление всего лагеря. Она была сделана из желтой соломы и напоминала птичье гнездо.

— Французской шляпы не видал, что ли?

— Каждый день проверяет, — не унимался Андрей, явно завидующий громкой футбольной славе Олега. — Французская шляпка!

— А тебя слюнявый Барбос навещает? — Олег снова улегся на песок.

Отец Андрея приезжал в лагерь на гоночном велосипеде. И всегда с Мезоном на поводке.

— Да хватит вам спорить, — сказал Генка. — Такой матч выиграли. Здорово ты с углового забил!

— Случайно, — нахально заявил Горикин, выбираясь на берег. — Случайно забил. — Он подошел к своей одежде, достал из брюк большой коричневый бублик и с аппетитом набросился на него. — А ты знаешь, что с твоим котом? — спросил он Олега. — «Брак природы» исчез! А по-моему, твоя мамаша его выбросила или продала.

— Гешка исчез? Откуда ты знаешь?

— А ты не знал? Мне отец уже давно сказал.

— Это он без меня не может, — сказал Олег. — Всегда убегает, когда меня долго нет.

— Ты еще скажи, что он тебя ищет! — фыркнул

Горикин и, подавившись бубликом, закашлялся. — По следу твоему и... идет!

Вечером Олега разыскал дежурный и сказал, что его срочно вызывает начальник лагеря.

Начальник лагеря — преподаватель физкультуры из школы, где учился Олег, возился с мотоциклом у своей папки.

— Кислицын! В город со мной поедешь? Отец твой позвонил. В двадцать три у него самолет. Просил передать тебе.

— Уже восемь. Успеем ли? — заволновался Олег.

Ему так захотелось увидеть отца! Перед отъездом в лагерь они снова поспорили из-за Волкова. Отец каким-то образом узнал, что Олег был у Айболита. И конечно, сильно рассердился. Он даже не поехал на вокзал проводить Олега в лагерь. Только один раз приехал в родительский день, но все время старался или купаться, или искать грибы — словом, сторонился Олега.

— А когда он звонил?

— Да уже минут сорок. Нам до города всего час езды. Только «ява» моя не в форме. Как назло, когда срочно надо...

Если бы «ява» была «в форме», если бы их не задержали на шоссе дружинники за превышение скорости, если бы на перекрестке, как назло, не загорались так часто красные огни, то, возможно, и удалось бы застать отца дома.

Но дома никого не оказалось. И даже Гешка не выскочил навстречу, не прыгнул с урчанием на плечо.

В кухне на серванте лежала записка. От мамы.

Ему приказывалось, если он приедет и не застанет никого дома, немедленно сходить в парикмахерскую постричься, потом как следует вымыться в ванной и ждать маму.

От отца ни слова. Даже не приписал ничего после мамы. Может, рассчитывал, что Олег успеет все же его проводить. Надо было прямо на аэродром ехать...

Олег пошел в свою комнату и горестно повалился на тахту. Напротив тахты у письменного стола висело большое зеркало. Вон он как похудел за эту неделю в лагере. Все из-за футбола. Каждый день — игра. Сейчас мама даст го-

ловомойку за это. И волосы пора постричь, отросли. Но сегодня уже поздно тащиться в парикмахерскую. А вот ванну он примет.

Встав с тахты, он еще раз оглядел себя в зеркало. Кажется, еще подросток. И загар ему идет. Девчонки все время зовут на танцы. Любят они эти танцы просто безумно. Весь день только и ждут их. Вчера во время танцев одна из второго отряда все время приглашала его, потом сказала, что он красивый. Смешно!

Налив полную ванну воды, он уже хотел залезть в нее, но в дверь позвонили. Это не мама. Она всегда звонит, будто за ней гонятся. Жмет на кнопку что есть силы.

Олег открыл дверь.

— Ленка? Тебе чего? — удивился он. — Сейчас я воду закрою.

— Купается, — сказала Ленка. — Он купается, а жизнь бедного голодного Гешки его не интересует! Бедный умирающий котенок никому не нужен!

— Где он?! — закричал Олег. — У тебя? Покормить не можешь, да?

— Да не ест он ничего! — тоже закричала Ленка. — И не у меня он. Никому в руки не дается.

— Так где он?

— Не ори! Идем, покажу!

И Олег помчался за ней, забыв, что ванна уже полная и вода все льется. Дверь он тоже забыл закрыть. Когда мама пришла домой, а это случилось минут через двадцать, она сперва сильно перепугалась, потому что квартира была открыта, но, переступив порог и увидев, как по квартире плавают тапочки, веник и всякие способные держаться на воде предметы домашнего обихода, мама чуть не упала в обморок. А снизу уже бежали соседи, грозя срочно позвонить в милицию. К ним в комнаты просочилась вода...

В скверике возле дома высился огромный вяз. Широко раскинувшиеся ветви давали тень всему скверу. Под вязом были расставлены скамейки и врыт в землю стол. Каждый вечер здесь играли в домино. С вяза прямо на стол и на головы играющих падали толстые шершавые гусеницы.

— Во-он он, — показала Аленка рукой на самую вер-

шину вяза. — Сидит там уже два дня. Я его зову-зову. Не идет. И молоко ему под дерево ставлю, все равно не слезает. Ненормальный какой-то! — Она громко позвала: — Кис-кис-кис! Даже не смотрит. Дурачок...

Не могла она знать, что Гешка никогда не откликнулся на это традиционное «кис-кис».

— Сейчас... — Олег посвистал особым способом и позвал: — Гешка, тс-тс!

Сразу же узнав его голос, Гешка закричал. Сиа́мские коты не мяукают, а кричат.

— Давай слезай! — Олег опять стал свистать. Но Гешка только прижался к ветке, продолжая отчаянно кричать. Видно, он очень ослаб и был напуган.

— Придется лезть за ним, — махнул рукой Олег. — Только бы мама не явилась. Вот крику будет! Высоко все же...

— Почти выше дома. А если упадешь? — взвизгнула Алена.

— А если он свалится? — Олег забрался на стол и, подпрыгнув, уцепился за нижний сук. — Эх, давненько я не лазил по деревьям.

Когда Олег с Гешкой на плече появился дома, то сразу его потрясли гигантские размеры бедствия. Вода была повсюду. Мама со сбитой прической, с усталым и беспомощным видом суежилась, собирая воду в таз большой тряпкой. На кухне уютно устроилась на подоконнике Нина Эдгаров-

на и, красиво держа в красивой руке изящную тонкую сигарету, давала маме ценные советы.

— Почаще отжимай тряпку. О! А вот и они! Ну, Олег, такого я даже от тебя не ждала!

Во время беды следует не ахать, не давать ценные советы, а немедленно бросаться на помощь. Олег так и поступил. Он схватил вторую тряпку и яростно принялся за работу. Вот беда так беда!

— Ковры, ковры на балкон... — только и сказала ему мама. — Неси их на балкон. Они теперь год не просохнут!

Наконец-то все удалось привести в порядок. Теперь должна была последовать хорошая головомойка, и Олег понимал, что полностью заслуживал ее. Сейчас мама только отдохнет, придет в себя — и начнется. Бедный Гешка! Уж теперь-то ему здесь не жить... В лагерь его взять? Но там он будет все время лезть в спальню. Да и собак там полным-полно.

Пока мама умывалась в ванной, Олег сходил на кухню и взял из холодильника кусок ливерной колбасы. Гешка больше всего любил сырую рыбу, но — не до лакомств.

— Я ведь говорила, что кота надо отдать, — заметила Нина Эдгаровна.

Молча взял Гешку на руки, Олег отнес кота на балкон.

— Ешь здесь пока. Завтра в лагерь поедем. Ох, сейчас и будет, ну и будет...

С балкона было слышно, как Нина Эдгаровна сказала маме:

— Я надеюсь, ты этого так не оставишь!

Мама ничего не ответила.

Да... неважные делишки! С отцом поссорился и даже не увидел его перед отъездом. Залил водой соседей, придется теперь платить за ремонт, и судьба Гешки решена...

— Послушайте, — услышал Олег голос мамы. — За что вы так на него? Самый нормальный мальчик. Мальчишка!

Олег замер на балконе. Что это с мамой? Вот уже не ждал!

— Нормальный? — ахнула Нина Эдгаровна. — Мальчишка?

— А что? — спокойно спросила мама. — Вас удивляет его поведение? Да просто у вас никогда не было детей! Вы видели, как он мне помогал? Как старался?

— Но ведь он все и натворил! — продолжала изумляться Нина Эдгаровна.

Вот это да! Олег тоже покачал головой от удивления. Ну и мама у него, оказывается!

— Случайность... Со всяким может быть. И с вами, и со мной. Не бить же его теперь!

— М-да... — Нина Эдгаровна, видно, не нашла слов. — А знаете... я пойду

— А чай? Сейчас я поставлю.

— Спасибо. В другой раз...

И она ушла с таким растерянным видом.

— Завтра же придет, — сказала мама. — Плохо ей одной.

Недавно в лагере была лекция «Подвиги войны и мира». Олег сидел и удивлялся, не понимая, как можно ставить рядом героя войны и героя труда? Герой войны — это человек удивительной храбрости, не зря же говорят: легендарный человек. Мересьев, Зорге, Покрышкин, Антуан де Сент-Экзюпери. Он собрал все книги о них. Знает их биографии на память. Героев труда много. О них каждый день пишут в газетах. Олег не очень разбирался, за что им дают высокие звания, но раз Родина награждает их, значит, заслужили. Только зачем же сравнивать их с героями войны?!

Когда отец приехал в лагерь, Олег поделился с ним своими мыслями. Отец вдруг пожалел, что не был на лекции. В войну, сказал он, рабочие тоже совершали исключительные подвиги. К сожалению, о них маловато известно: писатели и журналисты тогда работали во фронтовых газетах и писали об армии.

Во дворе смеялись девчонки. Их голоса долетали до девятого этажа. Так поздно, а еще не спят. Хихикают. Ну вот, дождалась: кто-то закричал: «Тише там не можете? И куда родители смотрят!»

Надо спать. Завтра рано утром — на Финляндский вокзал и в лагерь. Еще восемь дней до конца смены. Потом в Шпаньково с мамой. Что это за Шпаньково, где не проходила никакая линия фронта? Скучища там будет... и манная каша с морковным соком.

Кажется, мама позвала его. Разве она не спит? Он прислушался. Неужели не спит?

— Олег...

Ну вот. Сейчас она начнет!

— Да, мама, — отозвался он.

— Почему не спишь?

— Во дворе кричат.

— Иди сюда.

Встав с кровати, он босиком зашлепал в ее комнату.

Она лежала на тахте в халате. Гешка как ни в чем не бывало спал у нее в ногах. Горела настольная лампа, отбрасывая узорчатые тени по всему потолку. Пахло валерьянкой.

— Где он был? — мама дотронулась до кота.

— Там... — неопределенно ответил Олег. Никогда не знаешь, за что тебя начнут ругать, следует держаться выжидательной тактики.

— Только не ври!

— Он два дня не ел.

— Не оправдывайся! А если бы ты сорвался? Ну, ладно... хорошо, что все обошлось. Я не знаю, когда он сбежал. Он без тебя орет как сумасшедший. За что он тебя любит? — Она почесала Гешку за ухом. — Завтра и ты уедешь... — Она вдруг всхлипнула и потянулась за валерьянкой.

— Не пей эту гадость, — вырвалось у него. Так всегда говорил ей отец.

— Папа опять надолго... Ты видел у него шрам? — Она провела рукой по подбородку.

— Царапина.

— Царапина... — покачала головой мама. — Пожар у них там был. Я сразу догадалась, что он что-то скрывает.

— Пожар? А он мне не говорил. Как ты узнала?

— Как всегда! Пошла в Публичку и разыскала газеты, выходящие в Узбекистане. Отец спасал людей, гасил огонь. Он представлен к награде. Вот так, сынок. А мы ничего не знаем... Он в больнице лежит, а нам веселенькие письма шлет... Только молчи! Нечего меня утешать. Да... он велел тебе передать... Сказал, что все у тебя в столе.

— Что? Что у меня в столе?!

— Не знаю, — махнула она рукой. — Ваши там фокусы.

Он сразу узнал эту голубоватую толстую бумагу, испещренную мелкими цифрами. Пакет доктора Волкова! Олег почувствовал, как у него застучало сердце. Опять он ничего

не понимал! Отец сам оставил ему пакет. Для чего? Чтобы Олег прочитал и начал поиск? Даже не верится!

Взяв пакет в руки, Олег заметил, что он стал гораздо тоньше и легче. И ничего не хрустело там, внутри. От бумаги чуть пахло смолой. Пакет стал меньше почти наполовину.

Олег хотел уже вскрыть пакет, но тут увидел в ящике стола свернутый вчетверо лист бумаги. Записка от отца. Она лежала под пакетом.

«Алька, — писал отец, — оставляю тебе дневник Волкова. Мне кажется, что он поможет тебе лучше разобраться в людях и событиях. Записи здесь очень отрывочны. Разберешь ли? Дело происходило на заводе в Гавани, помнишь, где мы были? После войны я был там, но ничего выяснить не удалось. Кроме дневника в пакете была и связка писем, но они нас с тобой не касаются... Береги маму. Целую тебя, сынок».

Вместо подписи, как всегда, был нарисован забавный профиль носатого человечка с мухой на подбородке.

Итак, перед Олегом лежал довольно толстый самодельный блокнот, листы которого были скреплены медной проволокой, но не сбоку, а сверху, наподобие календаря. Бумага оказалась коричневой, плотной и пахла почему-то дегтем, запах которого не выдохся за столько лет. Листы нарезаны неровно. Чернила то синие, то красные и сильно расплылись. Разобрать действительно очень трудно. Всюду кляксы: перо у Волкова, по-видимому, было отвратительным.

Даты были не везде. В конце каждого листа стояла подпись. Блокнот исписан не до конца. На некоторых листках всего две-три строчки. Вот как здесь: «Жаворонков умрет... если...», а дальше совсем неразборчиво. Олег вытащил из стола большую лупу — давний подарок отца — и сумел разобрать остальное: «...если не оперировать... бредит... уеду с первой машиной...»

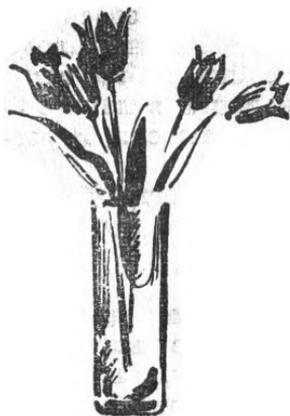
Кто такой Жаворонков? Кем он был?

Полистав блокнот, Олег еще раз встретил эту фамилию. Потом обратил внимание на слова: «Никогда не слышал об операции одной рукой». Дальше шли какие-то цифры и слова, написанные, наверное, по-латыни.

Куда это Волков хотел уехать с первой машиной? Куда он уехал?

Не-ет! Так дело не пойдет! Надо начинать с первой буквы, внимательно все изучить. Ничего не упустить, вот что важно! Поудобнее устроившись за столом, Олег положил лупу на первую страницу и медленно прочитал вслух:

«Еще в школе меня все звали «доктор»...»

Часть вторая

ДОКТОР ВОЛКОВ

Глава I

Я ВАС ЗНАЮ

Этот старый запущенный сад в дальнем конце Гавани по вечерам даже взрослые старались обходить стороной. Все фонари в саду были разбиты шпаной, все скамейки перенесены с дорожек в глухие закоулки. Вечерами сад целиком и полностью принадлежал шпане.

Как-то поздним летним вечером как ни в чем не бывало шел себе наискосок через сад щуплый парнишка лет пятнадцати — шестнадцати. Шел и даже насвистывал что-то веселое.

— Во дает! — изумленно пробасил хриплый голос в кустах. — «Трех поросят» наяривает, видите ли. А ну-ка, проверьте, мальчики, что этому свистуну в нашей Гавани нужно?!

Две здоровенные фигуры, пошатываясь, вылезли из кустов навстречу неосторожному парнишке.

— Гутен тагг... — просипела одна фигура. — Битте-дритте!

Обычно в таких случаях жертвы бледнели, пугались и начинали сразу же умолять отпустить их. Но парнишка сказал твердым голосом:

— В чем дело? Я спешу.

Обе фигуры мрачно засмеялись.

— Он спешит!

— К мамочке. Ха-ха-ха...

— Кушать сладкую кашку!

— Прошу вас объяснить: в чем дело?

— Ну, интеллигент!

— В чем дело! Ха-ха-ха...

В первый раз им такой попадается. Уж не псих ли? С этими лучше не связываться!

— Деньги есть?

— Гони рупь. А то башку откусим.

— Рубль? — переспросил парнишка. — Ага, вам нужен рубль... Понимаю. — Обе фигуры переглянулись: смотри, понимает! — А сдача у вас есть?

— Что, что-о?.. — Они растерянно переглянулись. — Как это... сдачи?

— У меня только три рубля. С трех рублей у вас есть сдачи?

— Псих!

— Точно! Из больницы сбежал... Смотри, пырнет...

Обе фигуры двинулись назад в кусты.

На другой день историю о том, как Борис Волков шпану испугал, откуда-то узнал весь дом. И с тех пор его отец, когда Борису предстояло решить какое-нибудь трудное дело, говорил, приободряя:

— Простите, а сдача у вас есть?

Еще в школе его звали «доктор». Не дразнили, а звали. Большая разница. Когда он был маленьким, и его, конечно, спрашивали:

— Кем будешь, Боренька?

— Доктором, — убежденно отвечал он.

— Как папа?

— Как папа.

Но потом он стал отвечать иначе:

— Папа — кардиолог. Я буду хирургом-травматологом.

В их доме на Среднем проспекте все знали его отца, невысокого, узкого, прячущего добрый взгляд за чеховским пенсне человека. Ходил он бочком, словно бы старался пройти, никому не мешая или сам боясь, что его отвлекут от вечных дум о своих пациентах, от трудно прошедшей операции. Борис обожал отца за фантастическое трудолюбие и огромную культуру. Все чаще и чаще после уроков Борис появлялся у отца в клинике. Иногда отец даже позволял ему присутствовать на операциях. В эти дни они возвращались домой вместе. Отец любил свернуть к Неве, посидеть молча на теплом бугристом граните возле Горного института. Зеленоватая, остро пахнущая свежестью волна плескалась у ног. Отец начинал читать вслух Шекспира, Байрона, Блока и спрашивал сына, нравится ли ему. Сын отвечал честно, что не всё. А отец ворчащим голосом шутливо цитировал Шекспира:

Вы оскорбили вашего отца,
коль я тогда не прав был, вы теперь,
венец надев, должны мириться с мыслью,
что сын ваш будет обращать в ничто
вельня ваши...

— А тебе какие стихи нравятся? — спрашивал отец своим тихим голосом. — Чем увлекается молодежь?

— Шекспира я тоже люблю!

— Допустим... а все же?

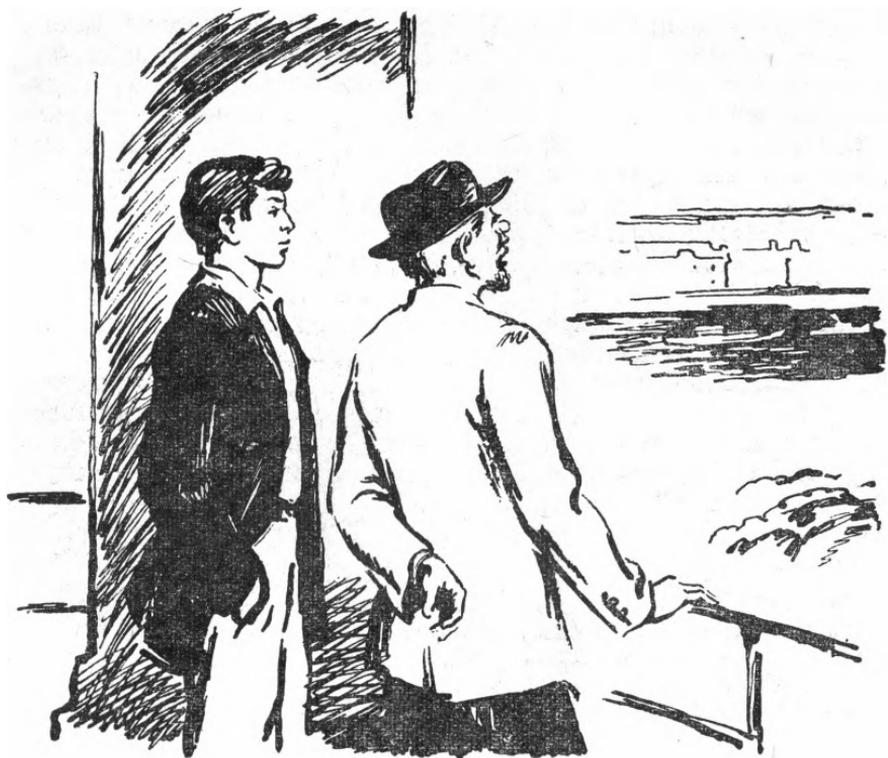
И Борис читал то, что нравилось ему:

Он был пастух, он пас коров,
потом пастуший рог разбил.
Он юнкер был. Из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил!

— Хорошо, — загорался отец. — Лермонтова нельзя не любить. Такой был молодой... — Он замолкал, глядя в зелененькие волны, добавлял с грустью: — Выстрелили в него и сбежали... Он лежал, возможно, еще живой... один... под дождем.

— А если бы там врач оказался? Вот если бы ты, папа? — запальчиво спрашивал Борис. — Ты бы его обязательно спас!

— Пошли, — говорил отец. — Посмотрим нашу Гавань!

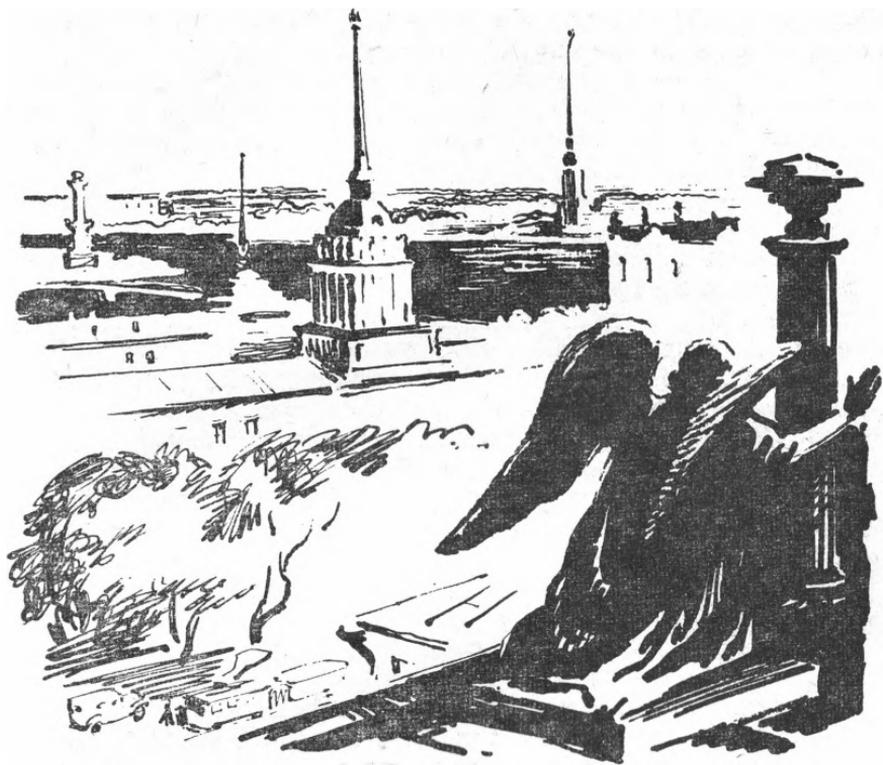
Отец любил Ленинград, хорошо знал его, но больше всего любил и знал Васильевский остров. Часто он подводил сына к какому-нибудь дому.

— Смотри!

Дом был неказистым, один этаж кирпичный, другой деревянный. Рядом высились семиэтажные громады, но отец разглядывал именно его, молча, покачивая головой и посмеиваясь.

— Все эти громады купчина один построил. А сам жил вот здесь. Боялся, что большие дома упадут и раздавят его. Шизофрения, — ставил он купцу диагноз.

В теплый ясный день середины июня тысяча девятьсот сорок первого года Борис Волков вместе с отцом любова-

лись Ленинградом с высоты Исаакиевского собора. Рядом проплывали розовые облака, цепляясь за золотой палец Петропавловки, внизу широко раскинулся Ленинград, Нева с белыми пароходами, площади, парки. На узкой площадке вокруг купола собора было тесно. Какая-то женщина, крепко держащаяся за перильца, сказала:

— Монетка лежит! Вон на куполе. Никому не достать.

— Какой город... — Отец словно очнулся от голоса женщины. — Какой город! И наш Васильевский самый лучший, самый красивый район. Вот Стрелка, разве это не чудо? Академия художеств! Университет! Линии...

Отец смотрел на все словно бы впервые. И не знал, что любит Ленинградом в последний раз.

Вечером отец вместе с матерью Бориса уезжал в Киев. У Бориса были еще дела в институте, он заканчивал

четвертый курс. Только в самом конце июня — начале июля он сможет приехать к родителям.

— Пора, — с сожалением сказал отец. — Другим тоже посмотреть хочется, надо уступить место. — Он вынул из кармана две монетки и протянул сыну. — Брось к тому пятаку. Примета.

Двадцать второго июня вечером Борис увидел во дворе толпу. Прибыли грузовики из военкомата за первыми добровольцами. Борис не стал долго раздумывать. На сборы хватило пяти минут. Война продлится недолго — это общее мнение. Следует взять только справочники, инструменты отца, кое-что из одежды. Все это поместится в одном чемодане... Под крики и слезы провожающих грузовики выехали на улицу. Волков ехал на последнем грузовике. Шофер задержался во дворе, поэтому включил третью скорость, чтобы догнать колонну. Но не успели выехать на набережную, как что-то случилось с мотором.

— Долго простоим? — спросил Волков.

Шофер объяснил:

— Можете гулять полчаса. Далеко не уходите. — Он принялся копать в моторе.

Волков вместе со всеми спрыгнул на землю и спустился к Неве. Еще недавно они сидели с отцом на этих ступенях, и зеленоватая вода так же тихо плескалась у ног. Не верилось, что началась и идет война, что коварный враг нарушил государственную границу Советского Союза и в приграничных городах рвутся бомбы и снаряды, гибнут люди. Настал час, когда все врачи, и особенно хирурги, немедленно должны занять свои боевые места. Волков был уверен в себе. Он отлично подготовлен, даже отец признает, что у него уже руки настоящего хирурга и верный глаз. Как только они приедут к пункту сбора, надо попросить направление в полевой госпиталь. Там он и пройдет специализацию, а кончится война, вернется в институт и сдаст все зачеты. Следовало бы только позвонить в институт, сказать, что он уходит на фронт.

Волков поднялся со ступеней, вышел на набережную. Телефонных будок поблизости не было. Четыре красноармейца тащили мимо огромный аэростат, он был похож на слона без ног.

— Борис! — раздался сзади девичий голос.

— Здравствуй! — сказал Волков с волнением. — Как ты выросла, Бе... то есть... — Он сбился. — Перед ним в легком шелковом платье, придерживая рукой светлую шляпку, стояла уже совсем взрослая девушка. Вся школа за пышные белокурые волосы и огромные светло-голубые глаза когда-то ласково прозвала ее Белочкой. Даже учителя звали ее Белочкой, вызывая к доске.

— А ты уже доктор? — Она улыбалась, глядя ему в глаза. — Я так рада, что увидела тебя, так рада. Я всегда вспоминаю, как ты мне стихи читал на переменах.

— Рада?..

Неужели он не ослышался? Белочка рада его видеть...

— А ты разве не рад? Ну-ка, признавайся? — И она засмеялась. — Ты мне всегда нравился. Всегда.

— Я нравился? — Это было совсем неожиданно. Он никогда об этом не догадывался. В их классе были более заметные мальчишки. Они всегда окружали ее.

— Я тебя даже любила, — вдруг призналась она. — Немного.

Нет, в глазах ее сейчас нет смеха. Неужели она все-таки съез? Но ведь он тайно и безнадежно так давно любил ее...

— Ты всегда был такой занятый. Медицина, только медицина. И не обращал на меня внимания.

Он почувствовал укор в ее голосе.

— Белочка, милая... извини... — Он не знал, что сказать, как оправдаться перед ней. — Ты знаешь... — Он хотел сказать, что очень любит ее, но сказал совсем не то. Потом, на фронте, он так жалел, что не смог ей прямо признаться, не сказал самого главного. — Знаешь... я уйду на войну, — произнес он каким-то виноватым голосом.

— Когда, Борис?

— Прямо сейчас. Меня уже зовут.

Она поглядела на грузовик, который сейчас должен увезти его, и на глазах у нее показались слезы.

— Как все быстро! — Она пошла с ним к машине.

— Война скоро кончится. — Он перелез через борт и постарался приободрить ее улыбкой. — Я напишу тебе.

— Да, да. Обо всем пиши. — Грузовик тронулся, она по-

шла за ним. — Пиши обо всем, — повторяла она, — и я буду писать...

— Все будет хорошо, вот увидишь!

Он уехал очень счастливый.

Через два месяца после начала войны фашисты прорвали фронт под Лугой. Борис Волков находился в медсанбате. Первое время он был ассистентом у главного хирурга, но вскоре уже оперировал самостоятельно. Войска вели тяжелые бои, и Волков потерял счет времени и количеству операций. Здесь и проявился твердый характер молодого хирурга. Он мог работать, не думая о сне, отдыхе, еде. Иногда он оперировал прямо в землянках, сотрясаемых артобстрелами, а иногда даже приходилось самому брать автомат и отстреливаться от нападающих врагов.

Однажды, уже в феврале 1942 года, он пробирался по траншеям к себе в медсанбат и услышал стоны за высоким бруствером. Волков перебрался через бруствер и сразу же наткнулся на трех подростков. Двое были убиты. Третий стонал. Волков потащил его к брустверу. Мальчишка вдруг открыл глаза и проговорил: «Я знаю вас... вы доктор Волков. Я — Кислицын, из вашего дома...» Волков приказал ему замолчать и потерпеть, пока он перетащит его через бруствер. Но в тот момент, когда Волков с парнишкой на спине уже заполз на бруствер, почти рядом с ними застучал немецкий пулемет, и пуля ранила доктора в левую руку ниже локтя.

После этого случая судьба доктора Волкова круто изменилась. Вскоре он оказался в «особой бригаде», став обитателем глухого каменного подвала, именуемого «ночным санаторием».

Глава II

НОЧНОЙ САНАТОРИЙ

Главный хирург медсанбата подписал направление, сердито прихлопнул печатью и со вздохом протянул его Волкову.

— Поезжайте в Ленинград. В хороший госпиталь вас направляю.

— Зачем, Вадим Антоныч? — Волков принял здоровой рукой направление. — Вы же знаете, я практически здоров, а рука... Еще успеется с «продолжением лечения». Я бы мог быть полезным у вас. Консультации, ночные дежурства, все что угодно.

Главный хирург был не намного старше Волкова, но от бессонницы и смертельной усталости выглядел стариком.

— Вадим Антоныч, — в дверь заглянула медсестра, — зовут в операционную.

— Скажите, что иду, — главный хирург поднялся. — Не унывайте, Борис Федорович, медицина теперь могуча... Массаж, процедуры, нужно только время... — Он не договорил, понимая, что утешать Волкова не надо, и вдруг закричал: — Не понимаю, зачем хирург Волков ползает за ранеными, как санитар?! Зачем? Где же логика? — Он снова замолчал, понимая, что кричит тоже зря, и сказал, краснея и отводя в сторону взгляд: — Оставить вас не могу. Нам не дадут в таком случае другого хирурга. Не дадут единицу. Вы... лежите в госпитале, а там... судьба определится. Ленинград увидите. А за службу благодарю. Лучшего хирурга мы бы и не мечтали иметь...

Волкову повезло, нашлась попутная машина до Ленинграда. Выкрашенный белой краской для маскировки грузовичок с двумя газогенераторными баками по обеим сторонам кабины докатил до моста Лейтенанта Шмидта. Здесь грузовичок замер, упершись в сугроб на площади Труда. В баках сгорели дрова. Госпиталь помещался на двадцать третьей линии, в бывшей образцовой школе. Волков обязан был сразу же явиться туда, сдать документы и зачислиться на довольствие.

По заметенным снегом линиям, мимо домов с плотно занавешенными окнами Волков брел почти один, только редкие пешеходы, закутанные в шали и шарфы по самые глаза, попадались ему. Уже дойдя до госпиталя, Волков повернул назад и снова вышел к Неве. В двухэтажном доме возле Горного института жила Белочка.

Он постучал в массивную, обитую красной кожей дверь. Звонки не работали, не было тока. Наконец дверь медленно отворилась — и из нее вышла какая-то старуха в каракулевой шубе и с закопченным ведром в руках. Раньше эта

старуха здесь не жила. Волков не решился спросить о Белочке. Уж слишком подозрительным взглядом смерила она его. И пока он спускался вниз, она все стояла и что-то ворчала ему вслед. Но зато, выйдя из парадной, Волков тут же столкнулся с Геркой Корсаковым, своим сокурсником, комсоргом курса.

— Как дела, — спросил Герка, — в порядке? — Похоже, он не удивился их встрече.

— Как видишь.

— Вид у тебя!

— Я-то что! Вот у тебя вид!

Когда-то мощный Герка теперь сдал от голода и тонул, как ребенок, в огромном армейском полушубке и вязаном, похожем на буденовку шлеме.

— Ты в госпитале?

— Какое там! — замотал головой Герка. — В комиссии. Заводами занимаюсь. Эвакуируем больных. Необходимо собрать специалистов. Работы — выше сил! Но все равно уйду на фронт. А ты где это успел? — Он показал на перевязанную руку Волкова, осекся и закричал вдруг осипшим от волнения голосом: — Стой! Да ведь... Борька, я же тебя за другого принял! Ты разве... не погиб? А в институте тебя и в списках уже нет!

— Я писал в институт. Еще в июле, — пожал Волков плечами.

— Выходит, не получили. Обстановка, сам знаешь. А сейчас и того хуже, институт эвакуируют, суматоха. Ты зайди туда обязательно. Надо объявиться.

— Сперва в госпиталь. На продолжение лечения. — Волков по-латыни назвал характер ранения и безнадежно усмехнулся.

— Здесь с этим не удержишься. В тыл поедешь. Институт закончишь, — стал утешать Герка.

— Окончу — пойду в больницу завхозом, — в тон ему подхватил Волков, — прощай хирургия! Ну, я пошел.

— Подожди... — Герасим не знал, что сказать товарищу, который должен был навсегда проститься с мечтой жизни. — Ты дома был?

— Нет. Отец и мама погибли в Киеве. Там у нас пусто... Герасим! — внезапно вскрикнул Волков, обычно сдержанный даже в самые трудные минуты. — Слушай! Как остаться в Ленинграде, а? Я готов на все. Могу быть ночным де-

журным, сиделкой, нянкой... Только бы на операциях бывать. Хоть иногда.

Герасим опустил голову.

— Не знаю, как тебе остаться. Я же работаю по эвакуации.

Четыре дня пробыл Волков в госпитале. И впервые с момента своего ранения увидел, как он нужен и с одной рукой. В переполненный госпиталь без конца прибывали раненые. Санитарные машины шли из-под Пулкова и Колпина, с ладожской Дороги жизни. По ночам привозили раненых после бомбежек, днем после артобстрела. Волков помогал измотанным врачам принимать и распределять раненых, подменял по ночам медсестер на дежурствах, помогал операционным сестрам на перевязках. Он делал все. И старался держаться поближе к операционной. Вдруг зачем-нибудь понадобится.

На пятый день его позвали к начальнику отделения. В кабинете кроме профессора Волков увидел Герасима.

— Наслышался я о твоих подвигах! Держись молодцом, — сказал Герасим. — Хочу тебе дело предложить. Нужна твоя помощь.

— Меня же через несколько дней в тыл направят.

— Успеешь в тыл. Дело серьезное, Борис.

— А это? — Волков качнул раненой рукой. — Гожусь ли для дела?

Герасим подошел к нему вплотную.

— Там фронт, Борис. Самый настоящий фронт, каждый день обстрелы. Могут быть раненые. А врачей у нас нет. Я подумал, если ты здесь...

— Я? — Волков перевел глаза на начальника отделения. — Вы отпустите? Я не спрашиваю куда, но если... как врач... — Он не окончил. Молодец Герасим, сумел найти ему дело здесь, в Ленинграде!

Начальник отделения, очень высокий старик с прокуреными усами, сказал Волкову:

— Мы обо всем договорились. Остальное вы сами — с ним... — Он кивнул в сторону Герасима. — А я, простите, вас покину. У меня нет ни минуты!

— В двух словах объясню, в чем дело. Остальное, Борис, увидишь на месте. Ты знаешь, что я эвакуирую ценных спе-

циалистов. А тут, наоборот... Понадобилось сделать партию сложных деталей к каким-то приборам. Ну, да тебе можно сказать. Приборы для улучшения артиллерийской наводки. Кто может сделать? На Ижорском заводе есть специалисты, но там свои военные заказы, на других тоже. Помог мой отец. Старик ходил по квартирам. Тока нет, лестницы завалены после бомбежек. Собрал маленькую бригаду. Все — его ровесники. Ослабевшие. Без врача их оставлять нельзя. Но где у нас лишний врач?

— Понятно. Спасибо, Герасим! Но ты сказал, что там фронт!

— Завод в Гавани у залива. Вернее, завода почти нет. Обстрелы были адские, да и теперь хватает. Там в одном цехе нашли нужное оборудование. Под цехом есть подвал. Печку там поставили, вентиляцию наладили. Вся загвоздка в том, что нет тока. Но должны дать. Побудешь там несколько дней...

— Побуду, сколько требуется.

— Главная трудность с твоим питанием. У стариков карточки, и они получают по ним обед в столовой. Правда, им далековато ходить. А тебе придется взять в госпитале сухой паек. На сухарях долго не продержишься. Хорошо хоть, вместо сахара удалось выпросить тебе у начпрода сто граммов сухого молока.

— Когда пойдем? — спросил Волков.

— Сегодня пойдем. Отец тебе там помогать будет. Он ведь фельдшером был. Правда, до революции...

В тот же день они пришли на завод. Познакомив Волкова со стариками, Герасим сказал, что ток должны дать сегодня или завтра.

Но прошло три дня томительного ожидания. Тока не было.

За эти три дня жизнь «ночного санатория» целиком поглотила Волкова.

Семь стариков лежали на самодельных топчанах, расставленных вокруг временки, и дожидались часа, когда заработают станки. Ток могли дать в любую минуту, поэтому никто не смел отлучиться домой.

Силы стариков таяли. И Волков вступил в изнурительную борьбу с голодом, сыростью, со всеми их болезнями.

Герасим больше не пришел на завод. Он погиб во время ночного налета. Об этом рассказала сандружинница, посланная райкомом навестить бригаду.

Глава III

ЧЕЛОВЕК НА СНЕГУ

Все спали на топчанах, только у доктора Волкова было глубокое удобное кресло, обтянутое синим бархатом, красовавшееся раньше в приемной заводууправления. В этом кресле Волков, можно сказать, жил — осматривал своих пациентов, ел и спал, накрываясь куском толстого технического войлока, подаренного ему стариком Корсаковым. После гибели сына Корсаков передвинул свой топчан поближе к креслу, и не раз Волков перехватывал взгляд старика, полный тоски. Однажды старик притащил в подвал лист фанеры и приладил его за спинкой кресла, чтобы Волкову меньше дуло. Хотя дуть в «санатории» неоткуда — это был квадратный бетонный подвал с метровыми дотовыми стенами. За первой железной дверью находился еще низкий тамбур, наглухо закрывающийся второй железной дверью. Сверху над «санаторием» раскинулся «Ремонтный цех», как было начертано на дощечке из алюминия, снятой с разбитых ворот и принесенной кем-то в «санаторий». Каждую ночь Волков подкладывал дощечку под бумагу и записывал в свой дневник несколько строчек.

Фашисты методично обстреливали завод. Иногда снаряды ввалились в ремонтном цехе, и бетонная коробка «санатория» гудела после каждого разрыва.

— В прокатке рвануло, — определял на слух Корсаков, знавший завод как свои пять пальцев. До войны он занимал на заводе высокие должности, поэтому сейчас командовал «особой бригадой». — В кузнице рвануло, — снова определял он. — Теперь у нас долбанет.

— Чего им только тут надо? — каждый раз спрашивал дядя Володя, старик слесарь, самый ворчливый человек в бригаде. — Вот лупят, снаряды тратят зря!

— Пусть стреляют. Людей на территории нет. Зато меньше городу достанется.

— Могут быть люди, — возразил Волкову Корсаков. Из-за астмы он говорил медленно. — На той стороне осталось немного станков. Когда был ток, там еще работали. Может, прячутся вроде нас. Надо бы там посмотреть.

— Я не знал... Я должен туда сходить, — встревожился Волков.

— Не-ет... в вашем положении, куда уж!

— Но там сегодня рвались снаряды!

— Они там всегда рвутся, — раздался бас токаря Баг-

рова. В темноте Волков научился их всех узнавать по голосам. — Чего там болтаться тебе? Головы не жалко?

— Помолчал бы, дурак, — беззлобно обрезал Багрова дядя Володя.

Волков открыл дверцу печи и при свете пляшущего огня полез в свой сундук. Он отобрал в сумку бинты, йод, нашатырный спирт, жгуты и сказал как можно беззаботней:

— Пройдусь...

Ему загородил дорогу Корсаков.

— Борис Федорович, обстрел. Вы понимаете, надеюсь...

— Откройте мне двери. У меня одна рука, — сказал Волков.

— Нет. Не пушкайте его. Шами шходим лучше, — прошамкал из темноты Кирпичев, кукольный старичок, страдающий очень редкой болезнью — гемофилией.

— Приказываю остаться! — Корсаков взял Волкова за плечо и силой попытался усадить в кресло. — Вы горячитесь, Борис Федорович!

— Ложись знай, доктор! — пробасил Багров. — Если кто там и был... всем труба давно...

Но они еще плохо знали доктора Волкова. Рывком освободив плечо и повернувшись к Корсакову, он сказал как можно отчетливей:

— Вы же когда-то были медиком. Неужели вам надо объяснять?

Завод был огромным. Одна его сторона выходила к заливу, вторая раскинулась до Большого проспекта. На всю длину той стороны, как тоннель, тянулся коридор, в шутку названный кем-то «Багдадским коридором». По обе стороны коридора располагались цеха. Где там могут быть люди, где они прячутся от обстрелов и как их найти, Волков не знал. Он решил идти до конца и обследовать каждый цех.

— Эй!.. — крикнул Волков, сделав несколько шагов по жуткому, продуваемому ледяным сквозняком безмолвному коридору. Далеко вдали сквозь пробоины в крыше пробивался свет.

— Товарищи, есть тут кто?

Волков заходил в двери цехов, но из-за темноты тут же останавливался и кричал. Голос дребезжал во мраке. Никто его не слышал. Никто не откликался.

— Товарищи! Я врач. Кому необходима помощь?

Ни звука в ответ...

Потихоньку, экономя силы, перебарывая головокружение и голодную тошноту, делая остановки, Волков добрал до конца «Багдадского коридора». Иногда он возвращался назад — не пропустил ли какого-нибудь закоулка. В любом из них могли оказаться люди, нуждающиеся в помощи.

В конце коридора был прокатный цех. Главный цех завода, его сердце, как не раз говорил старик Корсаков. Сейчас сердце завода остановилось. Крыши над прокаткой как и не бывало, повсюду лежал серый снег. Огромные прокопченные отверстия печей по краям заледенели. Едкий запах гари давно пропитал весь завод, но тут он казался особенно густым и едким.

Сколько снарядов разорвалось здесь? Сто? Двести?

Почему фашисты ежедневно обстреливают эти руины? Неужели они сумели узнать об «особой бригаде» и ее назначении?

Волков выбрался из прокатки в темноту коридора и двинулся назад. Отдыхать некогда. В «санатории» уже непременно тревожатся. Только бы они не вздумали пойти за ним! Надо сделать укол Багрову, проследить за хитрым старичком Кирпичевым, чтобы он не вздумал опять выплюнуть свои порошки.

Какое счастье, что у него есть настоящая работа, что он головой отвечает за жизнь этих людей! И пусть они себе фыркают, пусть обзывают «мальчишкой», но он еще заставит их каждое утро вставать, умываться, выходить на небольшую прогулку, а главное — не

съесть сразу свою порцию. У него хватит терпения и воли. Он еще завоюет авторитет.

— Товарищи! Я врач! Кому нужна помощь?..

Он пришел уже на «свою» сторону, но тут фашисты начали новый обстрел завода. Пришлось спрятаться за какой-то широкой железной балкой и переждать налет. Снаряды рвались непрерывно. Ему теперь было видно, что большинство их действительно рвется около ремонтного цеха.

«Как там мои?» — с тревогой спрашивал себя Волков после каждого взрыва.

К счастью, налет вскоре прекратился и можно было идти, не боясь осколков. Но перед самым входом в цех Волков остановился. Что-то заставило его обернуться и замереть. Со стороны залива ему почудился стон...

— Товарищи! Кому нужна помощь?

Падал густой снег. Подожженная термитным снарядом, трещала крыша соседнего цеха. Стон? Нет — никакого стона...

Стон!

Волоча ноги, Волков пошел к заливу и на берегу у кромки разбитого льда увидел лежащего человека.

Неужели кто-то пошел за водой и не сумел спрятаться от осколков? Уж не Корсаков ли?

Человек лежал на спине и тихо постанывал. Он был не из «особой бригады».

— Что с вами? — наклонился над ним Волков и увидел лужу крови. Для истощенного человека такая потеря крови смертельна, даже если он ранен легко.

— Вы один были? — Волков огляделся вокруг, нет ли еще раненых. Фронтная привычка.

— Во...водички, — прошептал раненый.

Быстро достав из сумки нашатырный спирт и дав понюхать раненому, Волков снова по фронтовой привычке спросил:

— Вы ранены только в ногу? — Толстая ватная штанина на правой ноге сочилась кровью. — Понимаете мой вопрос? Вы ранены только в ногу?

— Да... только в ногу... кажется...

— Сесть можете? Ну, я буду помогать. Вот так. Сейчас попробуем наложить жгут, — торопился Волков, понимая, что раненый может в любую секунду потерять сознание. — Теперь мне нужны ваши руки! Давайте! Тяните за концы. Тяните, у меня ж одна рука! Тащите, черт возьми! — покрикивал Волков, зная, что в такие минуты крик действует.

Кое-как, в три руки они стянули жгут выше раны. Только тут Волков дал раненому попить из фляги.

— Куда вы лезли под самые осколки?.. Как я вас потащу, спрашивается?

— Мне к... к Корсакову в бри... — раненый не договорил. Потерял сознание. Фляга выпала из его рук.

«В бригаду к Корсакову? К нам... Как же быть? Пока я хожу за людьми, тут снова обстрел начнется», — подумал Волков, он лег на землю и стал затаскивать раненого себе на спину. Потом пополз, пополз очень медленно, боясь, что сам может потерять сознание. Он не помнил, как дополз, как открывал тяжелые двери «санатория», но, к счастью, у него хватило сил на все. Когда он с раненым на спине заполз в подвал, все оцепенели.

— Примите раненого.

Никто не двинулся с места, настолько неожиданной была эта картина.

— Что с вами?! Помогите же!

И тут все бросились к нему. И Корсаков воскликнул:
— Пойдите... да это же Жаворонков. Наш лучший токарь! Откуда вы его взяли?

— Сделайте мне укол. Дайте кипятку, — приказным тоном заторопил Волков. — Нужно перевязать его. Товарищи! — обратился он ко всем. — Подбросьте дров в печь! Зажгите все коптилки. Раненого — на топчан к печи. И разрежьте штанину. Только осторожней. Жгут не снимать!

— Эх, Миша, — пробасил Багров. — Зачем же ты под осколки лез? — Но раненый был без сознания и не слышал его.

Наконец все было сделано. Волков обработал рану, Корсаков неплохо забинтовал ее, руки его, оказывается, помнили эту работу.

Вскоре Жаворонков пришел в себя, но ничего еще не понимал. Глаза его были бессмысленными и огромными от боли.

— Не задавайте пока ему вопросов, — сказал Волков, отводя Корсакова в сторону. — Он в бреду. Но крови потерял меньше, чем я думал.

— Осколок застрял в кости? Я не ошибся? Все уже перезабыл.

— Осколок? Да, проник глубоко в кость.

— Плохо дело, Борис Федорович? Ведь он может.. умереть?

Волков промолчал.

Глава IV

ЖДАТЬ ХУЖЕ ВСЕГО

14.3.42 г.

«...Сегодня старик Корсаков ходил в город. На подстанции был сильный взрыв. Все исправили, но сразу перебило подземный кабель. Сейчас срочно ремонтируют, чтобы дать ток. Я спросил Корсакова, почему он не попросил устроить Жаворонкова в госпиталь. Он рассердился: мол, здесь двое

медиков на одного раненого, а там такое... Он прав, конечно, но он уже не медик, а у меня одна рука. Очень слабы Багров, Помогай-Бо и Кирпичев. Особенно боюсь за Кирпичева. Если он поцарапается при своей гемофилии, то попробуй остановить кровь! Вся эта затея мне кажется нелепой. Боюсь, что никто из них не сможет подойти к станку, когда дадут ток. Они все время лежат и слишком много пьют. Багров опух от воды, однако на мои уговоры не обращает внимания...»

15.3.42 г.

«...Сегодня — праздник: снова на полчаса зашли две девчурки-комсомолки из бытового отряда. Натаскали нам шашек — топить времянку. Подарили мне санитарную сумку с лекарствами и несколько порошков сахараина. Сделали хорошую перевязку Жаворонкову, да и мне. Я их тихонько попросил выяснить, нельзя ли госпитализировать Жаворонкова. Обещали. Жить стало лучше».

16.3.42 г.

«Приказал Кирпичеву вообще не снимать рукавиц. В темноте может поцарапаться обо что угодно. Жаворонков все время бредит. Нужна госпитализация. Жду вестей от своих комсомолок. Одна немного похожа на Белочку. Серые глаза».

17.3.42 г.

«Корсаков бреется каждый день. Говорит, от безделья. Остальные заросли. Сегодня Жаворонкову получше. Дал ему воды с сахаринном, он принял за мед».

...Одна радость у Волкова в этом каменном мешке — посидеть в мягком бархатном кресле, блаженно вытянув опухшие ноги. Посидеть, с наслаждением следя, как быстро меняет цвета жестяной бок разгорающейся печки-времянки, как из мертво-сизого с грязными обводами подпалин, оживая, вибрируя и гудя, он становится сперва темно-малиновым, потом оранжевым и наконец ярко-алым.

И воздух тоже оживает. Был только что резкий, сырой, пропахшей ржавью и густой, осевшей по стенам паутиной копотью, не воздух, а почти газ какой-то. Но вот начинает прогреваться воздух — и сразу становится легче для хрипло-тяжелого дыхания десятка спящих людей.

Даже каплець принимается звенеть. Это подтаивают грязные пальцы огромных сосуллек, нависших по углам, как сталактиты в пещере. От тепла пальцы начинают светлеть, обтекая, становясь тоньше.

Но для того, чтобы произошло это чудо, необходимо следить за своевременной заготовкой дров — промасленных восьмиугольных шашек, которые приходится выдирать в це-хе из пола.

Хорошо горят березовые шашки! У них вкусный запах машинного масла и мазута.

Старики просыпались, открывали глаза, убеждались, что электрическая лампочка под потолком — проклятая! — не горит и сегодня. Они шевелились на топчанах под ворохом принесенных из дома одеял, ворчали, но не вставали, пока не наступала пора кому-нибудь отправляться в булочную за хлебом и в столовую за обедом.

— Товарищи! — в который раз и без всякой надежды сказал Волков. — Надо бы вам встать, сделать хоть несколько движений. Надо выйти на воздух.

— Не уговаривай ты нас, паренек, — проворчал дядя Володя. — До нужного часа мы уж доживем как-нибудь, а там... Нам бы только задание выполнить.

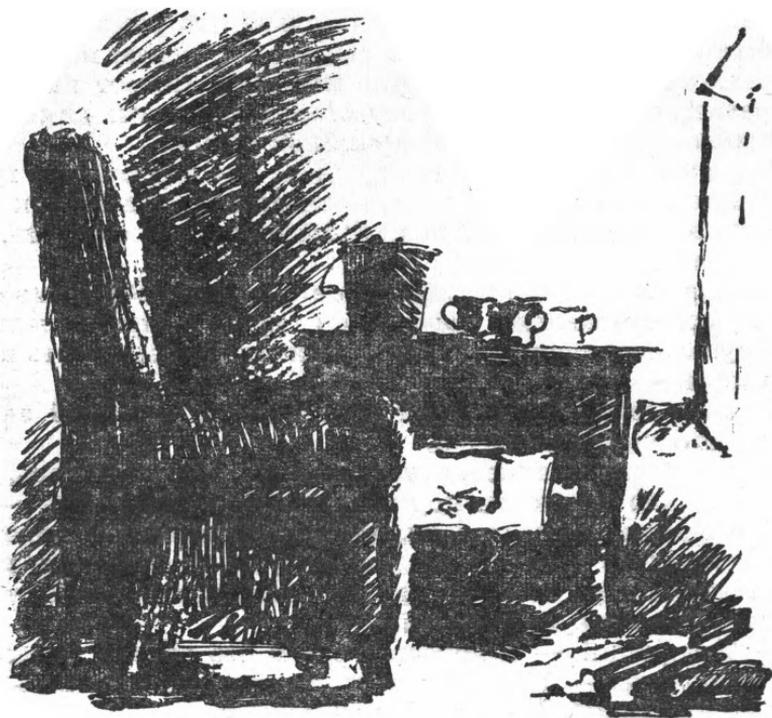
— Если не будете меня слушать, то и к станкам не сможете встать. Вы же ослабли. Встаньте, походите. Поднимитесь наверх и подышите немного.

— Я зарядку и раньше не делал! — громыхнул бас Багрова. — Бывало, на работу опаздываю, а по радио: «Приседание де-елай! Голову — под мышку, три—четыре!»

— Шаворонкова шкорей лечи. Мы шами шправимся, — вставил Кирпичев.

— Да-а... — протянул дядя Володя. — Какой токарь пропадает. Еще мальчишка, а лучше всех работал. Даже лучше Багрова. Скажи, Багров?

— Умеет он работать, — согласился Багров. — Если б наш студент так мог... — Он звал Волкова студентом. — Раненого притащил, а помочь не может. Плохо, видно, учили. Я вот и одной рукой любую деталь тебе сделаю!

— Товарищ Багров, -- с укоризной одернул Корсаков. — Человек за нами смотрит день и ночь, а вы...

Но Волков не сердился на Багрова, понимая, что всех раздражает это сидение в подвале. Ждать хуже всего.

Осмотрев всех, Волков посоветовал Корсакову сегодня полежать, сделал ему укол и дал воды с сахарином. На самом дне сундука у Волкова еще были пять черных сухарей, выданных ему в госпитале. Волков решил, что сегодня он отломит кусочек и, разведя водой, сделает дополнительный суп для Жаворонкова.

— Жаворонков зовет, — сказал Корсаков.

— Попить... — разжал губы Жаворонков и улыбнулся едва заметной улыбкой. — А но... нога не болит. Скоро поправлюсь. Замучил вас...

Нога болела. Волков это знал. Она болела так, что не помогали уколы, и Жаворонков терял сознание от боли.

— Вот вода. Я напою вас. Маленькими глотками пейте.

— Опять с медом, да? — спросил Жаворонков, жадно слизывая воду с ложки и не узнавая металлического привкуса, отличающего сахарин.

— Полежите теперь. Сейчас сделаю вам суп.

— Из чего это? — спросил Багров с недоверием.

— Вот дурень! — ответил за Волкова дядя Володя. — Из лекарств!

И тут подал голос Помогай-Бо. Он всегда молчал, этот длиннющий украинец с седыми усами, не помещающийся на топчане. Ноги его вечно торчали, и в темноте Волков наткался на них во время обходов.

— Доктор. Ходи до меня. Вот. — Он протянул что-то Волкову.

— Что это?

— Сухое молоко. Почти целые полплитки. Сделай хлопчику молочную кашу.

Волков взял молоко. Вчера Кирпичев дал для Жаворонкова кусочек дуранды, дядя Володя позавчера «вдруг нашел» у себя настоящую шоколадную конфету.

Завернув молоко в марлю, чтобы не потерять ни крошки, Волков стал крошить его молотком. Сухари еще пригодятся, думал он. Вот дадут ток — и надо будет подкрепить людей, тогда-то он и отдаст сухари.

Волков снял с временки кружку с кипятком и осторожно стал пересыпать молочный порошок в воду. Но неожиданно пол резко качнулся и, не устояв, Волков полетел в угол, ударился раненой рукой о стену и потерял сознание...

Артналет длился долго. Сегодня дольше обычного. Тяжелые снаряды рвались по всему Васильевскому острову. Несколько снарядов снова попали в ремонтный цех. Сидящие в подвале еще не знали, что взрывной волной, той самой, от которой качнулся в подвале пол, сорвана крыша цеха — и теперь снег беспрепятственно падает на станки, превращая их в огромные сугробы.

Настала еще одна долгая ночь. Съезжившись от боли, Волков бодрствовал в кресле, раздумывал, как быть дальше с Жаворонковым. Он уже точно знал: нужно сделать операцию. Но оперировать одной рукой невозможно. Значит, необходимо самому идти в госпиталь и требовать помощи. Другого выхода нет. Утром же надо немедленно идти. Девушки из бытового отряда говорили, что все госпитали переполнены и раненые лежат даже на лестницах.

Масло в коптилках кончилось, и они погасли. У Волкова не было сил, чтобы встать и заправить их.

Живой теплый серпик света шевелился на полу возле временки. Хорошо, хоть дров хватит до утра.

— Доктор... — позвал тихо Жаворонков.

— Да, — шепотом отозвался Волков.

— Мне уже легче. Я скоро встану. Еще денек... Только бы станки уцелели...

Вот о чем думал Жаворонков!

— Почему они все время нас бомбят? Все время нас.

— Весь город обстреливают.

- Там город. А здесь — развалины...
— Вам лучше молчать.
— Я уже поправляюсь. Это верно? Я скоро встану, да?
— Вам надо в госпиталь.
— Зачем? Я здесь поправлюсь, — встревожился Жаворонков. — Володя! Ты слышишь меня?
— Да, милый, — отозвался дядя Володя.
— Я с вами буду. Не отдавай меня никуда. Обещаешь?
— Конечно. Все вместе будем!

18.3.42 г.

«Приходила дружинница. Объявила, что принято решение: бригаде расходиться по домам. Тока может не быть еще несколько дней. Мои старики заявили, что никуда не пойдут и задание назло Гитлеру выполнят. Жаворонкова в госпиталь принять могут, в случае крайней необходимости, но доставить его туда надо самим. Представляю, что сейчас в госпитале... Такую операцию я бы сделал и одной рукой, но ведь надо затягивать швы. Как мне хочется самому помочь Жаворонкову».

Глава V

А СДАЧИ ЕСТЬ?

«Белочка, ты будешь удивлена тому, что мой почерк меняется. Просто иногда я пишу, не снимая рукавицы. Это когда здесь холодно... Письма писать больше не буду. Их скопилось пачка, а как отослать? Прочитаешь когда-нибудь все вместе... Иногда я спрашиваю себя: правильно ли я поступил, не уехав лечиться в тыл? Ведь чем дальше, тем меньше надежд на полное излечение... Но два года заниматься массажем и процедурами? За это время кончится война, а чем я помог Ленинграду, своему народу, как врач, как хирург? Мы не спали всю ночь, и я читал на память Пушкина. Все, что помню. «Я вас любил» прочитал дважды. Тогда Багров сказал, что Пушкин погиб из-за своей плохой жены. Но начальник наш, Корсаков, закричал, что Пушкин больше жизни любил свою жену и никто не име-

ет права оскорблять ее память. Мой покойный отец тоже примерно так рассуждал. Он...»

— Доктор, — раздался из темноты бас Багрова, — не уснуть с голодухи, и все! Кишки скручиваются внутри, как пружины... Читай опять стихи!

— Заткнись ты, — просыпаясь, заворчал дядя Володя. — Договорились спать. Давно ли похлебку ел!

— Что мне эта похлебка! Айда рыбу ловить на залив. Тут всегда ершей было много. Уха из них сладкая.

— Во дурак!

— Чего ругаешься, — обиделся Багров. — Сам раньше ловил подледным способом.

— Какой тут лед тебе... все разбито, а лодки у тебя никогда и не было. Ухи захотел, дурень... Вот те на! Почитай ему еще, доктор. И мы послушаем.

Свежак надрывается. Прет на рожон
Азовского моря корыто.
Арбуз на арбузе — и трюм нагружен,
Арбузами пристань набита...

— Це ж у нас в Мариуполе! Мы кавуны на пристань доставляли. — Помогай-Бо смешивал русские и украинские слова. — Возьмешь кавунчик, об колено его поломаешь и пьешь...

— А мы в Одессе их с ситником ели, — впервые за много дней заговорил Соловаров. Топчан его находился в самом углу, и Соловарова никогда было не видно и не слышно.

— А мой сын, представьте, что выделявал с мальчишками. Мы жили на Волге в тридцать пятом году, — стал вспоминать и Корсаков. — Там бахча была... мальчишки приползут на бахчу пораньше, сторож дремлет, собака его дрыкнет. У мальчишек с собой пачка дрожжей. Вырежут они в арбузах кружочки аккуратненько, запихают дрожжей и опять закроют коркой. Сверху грязью заляпают. — Корсаков засмеялся, с удовольствием вспомнив то прекрасное время. — Дни стояли жаркие. Вот и начинают эти арбузы с начинкой бродить под солнцем... А потом рваться один за другим, как бомбы.

— Пороли мало, вот и баловались, — проворчал Багров. — Дайте человеку дальше стишки говорить.

У Волкова снова сильно закружилась голова, он еле

смог продолжать. Когда дошел до любимого места, вспомнил отца. Отец признавал эти строки прекрасными.

В два пальца, по-боцмански, ветер свистит,
и тучи сколочены плотно.
И ерзает руль, и обшивка трещит,
и забраны в рифы полотно...

Последние слова стихотворения Корсаков читал вместе с Волковым:

...Конец путешествию здесь он найдет,
окончены ветер и качка, —
кавун с нарисованным сердцем берет
любимая мною казачка...
И некому здесь надоумить ее,
что в руки взяла она сердце мое!..

Когда он смолк, Багров резанул своим басом — видно, стихи задели его:

— Слова какие подобрал! Сколько люди красоты сделали, а вот теперь все разом обрушилось. Эй, доктор, считали бы еще чего, на душе полегче будет.

Но Волков чувствовал себя обессиленным.

— Потом. Отдохну немного.

Отдыхать было некогда. Кончилась вода. Угол, в котором лежали шашки, опустел.

Пора было делать укол Жаворонкову, сменить бинты. Только управившись со всем, он сможет идти в госпиталь.

— Товарищи... — Волков оглядел всех. Его слушала горстка ослабевших стариков, закутанных поверх пальто в свои одеяла с обгоревшими от сидения у времянки краями. Он жалел их и боялся за жизнь каждого из них, такую слабую, находящуюся на самом последнем пределе. — Товарищи... нужны вода, дрова. Надо поглядеть, не завалило ли нас.

— Какая разница... пусть завалит... — грохнул Багров.

— Ни один из вас не умрет! — крикнул Волков.

— Это кто ж нагадал? — хмуро спросил дядя Володя, недоверчиво вздыхая. — В детстве мы в игру играли. Гаданчики звалась. Положишь в руку копейку и спрячешь за спину. Угадай: в какой руке? А сейчас мы все в одной руке. Не сердись ты на меня, сынок! Тебе двадцать?

— Двадцать первый.

— Внучок... ты только не очень нами командуй... А за водой и дровами сползаем. Ты бы нам Жаворонкова поднял, мы б тебя тогда... — Он не договорил, стал собираться наверх.

— Я с вами пойду, — сказал Корсаков, заставив себя подняться. — Прошу подождать меня. Я за все отвечаю здесь.

Они ушли втроем: дядя Володя, Корсаков и Помогай-Бо.

Тишина ожидания воцарилась в подвале. Только Волков возился с Жаворонковым, остальные лежали неподвижно, томительно ожидая известий сверху.

Наконец трое вернулись. Прошло больше часа с их ухода. Вернулись заметенные снегом и какие-то необычно возбужденные.

— Ну и дела... — протянул загадочно дядя Володя, ставя на времянку ведро с плотно набитым снегом.

— Что так долго? Откапывались там, что ли?

— Откапывались, — тоже загадочно сказал Помогай-Бо.

— Говорите же!

— Цех-то наш голенький теперь. Крыша сгорела. Обвалилась. Станки там под снегом стоят.

— Станки под снегом? — Багров поднялся, хрипло, простуженно откашливаясь.

— Все замело там, пурга.

— Что я вам говорил? Теперь уж тока не жди. Линия оборвана. Вот тебе и военное задание!.. А как мы его выполним? Пошли домой.

— Во дурак! — спокойно сказал дядя Володя.

— Опять ругаешься, да? Из ума выжил, Володька! Станки завалило — значит, домой пошли. Чего ругаться тут?

Дядя Володя скинул с себя рыжую доху и сказал странным, почти веселым голосом:

— Твой «Дип» не очень завалило. Мы его откопали и включили... вертится!

— Как это вертится? Ты что? — ахнул Багров. — Ток есть?

— Дали, значит. Закрой рот и собирайся.

Багров подошел к дяде Володе вплотную, заглянул ему в лицо и спросил, даже заикаясь от волнения:

— А здесь по... почему не горит лампа?

— Порвало где-то... Эти-то провода мы сами наладим. Багров нерешительно переступил с ноги на ногу, два его валенка, подшитые толстым кордом, грохнули как два булыжника.

— Пора, — сказал Корсаков.

— А... а другие станки как?

— Во дурак! Не для твоего же одного ток дали. Все работают, только откопай. Да хватит тебе валенками топтать. Собирайся, топтун гаванский!

— Иду, Володька, иду, милый. Только штангель возьму. А чертежи где?

— У меня чертежи. Здесь, — Корсаков полез во внутренний карман пальто. — Я их с собой ношу. Ну, кто может, пошли!

Ничего не понять! Уж не думают ли они работать там на морозе, под открытым небом?.. У Багрова температура, у Корсакова температура... А Кирпичев куда собирается? Ему-то вообще нельзя касаться металла...

С горящей коптилкой в руках Волков подошел к Корсакову и постарался сказать как можно убедительней:

— Вы же были медиком!

Корсаков кивнул.

— Вы же понимаете, как все больны. Переохлаждение...

Корсаков перебил его:

— Милый наш доктор, мы все равно туда пойдем. А вы полежите пока. За Жаворонковым приглядите. Ждать нам некогда. Будет налет, или опять ток отключат.

Все гуськом вышли из подвала. Волков отнес коптилку назад и укрепил ее на стене, над топчаном Жаворонкова.

— Доктор, — напугал его Жаворонков неожиданно громким голосом, — ты меня в госпиталь и не думай. Я с ними буду... с товарищами. В госпиталь — и не думай!

В темноте, задевая больной рукой о стены, сжимая зубы от боли и радуясь, что никто не может видеть его слабости, Волков выбирался из подвала.

— А сдачи есть? Есть сдачи? — повторял он, прижимаясь лбом к инею на стене. — Ты должен быть там. С ними. И Жаворонкова ты должен спасти... Ты, ты, ты!

И вдруг снаружи раздался сильный взрыв.

Снова начинался артналет...

ЗДЕСЬ ФРОНТ, А НА ФРОНТЕ СТРЕЛЯЮТ

Может, это не налет, а саперы рванули невзорвавшуюся авиабомбу, — в отчаянии надеялся Волков.

Но ударил второй взрыв. Потом еще и еще...

Теперь уже старики, конечно, вернутся. Сейчас он услышит их шаги.

Снова взрыв. Совсем близко, рядом.

Где же старики? Живы ли они? Ведь им негде там спрятаться от осколков.

Собрав силы, Волков нажал всем телом на тугую дверь, выбрался в тамбур. Невелик тамбур — всего пять шагов, но пока он нащупал в темноте сваренную из толстых листов железа вторую дверь, снова раздался взрыв.

Жиденький свет зимнего полдня резанул по глазам, привыкшим к желтому мраку коптилок. Доктор постоял немного, прикрывая глаза рукавицей, отвел руку, но то, что он увидел, заставило его опять зажмуриться.

Крыша со стеклянным фонарем, выкрашенным для маскировки черной краской, обрушилась, завалив весь центральный пролет цеха, погребя под собой все станки и конторы мастеров.

Но все эти скрюченные железные балки, доски и осколки черного стекла, обрывки проводов и обломки труб не производили впечатления свежего бедствия. Будто ураган бушевал здесь давно, а не только что, не теперь. Снег все валил и валил, бесшумно засыпая все вокруг, превращая разбитые станины в серебристые мягкие сугробы.

В конце среднего пролета высился гигантский станок. Старики говорили, что он куплен во Франции за бешеные деньги. На нем никто еще ни разу не работал. Начальство боялось, что могут поломать столь дорогую вещь.

Сейчас «француз» был обезглавлен. Его верхняя станина рухнула, загородив собой проход.

Но где же старики, нигде никого не видно. Как он мог отпустить их сюда, под снаряды. Ведь знал, что именно в это время всегда бывают артылеты...

Волков с трудом забрался на поверженную станину «француза». Отсюда был виден весь цех. И только теперь

он услышал тихий ровный звук. Звук этот доносился из самого дальнего угла цеха, из «ликбеза», как называли старики этот участок. Там раньше обучались новички. Старые мастера не раз вспоминали «ликбез» с юмором, подсчитывая, сколько здесь было испорчено деталей и поломано резцов.

Старики живы, и они работают. Это гудят станки!

Сперва он решил поговорить с дядей Володей. Старый токарь обессиленно сидел у станка на корточках и снизу наблюдал за резцом.

— Ноги ни черта не держат, — пояснил он Волкову. — Хоть ложись тут. Доху я свою зря бросил. Морозище.

— Дядя Володя, — начал Волков умоляющим голосом. — Как врач, прошу, вы очень больны. Идите, пожалуйста, вниз. Вам надо отогреться, поверьте мне.

Старый токарь с трудом поднялся, молча выключил станок, измерил штангелем деталь, что-то проворчал и снова дернул рубильник.

— Дядя Володя! Как врач...

— Ладно тебе... Сходи-ка посмотри, как там мой Багров. Ведь этот дурак старый рукавицу где-то обронил. Трудно ему без рукавицы. На, снеси мою, я потерплю пока. А потом принесешь. Иди, иди...

Отдав Волкову рукавицу, дядя Володя снова опустился на корточки.

— Возьмите сейчас же рукавицу! Я ему свою отдам.

Но оказалось, что Багрову рукавицы были не нужны. Багрову было жарко. Он даже пальто скинул...

Станок его вращался на больших оборотах, и синяя стружка, извиваясь, гремела кольцами. Снег вокруг станка был тщательно убран. Багров мастерил сейчас над станком какой-то навес из листов фанеры.

Узкоглазое, черное от копоти лицо Багрова было озабочено.

— А-а, доктор... — протянул он, мельком взглянув на Волкова. — От снега надо закрыть, — он кивнул на станок. — Нужна особая точность, а снег может помешать...

Волков никогда не слышал у Багрова такого голоса. Багров говорил о детали, как о живом существе.

— Температурные режимы надо учитывать.

— А как у вас с температурой, у самого?

— А... не знаю, — отмахнулся Багров.

— Оденьтесь скорей. И вот вам рукавица. Только сперва пальто наденьте. Наденьте пальто, вы слышите!

— Тише, доктор! Немцы услышат, снова обстрел начнут. Проверьте лучше Кирпичева, он за мной в дальнем ряду. Ему самый плохой станок достался... остальные все разбиты.

Рукавицу Багров взял.

— Все равно вам вниз идти, а мне руки морозить нельзя. Чувствительность в руках должна быть. Я ведь на самом ответственном участке поставлен.

Кукольный старичок Кирпичев топтался на снегу возле какого-то допотопного станочка, чьи вычурно изогнутые ноги напоминали старинную мебель. Седые лохматые усы Кирпичева смерзлись и торчали как пики. Скинув рукавицы, старик замерзшими желтыми пальцами тщетно пытался зажать сверловочный патрон. Кирпичев сердито подпрыгивал на месте, но справиться с патроном не мог.

Гремящий разболтанный шкив станка вихлял под ремнем, как велосипедное колесо с невыправленной восьмеркой.

— У-у.. шобака! И шверло-то три миллиметра, а вот... не зажать. Рук не чувствую от мороза, — пожаловался Кирпичев. — Шлышь, доктор, подсоби хоть одной рукой.

В три руки они зажали патрон. Пальцы прилипали к морозному металлу, и Волков слегка оцарапался о заусеницу на патроне. А если бы оцарапался Кирпичев...

— Послушайте, если б вы оцарапались, я бы не смог вам остановить кровь.

— Некогда, некогда... — лихорадочно ответил старик, принимаясь сверлить. — В рукавицах не оцарапаюсь.

— Но вы же были без рукавиц. — Волков вспомнил: «оберегать от любых ушибов и ранений, любых операций, даже от выдергивания зубов».

— Если бы, если бы... работать надо! — взвизгнул Кирпичев.

— Но...

— А, иди ты... к бобикам! Не мешай. Я и так от всех отштал ш этим патроном. Болтаешься тут без дела. Пацан!

Волков упрямо пошел к следующему станку. Пусть ругаются, но он отвечает за их жизни. Иначе какой же смысл

его пребывания на заводе? Они должны это понять. Ведь завтра никто из них не сможет подняться с постели.

Не найдя станка Соловарова, Волков наткнулся на Корсакова, который стоял у наждачного круга, весь усыпанный корундом, и точил для товарищей резцы и сверла. Волков сразу подумал, как вредна астматикау эта тяжелая наждачная пыль.

— Черт... темнеет, — пожаловался Корсаков. — Хорошо хоть, обстрел прекратился. А знаете что... вот бы лампочки найти, а? Вы не поищите здесь, — он обвел рукой участок, — в тумбочках, в шкафах?

— Лампочки-и? — ахнул Волков. — Лампочки. А маскировка?

Корсаков горько усмехнулся.

— Все равно стреляют. И без света весь цех разбили. Нам бы еще поработать, пока ток есть. Мы бы половину, глядишь, и выволяли. Поищите лампочки.

— Нет. Этого я делать не буду, — жестко сказал Волков. — Вы не имеете права губить людей. Даже в условиях фронта командир...

— Довольно! Идите вниз, доктор! Найдите себе дело. Натопите пожарче — мы скоро придем, водой обеспечьте, Жаворонкова проверьте. Снег вот рядом, далеко ходить не надо.

— Вы сердитесь? Я не понимаю...

— Да что понимать, — снова перебил Корсаков, — здесь тоже фронт. А на фронте — стреляют! Если все на фронте станут прятаться в каменные подвалы... Поняли теперь? Я вижу: вы нас жалуете как стариков. А мы — солдаты!

— Ладно! — по-мальчишески закричал Волков. — Будет вам вода. С залива притащу!

Залив был недалеко, и лед на нем всегда разбит снарядами — удобно брать воду, но уже давно туда не ходили за водой. Пили растопленный снег.

— Ну что ж... — согласился Корсаков, наклоняясь к наждаку, — на заливе вода живая. Из снега совсем не то...

И Волков пошел в «санаторий». Сейчас он принесет воды, натопит пожарче и отдаст им все остатки своих сухарей. Старики — настоящие герои! Если все так будут воевать, то никогда фашисты не возьмут Ленинграда!

ОБМОРОК

Растопив времянку, Волков набил ее шашками до самого верха, подлил в коптилки масла и сразу отправился за водой на залив.

Сегодняшний день он никогда не забудет. Надо поподробней описать его в дневнике. Если удастся дожить до победы, он найдет хорошего журналиста, надо, чтобы о стариках обязательно узнал весь Ленинград, вся страна.

А если он погибнет, то его дневник должен попасть в верные руки. Давно надо было подумать об этом. Следует все вложить в пакет и надписать на нем адрес. Но чей адрес? Где сейчас Белочка? Где все знакомые? Белочка все равно должна получить его письма и дневник. В случае чего, она будет знать, что он погиб, сражаясь с фашизмом.

Опомнившись от дум, Волков увидел, что стоит уже на самом берегу, и вода темнеет у ног, и никакого льда метров на пять от берега нет.

А это что такое?! словно какой-то шорох послышался в сумраке, и доктор, напрягая зрение, различил сквозь сумрак на воде узкий длинный предмет. Это могла быть только лодка. Так и есть. Но людей не было видно, она словно двигалась сама по себе. Плыла параллельно к берегу, никуда не сворачивая, по самой кромке льда.

Откуда здесь взялась лодка? Да еще зимой?! Почему она курсирует вдоль заводской пристани?..

На всякий случай Волков спрятался за высокий кабельный барабан.

Лодка все так же тихо плыла вдоль берега, все так же двигалась будто сама по себе.

Ни всплеска весла, ни шума мотора...

И вдруг Волков догадался: ее несло течением! Почему это он решил, что в ней кто-то есть? Зачем прятался?

Надо набрать воды — и скорей назад: там старики, наверное, вернулись и поминают его нелегким словом за эдакую нерасторопность! А что, если половить с лодки рыбу? Багров, во всяком случае, одобрил бы такую затею. Эх, если бы и впрямь наловить рыбы да сделать уху...

У него резко закружилась голова и занял желудок. Нельзя думать о еде!

Набрав воды в ведро, Волков потихоньку двинулся к цеху, через каждые три шага делая остановки.

Он упал, не дойдя до цеха всего несколько метров.

Когда он очнулся и понял, что это голодный обморок, то испугался не за себя. Старики там непременно переполошатся и пойдут искать его. Еще не хватало, чтобы они возились с ним!

Беда в том, что эти обмороки у него становятся все чаще. Он-то хорошо понимал, что это значит, но необходимо продержаться несколько дней.

— Пора встать, — приказал он себе. — Только осторожно!

Набрав в пригоршню снега и проглотив несколько обжигающих горло комочков, Волков поднялся сперва на колени, подождал, не закружится ли снова голова, и только тогда потихоньку встал.

Ведро валялось в стороне.

Волков с трудом отодрал его от снега — успело уже примерзнуть — и опять отправился за водой.

На этот раз он шел еще медленней. Только не делать резких движений. Счастье еще, что упал не на большую руку!

Откуда у него хватило сил еще раз добрести до залива, набрать воды и прийти в цех? Он шел и все время повторял про себя: «Больше не упаду... не упаду...»

У ворот цеха Волкова встретили Корсаков и дядя Володя.

— Не знали, что и думать, — сказал Корсаков с тревогой. — Что с вами? Почему долго?

— Зачем было туда идти? Снегу бы растопили, — проворчал дядя Володя. — Давайте ведро. А ток опять отключили.

Пока Корсаков помогал ему стаскивать шинель, Волков заметил перемены в настроении людей, в том, как они встретили его и в том, что никто после работы не лег, хотя устали выше всяких мер. Все что-то делали — одни возились у временки, на которой уже кипела вода во всех кружках, другие переговаривались между собой, тихо обсуждая сегодняшний удачный день.

— Мы снег уже растопили, — сказал Багров. — Не дождались вас... — Вместо баса у него был сильный шепот.

— Ангина, — огорчился Волков.

— Ладно, обойдется, — просипел Багров. — В булочную вот опоздали. Хлеб не выкупили, за обедом не сходили...

— Да-а... Вот ведь беда! — протянул Корсаков.

— Кипяточку можно попить, — сказал молчун Соловаров. — С перчиком. Как суп будет.

— Тебе что... — прохрипел Багров. — Ты весь-то с кузнечика!

— А ты всегда в столовой по три порции брал. Теперь потерпи, каланча!

Все стали тихо укладываться.

«Нет, голодными вы не ляжете», — подумал Волков и полез в свой сундук. Там у него осталось от пайка, выданного в госпитале, четыре сухаря. Понимая, что здесь ему придется пробыть долго, Волков экономил, съедая только полпорции в сутки.

Теперь эти четыре сухаря спасут стариков!

— Как только вскипит вода, — сказал Волков, — опустите в кипяток по куску сухаря. А еще по кусочку возьмите и будете грызть как можно дольше.

— Какие сухари? Откуда? — Корсаков заглянул Волкову в глаза. — Из вашего пайка?

Волков перебил его:

— Завтра я снова получу. По продаттестату. — И заверил: — У нас норма довольно большая. Мне хватит.

Достав из сундука последний пакетик сахарина и высыпав его в кружку с буквами «Жав», Волков положил туда целый сухарь. От запаха еды у него резко заболел желудок и закружилась голова. Он все же справился с собой и подошел к Жаворонкову:

— Вот... тот самый мед и сухарь, — и стал кормить Жаворонкова с ложечки.

— Спасибо... доктор.

— Рано булочные закрывают, — простуженно прохрипел Багров.

Даже в эту тяжелую минуту дядя Володя не удержался от спора с Багровым:

— Откуда им знать, дурак, что ты еще не выкупил?

— Должны знать, — обиженно ворчал Багров.

— Сообщил бы по азбуке Морзе. Точка—тире, точка — тире. Я еще хлеб не выкупил. Подождите, сейчас приковыляю!

ОПЕРАЦИЯ В ЗАПОЛЯРЬЕ

Утром ток не дали, и Волков стал собираться в госпиталь. Ждать он больше не мог. Корсаков пытался удержать его, говоря, что сегодня к ним обязательно придут дружинницы и с ними, конечно, придет и врач. Но Корсаков не знал, в каком состоянии находится Волков. Обморок мог повториться в любую минуту.

При свете коптилок Волков критически оглядел свою закопченную, вернее ставшую непроницаемо-угольного цвета шинель с прожженной полой. Левая рука неуклюже висела на повязке. Общий вид довершала противогазная сумка, в которой лежал пакет с дневником.

— Орел!.. Только к начальству идти. Помогите мне кобуру пристегнуть.

— Зря идете, Борис Федорович, зря... Ваш вид..

— Тише, — перебил Волков. — Вид самый боевой!

Но до госпиталя Волков не дошел.

Едва он выбрался на Большой проспект, как завывли сирены. Тут же словно из-под земли выросли дружинницы и буквально силой заставили его проследовать в противоположную щель-траншею.

Траншея была узкой — настоящая щель. Пришлось пробираться боком. Но в глубине было расширение, здесь вдоль стен на чемоданах и узлах сидели люди. Они принесли с собой коптилки, тусклый свет мигал в сыром, пахнущем глиной воздухе.

В убежище царил тишина. Взрослые сидели закрыв глаза. Дети, укутанные в одеяла, шерстяные платки — во что потеплее, привычно-терпеливо ждали конца тревоги.

Так и не найдя места, Волков прижался спиной к столбику, поддерживающему доски потолка, и тоже закрыл глаза. Сколько продлится налет? Есть не хотелось, но желудок ломило бесконечной болью.

— Опять загнали, — с досадой проворчал кто-то позади. — Третий налет! Меня ждут раненные! Нельзя же всех загонять под землю!

Волков обернулся и увидел в полумраке высокого стари-

ка в зимнем пальто с каракулевым воротником. Невысокая папаха на нем была тоже из каракуля. Только большие двухпалые армейские рукавицы на руках старика портили общий вид.

— Евгений Леонидович, вы живы?! — брякнул Волков от неожиданности встречи.

Старик придвинулся, знакомым жестом поправил очки и спросил:

— Кто вы? Здесь плохо видно. Да, я жив! И буду жить назло Гитлеру. И сюда меня зря загнали! Я — врач, место врача возле больных! А вас я не знаю!

— Студент Волков. Я вам сдавал патанатомию.

— Мне все сдавали, — фыркнул старик. И повторив: — Нет, не знаю, — отвернулся.

А Волкову на мгновение вспомнилась та прекрасная весна, когда он сдавал патанатомию. В парке на Петроградской деревья сверкали новыми клейкими листочками. Окна институтских аудиторий — все настезь. Студенты с трепетом ждут появления самого уважаемого и строгого профессора. И он появляется, как всегда безукоризненно одетый, педантичный во всем...

— Я сын хирурга Волкова.

— Как? Сын Федора Николаевича? — Старик повернулся опять. — Сын профессора Волкова? С вашим батюшкой у меня столько связано. Но мне говорили, что он погиб?

— Да. В Киеве.

— Значит, правда.

— Правда.

— М-да... — вздохнул старик. — Сколько примеров из его богатой практики я приводил на лекциях. Талант его был виден уже в студенческие годы, а известность пришла к нему сразу после той знаменитой операции в Заполярье. Вас тогда еще не было на свете... Что с вами? Вы очень плохо выглядите, друг мой. У вас бывают обмороки? Вы ранены, я вижу. Где лечитесь?

Назвав номер госпиталя, Волков с волнением спросил:

— Вы сказали об операции в Заполярье. Это та, с зеркалом?

— Ну конечно! Так именно в ваш госпиталь я и спешу. Три дня туда поступают новые раненые, а я вот сижу под землей! Невероятно трудное там положение. На врачей страшно смотреть. Вы хоть им помогаете?

Но Волков уже не слышал его. Как же он не вспомнил сам об этой операции отца? Теперь-то он знает, как ему поступить!

— Евгений Леонидович, — попросил он, вставая, — у нас в институте думают, что я погиб. А я легко ранен и скоро прибуду к месту учебы.

— Я связан с институтом. Могу передать. Даже обязательно передам.

— Спасибо, профессор. До свидания.

— Куда вы? Разве был отбой? Вас же не выпустят, я уже пытался.

— Должны выпустить!

И Волков умолял дружинниц до тех пор, пока они открыли ему дверь.

Над городом гремела зенитная канонада, то и дело заглушаемая взрывами авиабомб, разламывающих осажденный город. В редких паузах тишины слышны становились прерывистые завывания моторов немецких бомбовозов. Осколки цокали на ледяных тротуарах, с визгом рикошетили от стен.

Прижимаясь к домам, прячась от вездесущих дружинниц, Волков пробирался назад на завод.

Каждый раз, делая перевязку Жаворонкову, он рисовал себе ход операции. Дело было знакомым. Удалить осколок, наложить швы — и нога спасена. Но как завязать узлы одной рукой? Он по ночам думал об этой операции, он горел желанием сделать ее, тоже наперекор всему. И вот теперь он знает, как быть.

Огромный сугроб снега, целый вал намело на тротуар. Обходя его, Волков поскользнулся, упал и потерял сознание. По-видимому, он очнулся довольно быстро, потому что не замерз. Он выбрался из сугроба, ощущая во рту противный свинцовый привкус. Во время падения с его плеча соскользнула противопогазная сумка. Он увидел ее неподалеку на мостовой, но боялся нагнуться за ней — так кружилась голова.

— Гражданин, — раздалось сзади. — Почему ходите во время налета? Предъявите документы!

Два подростка в шинелях, с повязками на рукавах, выросли перед Волковым. Крылья ушанок туго завязаны под подбородками, лиц почти не видно.

— Документы!

— Пожалуйста. Они вот в этой сумке. Поднимите ее, я не могу нагнуться. Найдите там справку.

— Б. Ф. Волков... состоит на лечении в госпитале, — начал читать справку один из подростков, а второй оторопело спросил:

— Вы — Волков? Не может быть. Я ж Кислицын. Помните, вы спасли меня под Пулковом?

— Под Пулковом?

— Вас же из-за меня тогда ранило. Ну, вспомнили?

— Да, помню, теперь помню. Сосед по дому. Тебя-то я не забыл!

— А вас не узнать совсем. — Кислицын с состраданием глядел на доктора. — В порядке документ, можно не проверять! Вы куда шли?

— На завод. Туда. — Волков кивнул головой в сторону завода. — Как наш дом?

— Ваша лестница цела. А по следующей парадной три этажа выгорело. Пожарники приехали, а воды нет... А я лечусь дома. Патрулирую пока. Хотите молока? Соевого? — Он торопливо вытащил из кармана шинели объемистую флягу. — Теплое. Пейте, пейте!

Волков решил сделать два—три глотка, но не мог оторваться и выпил полфляги густой сладковатой смеси. Его тут же стало подташнивать. Желудок уже отвык от пищи.

— Вы торопитесь? Зашли бы. Квартира восемьдесят шесть, — говорил Кислицын.

— Зайду. Обязательно. Квартира восемьдесят шесть, запомнил. Ну, а теперь мне пора...

— Только не забудьте. Буду ждать. Почему вы молоко не допили?

Сделав несколько шагов, Волков повернулся и окликнул подростка:

— Постой, Кислицын!

— Да, — сразу подбежал тот.

— Сними-ка с меня эту сумку, вынь пакет. Пусть постоит у вас дома. Я вот приду, и мы вместе подумаем, как быть. Этот пакет надо бы отправить одной жен... знакомой. Ты ее даже можешь знать. Хотя нет, ты еще мал. Но она училась в твоей школе. Вот что я тебя попрошу. Видишь, на пакете фамилия и номер дома. Сходи туда, если можешь.

— Да! Обязательно! — заверил Кислицын.

— Разузнай у жильцов получше, где она. Потом мне все расскажешь. Это очень важно.

Прочитав на пакете адрес, Кислицын сказал, что хорошо знает ту, кому его надо передать.

— Она же с нами песни разучивала в пионерской комнате. Такая беленькая. Красивая. Я ее найду.

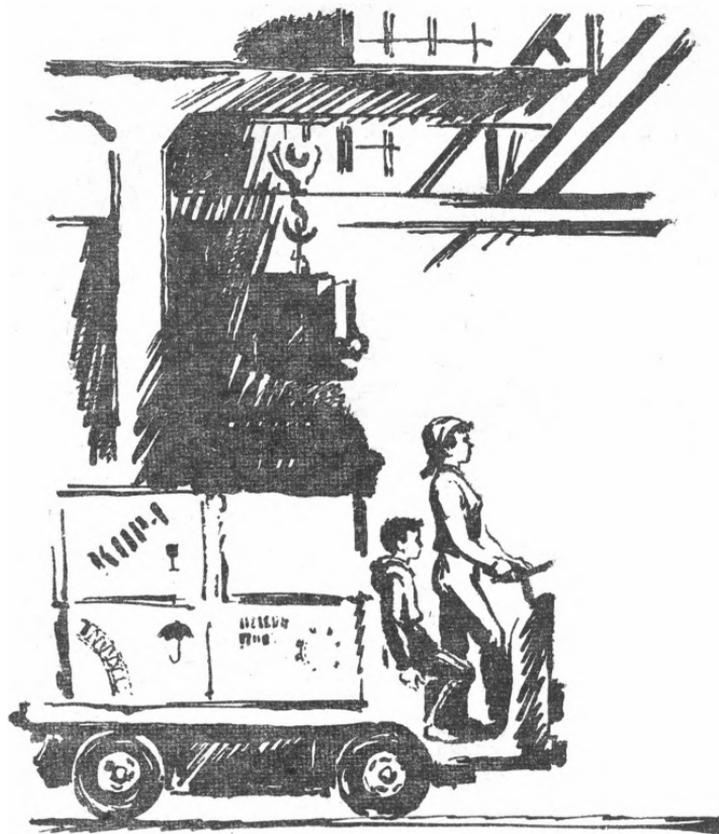
— Если мне не удастся к вам прийти... сбереги пакет. Очень прошу!

Кислицын долго смотрел Волкову вслед, крепко прижимая к себе пакет с дневником.

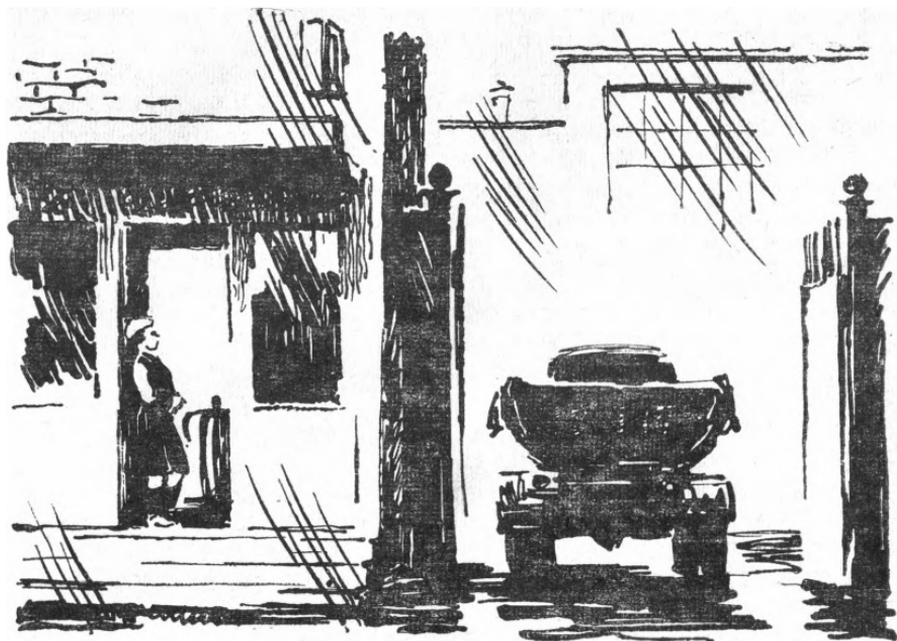
Рано отдал пакет доктор. Уже на следующий день он мог бы записать в дневник самое главное...

Часть третья

ВОЕННЫЕ ПИСЬМА

Глава I

СЫН ЭНЕРГЕТИКА

Опять всю ночь лил, не переставая, дождь. Такой уж мокрый июль в этом году. У проходной не лужа, а море целое, и все стекла забрызганы машинами.

— Ишь совести нет, — заворчала толстая охранница, — не успевают явиться, уже беги к ним! Да сейчас, сейчас!

Это крытый брезентом ЗИЛ, не успев подъехать к воротам, сразу засигналил.

Приоткрыв дверь, охранница кулаком погрозила знакомому шоферу.

— Красавица! Пропуск на месте. — Шофер показал на картонный квадратик, прикрепленный за стеклом кабины. — Нажми кнопочку. Есть хочется — вчера не обедал!

— Не помрешь! — Охраннице так не хотелось идти под дождь, проверить. — Что в машине?

— Совершенно пустой! За грузом приехал. Ну!

Охранница нажала на кнопку, тяжелые железные ворота вздрогнули и легко поехали в стороны.

ЗИЛ покотил по заводскому двору мимо юрких электрокаров, мимо грузового трамвая, на который подавали груз разлапистые автокраны, к новому двухэтажному зданию — заводской фабрике-кухне.

Вытащив ключ от зажигания, шофер повернулся, чтобы достать деньги из плаща, висящего позади, и от неожиданности громко присвистнул.

— Фокусы-покусы! — проворчал он. — Люблю я фокусников!

Он постучал по стеклу кулаком, покрутил пальцем возле виска и сердито крикнул:

— Пока я считаю до трех... А ну!

В кузове сидел на корточках какой-то пацан лет двенадцати. Докатался! Заехал на завод, пусть сам выбирается, как хочет! Уж эта красotka в проходной зацапает — мало не будет!

— Я кому сказал? Испарись!

Вот нахал! И глазом не повел. Сидит себе и о чем-то думает еще! Мечтатель...

Шофер выскочил из кабины и, подбежав к заднему борту, замахал руками:

— Иди-ка сюда! Поговорим по душам, ну!

— Можно мне здесь посидеть? Пока вы обедаете, — спросил парнишка простуженным голосом.

Видали! Шофер еще больше разозлился:

— Думаешь, назад повезу? Бр-ррьсь!

На всякий случай он огляделся. Ведь если кто-нибудь смотрит, придется выводить пацана за ворота. Но никого не было, и шофер рывкнул:

— Вон!

Парнишка поднялся, вздохнув. Был он худенький, взъерошенный, в промокшей спортивной курточке, на ногах кеды. Легко перепрыгнув через борт, сказал, приземлившись:

— Я ведь вас знаю.

— Давай отсюда! — Шофер заспешил в столовую. — Ишь знакомый!

На всякий случай он обернулся — проверить, не полез ли этот прохиндей опять в машину. Нет. Стоит под дождем и что-то кумекает. Мыслитель! Не все дома у парня. Это уж точно. Первый раз такой заяц попадается.

Едва шофер вошел в столовую, как его окликнул диспетчер из гаража:

— Корпаков! Ты что там за пацана провез?

— Никого я не провез!

— Я у окна сижу. Мне видно. Ты вот что, Корпаков, если зайца провез, так пойдя и выведи назад, а потом уж обедай!

Корпаков чуть не взвыл от злости, но с диспетчером спорить не положено, пришлось бежать снова на улицу. Только парнишки и след простыл. Корпаков и в кузов заглянул — нет. Что делать? В окно диспетчер смотрит, головой качает... Плюнул еще раз Корпаков, бросился в кабину, рванул с места и поехал под погрузку, так и не пообедав.

Дождь льет и льет, Олег совсем промок, но так еще и не придумал, что делать дальше. Всегда с ним так случается — думал: «Мне бы только на завод попасть». Ну вот, попал, а дальше что? Куда теперь? Люди вокруг ходят. Сейчас спросят: «А как это ты сюда, мальчик, пробрался?» Потащат в проходную. Хорошо, хоть дождь, не очень приглядываются.

— Эй, сынок!

Этого только не хватало! Дорогу загородили две женщины в комбинезонах.

— Ты что мокнешь? Как сюда попал?

Ну, вот и все!

— Клавка! — неожиданно сказала одна из женщин. — Да ты не узнаешь, что ли? Ну, посмотри, чей это сын!

Вот новость. Его тут знают, оказывается!

— Да ты только посмотри, ему ж за отца деньги можно выдавать без всякой доверенности! Вот похож так похож! Верно, Клавочка?

Пожилая Клавочка спросила басом:

— Да на кого? На Комякина, что ли? На энергетика?

— Да конечно!

— Да у него ж он еще маленький, — неуверенно пробасила Клавочка, — а этому лет двенадцать!

— Растут дети, как грибы! Ты ведь Виктора Викторovichа сын? Да что я спрашиваю, видно и так!

— Виктора Викторovichа, — кивнул Олег, стараясь смотреть в глаза.

— Ну! Беги к нему скорей, не мокни. Во-он в тот корпус, а там спросишь.

— Да что он, дороги к отцу не знает, — сказала Клавочка, — не в первый же раз... Только сперва пусть в прокатку пойдет да обсохнет.

— А где прокатка? — вырвалось у Олега само собой, он на память помнил строки из дневника доктора Волкова: «...прокатка — безостановочное огненное сердце завода — погасла. На месте печей — руины, крыша сгорела. Без нее завод мертв...»

— А это что перед тобой? — показала Клавочка на закопченное здание, из дверей которого, отчаянно звеня, выкатывался грузовой трамвай.

Олег подождал, пока трамвай пройдет, и юркнул в автоматически закрывающиеся двери прокатки.

За автоматическими дверями оказались еще одни, обитые войлоком, а в них небольшая, в рост человека, калитка на такой тугой пружине, что Олегу понадобились все силы, чтобы отворить ее. Он шагнул в эту калитку и одновременно ахнул и крепко зажмурился. Плещущее желтое море огня и жара ослепило его.

Однажды, когда Олег учился еще в пятом классе, пришел к ним домой старый папин друг. Очень интересный человек, не военный, но все равно интересный, потому что профессия у него была — строитель метро.

— У нас под землей порядок, как в авиации! — несколько раз повторял он в разговоре с отцом. — У нас даже больше порядка, чем в авиации!

Когда он повторил это в пятый раз, Олег прыснул.

Папин друг — он был высокий, с блестящей, гладко выбритой головой и пушистыми русыми усами — нахмурился:

— Кому тут смешно? Тебе? Так-так... Генералом хочешь быть? А знаешь ли ты...

— Не задавай ему только вопросов про войну! Потом не отвяжешься! — поспешил вставить папа.

— Ладно. А вот скажи, как в макаронах сверлят дырки?

— А ты сам знаешь? — спросил папа.

— Я все знаю, иначе бы я под землей не работал! — Папин друг подмигнул Олегу и заявил: — Могу поручиться, что ты не знаешь, как делают дырки в макаронах!

— А зачем мне? — пожал плечами Олег.

— А как сверлят стволы пушек? Как из огромной стальной отливки получают тонкую проволоку? Как бурят землю? А, Олег?

— Зачем мне это, — еще раз повторил Олег. — Я военным историком буду.

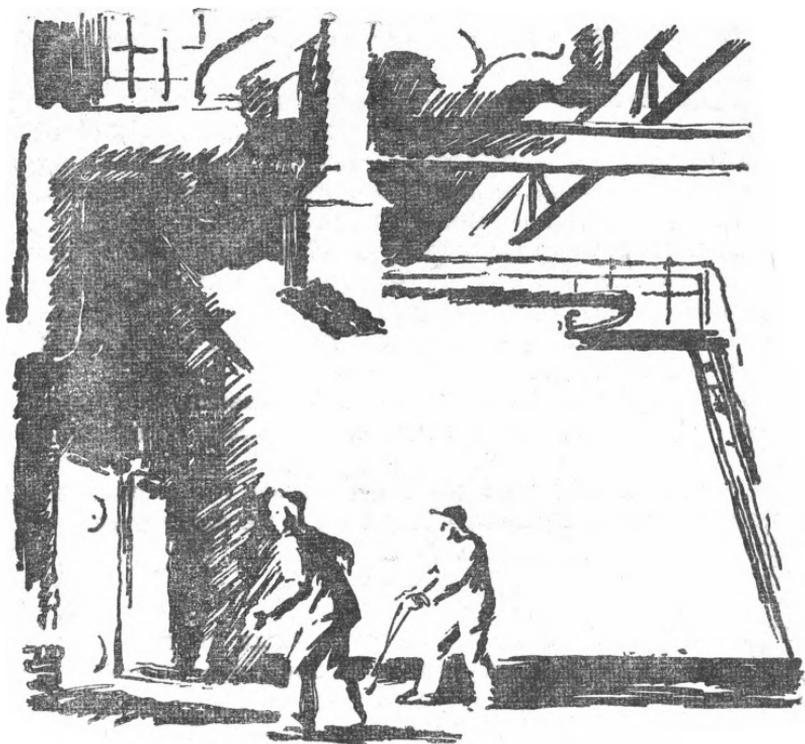
И он пошел читать только что полученный журнал «Советский воин», который выписывал отец специально для него.

Но интересное дело: кого он потом ни спрашивал про дырки в макаронах, никто ему так и не смог ответить, как их делают...

Пламя гудело и летало в огромных печах. Большими белыми языками высывалось сквозь отверстия в заслонках, дышало шумно, с подвыванием.

Боясь, как бы его не заметили и не прогнали прочь, Олег держался поближе к дверям. Но когда коренастый прокатчик в войлочной шляпе и валенках, стоящий на небольшом возвышении посередине цеха, позвонил в колокол и два других прокатчика, тоже в таких же шляпах и валенках, длинными крючьями стали выдергивать из печей раскаленные белые болванки и бросать их вниз на пол, ноги сами понесли Олега поближе к печам.

Стоящий на возвышении прокатчик что-то крикнул, повернулся к пульту управления и нажал несколько красных кнопок. И тут Олег увидел, что они упали не на пол, а на дорожку из роликов, которые, вращаясь, несли болванки к высокому станку, перегораживающему половину цеха. Как только болванки докатились до станка, тут же завращались на нем большие блестящие валы, с грохотом втянули они болванки и стали их мять и вытягивать. Как ириски. Пролетев на другую сторону станка, болванки тут же вернулись назад, потом все повторилось. Прошло немногим более минуты — и вместо болванки по железному полу

заелозила дымящаяся тонкая проволока. Прокатчик сошел с возвышения, взял щипцы и, поймав ими конец проволоки, заправил его в железный барабан. Теперь стал вращаться барабан, наматывая на себя проволоку. Намотав ее всю, барабан резко остановился, и проволока, теперь уже смотанная бухтой, соскочила с него и тут же была подхвачена на специальный крюк и помчалась под потолком в другой конец цеха. Тут же вновь зазвенел колокол и снова, словно ветер, налетел жар — открылись печи, и снова помчались белые болванки с темными веснушками окалины к сверкающим валам прокатного стана.

— Пошла-а! — крикнул коренастый прокатчик и, развернув в свою сторону лопасти большого вентилятора, отдохнул несколько мгновений под сильной прохладной струей.

Олег увидел, что прокатчик пальцем манит его к себе,

«Сейчас прогонит», — подумал Олег, подходя.

— Попить принеси, паря! Вон у стенки автомат. Только полную кружку! — быстро сказал прокатчик и побежал ловить щипцами проволоку.

У автомата не было щелки для монет. Олег подставил под краник внушительную кружку и потянул рычажок. Газировка полилась без всяких денег. Потянул еще раз — и кружка наполнилась доверху. Ему самому хотелось пить, губы запеклись от жары, но надо было сперва напоить прокатчика.

— Спасибо, паря! — сказал прокатчик и вернул Олегу пустую кружку. Голос у прокатчика был хриплый. Наверно, тоже от жары.

— Можно и мне попить?

— Давай! Конечно! — засмеялся прокатчик. — Ты с экскурсией? У нас часто экскурсии.

Олег смешался, не зная, как лучше ответить, но прокатчик уже звонил в свой колокол. Только в этот раз он позвонил иначе: часто-часто, словно звал кого-то. И действительно, в цехе появились новые прокатчики. Они сменили и тех двоих, что стояли с крючьями у печей, и этого коренастого.

Коренастый подошел к Олегу.

— Смена. Пойдем отдохнем.

— Я здесь побуду.

— Пойдем, пойдем. Тут рядом. На кого-то ты похож... не могу вспомнить!

Прежде чем выйти на улицу, все прокатчики подошли к автомату с газировкой. Когда Олегу подали полную кружку и он с жадностью припал к ней, ему показалось, что никогда в жизни он не пил такой холодной, вкусной, со щекочущими пузырьками воды.

— Соленая она, — сказал коренастый. — Знаешь почему?

— Конечно! С потом соль выходит из организма.

— Знаток! Как зовут? Меня — Строганов.

— Меня — Олег. Я даже знаю, что прокатку зовут «сердцем завода».

Строганов остановился и поглядел на него, сдвинув рыжие от огня брови.

— Как? Сердце завода? — Он улыбнулся. — Это правильно. Наша продукция идет по всем цехам.

— А если вы остановитесь?

— Такого быть не может, Олег!

— Было же. В войну. Тридцать лет назад. — И Олег процитировал строки из письма доктора Волкова: — «Прокатка — огненное сердце завода — погасла. На месте печей — руины, крыша сгорела. Я стараюсь сберечь рабочих — это золото наше, — лечу их в единственном уцелевшем подвале, горит большая печь-временка. Мы топим ее промасленными шашками, разбираем пол...»

— Ты — не экскурсия, это точно... — определил Строганов.

— Я на машине приехал.

— Сам? Без пропуска?

— Без пропуска.

— Эти слова про нашу прокатку из книги?

— Из дневника.

Положив на плечо Олегу тяжелую руку, прокатчик подтолкнул его к выходу.

На улице все так же шел дождь, они встали под навесом, и прокатчик, закурился, стал жадно затягиваться. Молча докурив сигарету, кинул ее в бочку для окурков и только тогда спросил:

— Ну, так зачем ты здесь?

— Тридцать лет назад где-то здесь погиб папин друг. Доктор Волков.

— Пойдем в отдел кадров. Там всё знают!

— Бесполезно!.. Никто ничего не знает. Доктор ведь пришел на завод сам. Его должны были эвакуировать по ранению. А он пришел сюда.

Строганов снова закурил и посоветовал:

— Искать так искать. Пропуск следует оформить. С комсомолом связаться. Они помогут. Всех на ноги можно поднять!

Так Олег и знал! Надо же было ему проболтаться!

— Я пошел, — сказал он. — Я сам.

— Куда? Идем, я позвоню комсору и в проходную, чтобы тебя выпустили. Потом дадут пропуск. Тебе ж не один раз придется приходить.

— Не надо, — сказал Олег быстро. — Не ездил я на машине! Меня и так пропускают. В любое время. У меня ж отец здесь работает!

Строганов рассердился:

— Письмо какое-то выдумал... Башку мне морочил! Разве этим шутят? Блокада... «Огненное сердце завода»... Эх ты! — Он достал новую сигарету и с силой размял ее в пальцах. — Кто твой отец?

— Ко... Комякин, — опустив глаза, пробормотал Олег.

— А-а... энергетик. А про блокаду в книжке вычитал?

— Вычитал... Вы уж не сердитесь. Надо было мне узнать, как проволоку делают.

— Узнал, ну и иди себе. Иди!

И Олег пошел.

А прокатчик поглядел ему вслед, зашел в прокатку и снял трубку заводского телефона.

«Этот коридорище действительно протянулся на две трамвайных останки!.. Брожу здесь на ощупь, полная темнота и холодный, режущий ветер», — вспомнились Олегу строки из дневника.

Вдоль коридора расположены цеха. Стараясь не привлекать к себе внимания, Олег заглядывал в них и шел дальше. Раза два окликнули и прогнали — видимо, он заходил туда, где «посторонним вход воспрещен». В одном цехе его спросили, к кому он пришел, и он снова соврал, сказав, что к отцу. И все же он старался заглянуть в каждый цех и отдел. Но ни в одном из цехов не было пола из «деревянных промасленных шашек», везде только асфальт. Олегу очень хотелось побывать там, где в блокаду горела печь-временка, заставленная кружками с водой, где были установлены топчаны и где доктор Волков спасал людей.

По огромному коридору, освещенному лампами дневного света, мчались электрокары, груженные бухтами провода. Электрокарщики свистели, как соловьи-разбойники, обгоняя друг друга.

— Садись! — затормозив, крикнул Олегу электрокарщик, оказавшийся девушкой лет восемнадцати. — Тебе на ту сторону? Скорей садись!

— А что на той стороне?

— Как и здесь. Завод. А еще там залив. Да скорей же, я видела, вашу группу туда повели. Ну!

Едва он успел забраться на платформу электрокара, как девушка, оглушительно свистнув, нажала на рычаг, и они с грохотом полетели по коридору.

«На той стороне они были! — думал Олег. — Как же я забыл! Ведь доктор писал о заливе...»

Сколько раз, перечитывая дневник доктора, Олег видел эту картину: немецкие авиабомбы падают в залив, поднимая фонтаны из воды и льда. Фонтаны обрушиваются на цех, изрешеченный осколками. Едва успевают навести порядок, как вновь налетают немецкие бомбардировщики.

Электрокар выскочил наконец из «Багдадского коридора» на заводской двор и помчался к проходной. На улице электрокарщица уже не свистела, а изредка подавала короткие сигналы.

— Что ж ты от группы отстал? — прокричала она Олегу, не поворачиваясь. — Я видела, как ты в прокатке стоял, рот разинув! О чем ты там со Строгановым беседовал?

— Да так... — пробормотал Олег. — Все-то вы видите...

— А как же! — прокричала девушка. — Сверху видно все! Строганов у нас на заводе самый красивый! Верно? — И она захохотала.

Не успели доехать до проходной, как их остановил какой-то человек в плаще с низко надвинутым на глаза капюшоном.

— Одну минуту, — сказал он, поднимая руку.

Электрокарщица нетерпеливо крикнула:

— Некогда!

— Мне нужен молодой человек.

— Я? — опешил Олег.

— Ты, ты.

— Интересно, — сказал Олег.

— Слезь тогда! — Электрокарщица уже нажала на рычаг, и Олегу пришлось соскакивать на ходу.

Человек в плаще разглядывал Олега. Глаза у него были голубые и холодные. Олег никак не мог решить, что это в них там прячется: усмешка или осуждение. Он не очень испугался. Ну, что с ним сделают? Ну, выгонят за ворота, да и все. Хуже будет, если сообщат маме. Тогда скандал! Но разве можно читать такой дневник просто так, ничего не предпринимая? Не стоило, конечно, проникать на завод таким образом: следить за машинами, хитрить; завод — это не сад тетки Граммофоники в Смоленске...

— Так чей это ты сын? — спросил голубоглазый человек в плаще.

Что ответить? Лучше промолчать!

— Постой, это ты сын Комякина или не ты?

Никакого подвоха в голубых глазах Олег не разглядел и на всякий случай — авось вывезет — сказал:

— Я.

— Тогда пошли! — Мужчина в плаще зашагал к проходной таким крупным шагом, что Олегу пришлось поднажать изо всех сил, чтобы не отстать.

Вошли в проходную.

— На ту сторону. Мальчик со мной.

— Пожалуйста, — пропустила их охранница, и они вышли на улицу. Надо было пересечь ее и пройти во вторую проходную. Здесь Олегу предоставилась возможность удрать, потому что мужчина в плаще шагал впереди. Но на той стороне был залив... и тот самый цех!

Прошли через турникет второй проходной и так же быстро вошли в здание, на котором было написано «Управление», и почти бегом поднялись на второй этаж, где мужчина в плаще распахнул обитую черным дверь, пропустил в нее Олега и вошел сам.

— Садись. — Он показал на ряд стульев у стены, а сам бросился к столу, где на телефонном пульте горело с десяток красных огоньков.

Он говорил по телефону энергичным голосом, отдавал приказания, кого-то хвалил, кого-то отчитывал.

— Я всегда за настоящее дело, — кричал он в трубку. — Всегда — за! Докажите мне, что вы занимаетесь делом, и я вас поддержу!

— Садись, Олег, — приказал он, не отрываясь от трубки. — Стаскивай свою куртку. Сейчас принесут кофе, бутерброды.

Олег начал стаскивать курточку и только тут понял, что его назвали по имени. Значит, его знают? Вот так фокус! А он-то дурака валял. «Сын энергетика»!..

Хозяин кабинета, по-видимому, ответил на все вопросы, и красные сигналы погасли. Он тоже снял плащ, убрал его в стенной шкаф, нажал какую-то кнопку на столе. Почти сразу в кабинет вошла приветливая женщина и принесла термос и бутерброды.

— Спасибо! — Хозяин налил в стаканы дымящийся кофейный кофе, подвинул на край стола бутерброды.

— Давай!

— Благодарю, — буркнул Олег.

— У меня на обед осталось десять минут. Прошу не капризничать.

Олег взял стакан, взял и бутерброд с ветчиной. Есть-то он уже давненько хотел. Пока все шло хорошо. Чем все это кончится?

— Вы меня знаете? — осторожно задал вопрос Олег.

— Первый раз вижу.

— Папу знаете?

— Энергетика?

Почему он улыбается? В чем дело?

— Я же не сказал тебе, как меня зовут! Твое имя мне известно, а мое — Виктор Викторович.

Надо немедленно встать и признаться, что он вовсе не сын энергетика, но встал не Олег, а Виктор Викторович. Встал, подошел к окну и, прихлебывая из стакана кофе, произнес очень важные для Олега слова:

— Иди полюбуйся! Какой залив сегодня — серый-серый. Сердитый! Да и небо не лучше. Но этот вид я ни на что не поменяю! Четверть века... все эти корпуса при мне построены, от первого камушка. Да иди же сюда, Олег!

За окном раскинулся серый простор залива, с которого ветер то и дело срывал белые платки бурунов, а еще Олег увидел растянувшиеся по берегу корпуса из стекла и бетона.

— Ничего этого не было. Камни и железо. И больше сотни неразорвавшихся авиабомб... — Виктор Викторович покосился на Олега. — Был тут тогда один лишь цех...

— Этого цеха уже нет? — вырвалось у Олега. — Его перестроили? Или снесли? Здесь только новые постройки...

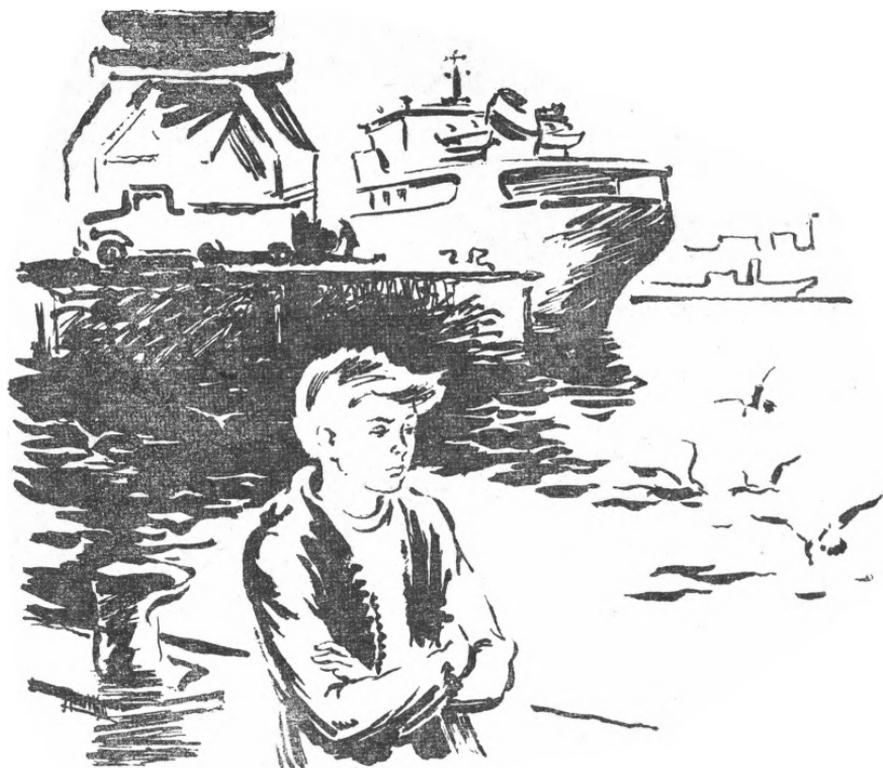
— Вон он, левой смотри. У самого берега.

У самого берега темнело продолговатое одноэтажное здание. На фоне новых корпусов оно выглядело совсем незаметно. Неужели это оно продержалось всю войну и в нем доктор Волков дрался за жизнь каждого рабочего?!

«...Стены построены на совесть, под бомбами качаются, но не падают. От скольких налетов мы убереглись за ними. Только крыша сгорела...»

Неожиданно загудел зуммер. Виктор Викторович нахмурился:

— Ну, все, Олег. Время. Может, тебе хочется побы-

вать там? — Он кивком головы показал на одноэтажное здание.

— А можно? — Олег даже привстал.

— Там склад. Но я выпишу пропуск. И позвоню в проходную, чтобы тебя потом выпустили.

— Спасибо вам. Спасибо!

Виктор Викторович взял со стола блокнот, вырвал страницу и что-то написал на ней.

— Вот. Покажешь на складе. До встречи!

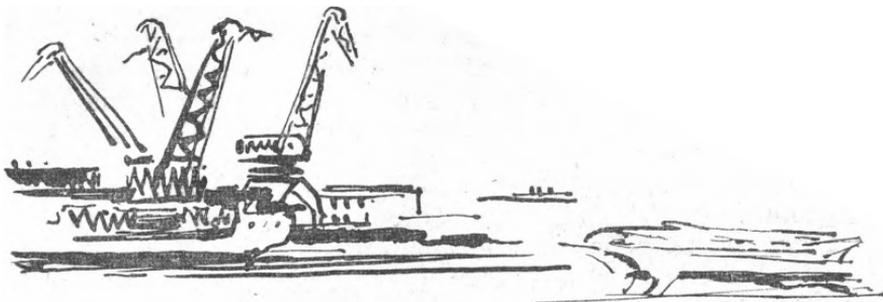
— До свидания, Виктор Викторович.

— Позвони мне какнибудь... сын энергетика!

— Виктор Викторович, да я...

— Ладно, ладно, иди. Телефон мой здесь сверху. — Виктор Викторович показал на записку.

Зажав записку в кулаке, Олег вышел из кабинета, еле сдерживаясь, чтобы не пуститься в пляс. Бегом он спустил-

ся по лестнице и побежал к заливу. Подбегая к нужному зданию, он заглянул в записку и сразу увидел сверху напечатанные типографской краской буквы: «Комякин В. В. Главный энергетик»...

Глава II

ТО САМОЕ ЗДАНИЕ

В каменный, скользкий от нефти и грязи причал била мутно-зеленая волна, на которой среди щепок и корья крутились белые клочки записки Виктора Викторовича.

Понуро стоял на берегу Олег, раздосадованный, недовольный собой. Ничего себе разведочка получилась! Ну и

ну! Сперва этому шоферу на глаза попался, но это еще ладно. А потом... И нужно же было болтать в прокатке, никто же за язык не тянул! Все Строганову выложил и по-глупому стал назад пятиться, да только Строганов не поверил, взял да и позвонил этому Виктору Викторовичу, главному энергетика. Это уж точно. Иначе б Виктор Викторович не стал ни с того ни с сего кормить бутербродами.

Вообще-то Виктор Викторович, видно, человек стоящий. Времени не пожалел, рассказывал, записку написал. Пойди, мол, посмотри, да и беги домой, мальчик! Как все просто. А поиск доктора Волкова?

Залив остро пах рыбой и каким-то лекарством. Дождь прекратился. Солнце как-то нехотя осветило пирсы и горбатые краны на них.

— Эй, Маруся! — весело сказал кто-то сзади Олега. — Слез бы ты лучше отсюда! А, Маруся! Посмотри, на чем стоишь!

Обернувшись, Олег увидел низкорослого паренька с телефонной трубкой в одной руке и каким-то приборчиком в другой.

— Взгромоздился тут, как адмирал Крузенштерн на набережной! А на чем стоишь, тебе до феньки?

— Ну, на чем я стою... — проворчал Олег недовольно. — Сам ты Маруся!

— Ну уж нет, — затряс головой паренек. — Маруся — ты! Иначе б на аппарате не стоял!

— В этом паршивом ящике аппарат? — Олег спрыгнул на землю. — Где ж он?

— Здесь! — Паренек каким-то крючком подцепил стенку ящика, заглянул в него и, приладив внутрь провод телефонной трубки, закричал: — Алле-е, Скамейкин говорит! Спишь там, Маруся? Пиши: пятый пост в порядке. Как на крыше? Сейчас проверю и позвоню. Жди.

Оставив трубку, Скамейкин куда-то убежал. Прошло несколько минут, в трубке что-то проговорили, и загудел зуммер отбоя.

Олег взял тяжелую трубку, на ней был диск с номерами и кнопка. Нажав на кнопку и услышав ровный гудок, он оглянулся и быстро набрал свой номер.

— Квартира Кислицыных, — как всегда, ответила мама.

— А это я, — спокойным голосом сказал Олег. — Де-

журю по лагерю. У нас здесь телефон. Только долго нельзя говорить.

..Футбольная команда уехала из лагеря еще вчера. Они выиграли матч у старшекласников из Сиверской. Олегу снова удалось забить решающий мяч. Потом команда поехала назад, а Олега пригласил начальник лагеря переночевать у него в Ленинграде, а утром вернуться в лагерь на мотоцикле. Но сегодня Олег отпросился у начальника лагеря до вечера, сказав, что придет сам. И вот, перед тем как забраться в кузов грузовика, Олег столкнулся на улице с Андреем Горикиным, который зачем-то приперся из лагеря в город. Олег поспешно отвернулся, но Горикин, кажется, успел заметить его. Олег специально сейчас звонил домой, чтобы узнать, не выдал ли его Андрей.

— Как ты там? — спросила мама. — Потерпи последние дни. Потом уж в Шпаньково поедем.

Из-за этого он и поспешил проникнуть на завод. Из Шпанькова уж его никто не отпустит! После того как отец положил ему в стол дневник Волкова, сколько планов построил Олег, гадая, как попасть на завод и как выбраться из лагеря, не делая шума.

— Ты меня слышишь, Олег? Куда пропал? Значит, дежурить?

— Дежурю, — голос ее показался Олегу странным.

Помолчав, она продолжала тем же странным голосом:

— Нина Эдгаровна у меня была. Она уже уехала. Зайдет к тебе в обед. Я тебе немного фруктов послала.

Вот это авария! Уж лучше бы не звонил, тогда бы можно было что-нибудь соврать, почему его не было, а теперь...

— Твои любимые конфеты тоже послала.

— Это кто тебе разрешил, Маруся, брат трубку?! — закричал связист Скамейкин, и мама, наверное, услышала там его голос. — А ну-ка дай! Здесь завод, а не...

Хорошо хоть Олег догадался нажать кнопку и разъединиться!

— Чего кричишь? Две копейки отдать?

— Цыц, Маруся! — прикрикнул Скамейкин. — Вот ваша экскурсия идет. Давай к ним, мне некогда. Только зачем их ведут к этому старому сараю? Там же склад.

Подняв голову, Олег увидел возле одноэтажного здания мальчишек и девчонок. Они глядели на залив, где сновали

«метеоры» и яхты, разглядывать неказистое здание им было вовсе неинтересно.

Издали доносился голос молоденькой женщины-экскурсовода. Объясняя, она ужигралась грызть яблоко.

— Это последнее старое помещение на нашем передовом предприятии. На его фоне особенно разительно видно, как вырос наш завод. А ведь еще тридцать лет назад все здания были именно такими. Любопытно, что только оно одно сохранилось в войну, хотя, конечно, было тоже повреждено, — закончила она и откусила яблоко. — Вопросы есть?

— Завод в войну работал? — спросил конопатый мальчишка, швыряя в залив камень. — Пушки тут мастерили, да? Минометы?

— Завод был эвакуирован, мальчик. Я уже говорила.

— Значит, не работал? А я-то думал.

— Работал, работал, но не здесь. Оборудование было вывезено в тыл. У кого еще есть вопросы? Нет? Экскурсия окончена.

— Постойте! — не выдержал Олег. — А почему вы не рассказываете о Корсакове, Помогай-Бо, дяде Володе? И про подвиг? Почему вы забыли доктора Волкова? А про военное задание вы тоже забыли? А еще экскурсовод! — В голосе Олега было столько упрека, что молоденькая женщина поспешила признаться, что она вовсе не экскурсовод, а техник отдела главного механика. Водить группы ей надоело, потому что никто не слушает, а здесь, на заливе, особенно. Никаких Волковых она не знает, потому что работает тут только второй год.

— Не знаете! В этом здании такое было, а вы...

— Не груби! — Она повернулась и повела группу к проходной.

— Люди тут подвиг совершили, а вы даже не интересуетесь! — крикнул ей в спину Олег. Она что-то сказала про него. Он расслышал только «фантазер» и «начитался».

— Маруся, — сказал сзади Скамейкин, — ты про войну говорил? Мне даже интересно стало. Я очень люблю, когда про войну рассказывают. Я «Щит и меч» одиннадцать раз смотрел. Ну-ка...

— Пошли сперва туда, — Олег показал на склад. — Потом расскажу.

— Туда? — Скамейкин поскреб затылок. — Пропуск нужен.

— У меня был пропуск, честное слово, — Олег поглядел на воду, — он утонул.

— Пропуск в воду бросил? Чудак какой-то! Заливаешь, Маруся, про войну?

— Нет, — как можно убедительнее проговорил Олег. — Честное слово! Здесь такое было... Только я еще не все знаю. Вот побываю там, тогда... Как туда попасть?

Не хотел Олег никому ничего рассказывать. Он по-прежнему любил все делать сам. В одиночку. Но сегодня у него все время получалось так, что он должен разбалтывать свою тайну. Что поделать?.. Дневник оборвался на самом интересном месте. Неизвестно, выполнили ли они важное задание и удалось ли Волкову устроить Жаворонкова в госпиталь. Неизвестно, что стало с Волковым и почему Айболит не советует искать его. Отец увез с собой письма. «Письма нас с тобой не касаются...» Волков писал их какой-то Белочке, она училась с ним в одном классе. Белочка — это, конечно, прозвище, в классе ей дали. Может, Белкина была, или Белова. Отец никогда не станет читать чужие письма. Будет хранить их сколько угодно, но не тронет: «Нас с тобой не касаются». Зря это он. Может, в них и нашли бы разгадку.

— Могу, пожалуй, провести тебя... Только ведь я там долго буду, Маруся. Мне там кабель проверить надо. Бегать с тобой туда-сюда мне некогда.

— Часа два, да?

— Побольше.

Нина Эдгаровна скоро появится в лагере. И сразу пойдет на почту звонить маме. Но иного выхода нет. Надо попасть в склад.

— Можно, я еще разок позвоню?

— Валяй быстрее. Я на работе. Да зачем тебе этот склад? Там ящики да барабаны с кабелем, больше ничего.

Олег быстро набрал номер Горикина. Ему повезло, трубку поднял Андрей.

— Ал-ло, — произнес он важным голосом. — Вас слушают. — Он что-то там жевал, как всегда.

— Тихо, — сказал ему Олег. — Ты меня не видел, понял? Попробуй только выдать! Тогда в лагере не появляйся!

— Я уже туда не поеду, — заявил Андрей. — Я в Крым

уезжаю... Ты мне поздно позвонил. Понимаешь... я твою маму... Сейчас в лифте увидел...

— Ну? — сурово сказал Олег. — И что? Увидел в лифте — и что?

— Ну, увидел в лифте и... — Он поперхнулся там.

— Болтун! — прошипел Олег. — Находка для шпиона! Маруся!

— Прости... ну, прости...

— Никогда! — Олег разъединился.

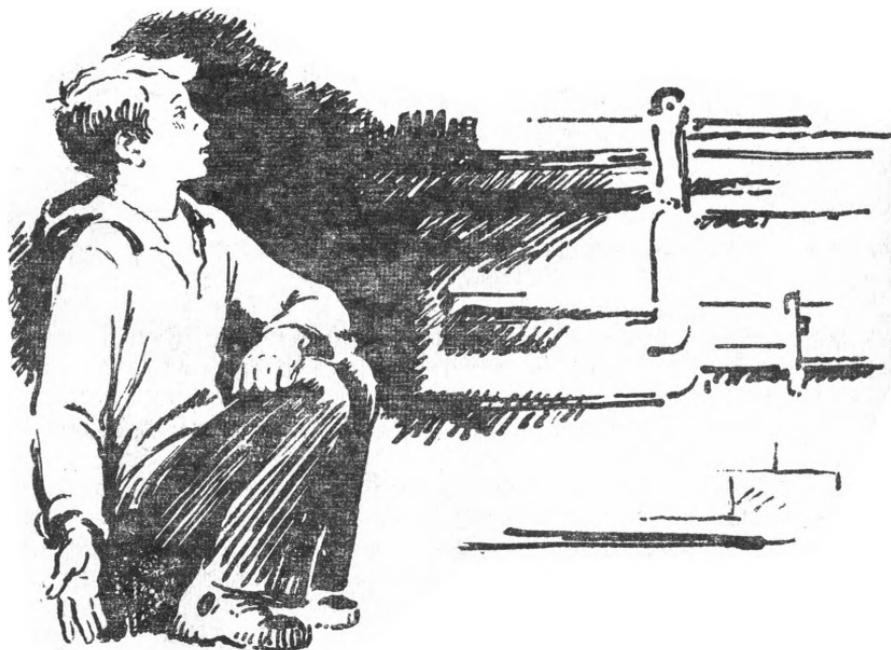
— Идешь? — спросил Скамейкин. — Мне некогда.

— А?.. Конечно иду!

— Тогда бери трубку и провода. Ты из ПТУ, на практике, понял!

Наконец-то Олег попал сюда!

Значит, это было здесь? Но узнать помещение по описанию Волкова довольно трудно. Тогда здесь был ремонтный цех и стояли станки, а теперь все забито ящиками, кон-

тейнерами и барабанами. Тогда были окна, а теперь гладкие стены под самую крышу. Тогда крыша была стеклянная, выкрашенная черной краской для маскировки, а теперь на деревянных шпангоутах лежит глухой ребристый шифер.

Но Олег не видел ни контейнеров, ни шифера. Быстро пробрался он в дальний угол цеха, туда, где когда-то был вход в «санаторий». Вот! Вот железная дверь в полу! Олег чуть не закричал от радости.

На двери был замок. И табличка с оскаленным черепом, пробитым насквозь зигзагом-молнией: «Не трогать — смертельно».

Да... Вот это преграда!

Этого уж никак нельзя было предполагать.

Подошел Скамейкин.

— Как дела? Ты чего, а? Не туда тебя привел, что ли?

— Туда, — невесело усмехнулся Олег. — Да вот, — он дотронулся ногой до таблички, — зубы показывает!

— Так это я приладил. Вот Маруся! «Зубы показывает»... чудила! Тут у нас колодец, а эти, — Скамейкин показал на кран, едущий по рельсам под самой крышей, — крановщики

всегда норовят контейнер на дверь навалить. А теперь боятся!

— Здесь ваш колодец? Здесь?

— Ну да. Сейчас я туда полезу. Тут раньше, говорят, каменная лестница была, а теперь вот люк сделали. Я тут каждый день бываю. Только тайны тут никакой нет. Подвал, и все. Хочешь, полезли.

«Вот это повезло так повезло. Ну и здорово же повезло...» — думал Олег, от радости не попадая ногой на железные ступеньки колодца.

— Не загреми мне на голову, Маруся! Сейчас, я свет зажгу...

Неужели все это было здесь?.. Здесь стояли топчаны и дымила печь-временка? Здесь чадили копилки? Здесь где-то у стены стоял сундук доктора Волкова? И здесь стонал на своем топчане раненый Жаворонков?

С разочарованием ходил Олег по чисто выбеленному подвалу, стараясь не задеть гирлянды проводов и кабелей, укрепленных вдоль стен и свисающих с потолка.

— Я тут пайки проверять должен. Пока я проверю, ты мне рассказывай, как обещал. Что же тут было?

Олег еще раз прошелся по всему подвалу, оглядывая свободные участки стены. Он-то думал, что и здесь, как в Брестской крепости, есть надписи на стенах. Он-то надеялся хоть что-нибудь еще узнать... Надписей не было. Возможно, их забелили? Присев на корточки у стены и вздохнув, он начал рассказ. Можно все поведать Скамейкину. Пусть слушает, раз любит про войну.

— Это помещение называлось «санаторий». Его толстые стены не мог пробить ни один снаряд. Семь самых лучших мастеров получили срочное военное задание...

Глава III

ЗАДАНИЕ БЫЛО ВЫПОЛНЕНО

— Ну, а потом... потом что?! — вскипел Скамейкин, когда Олег умолк.

Но рассказывать больше было нечего. Он выложил все, что знал. Не выдумывать же, чего не было.

— Нет, ты постой, Маруся... Ты уж давай до конца! Ну? Во время рассказа Скамейкин то и дело отрывался от работы и, пожимая плечами, с изумлением обводил взглядом подвал. Раз он даже вскочил с места и принялся рукавом стирать карандашную надпись на стене: «Маруся, гони три рубля!»

— Я весь дневник на память знаю. Дальше нет ни слова. Все.

— Может, их завалило? Погибли? Как думаешь? — стал сыпать вопросами темпераментный Скамейкин. — Ай, ай... а мы тут в «козла» забиваем в обед. Пирожки едим. Слушай, а это правда? Ты не насвистел мне?

— Уж будь уверен! Только я не знаю, что было потом.

— Не знаешь, значит... Ах ты, четыре в печень, пятый в голову!

— Что, что?

— Да это я боксом занимаюсь. Такая серия есть: четыре удара в печень, пятый в голову... Значит, больше ничего в дневнике?

— Ничего... Я сказал!

— Ни словечка?

— Ни словечка.

Что-то бормоча себе под нос, Скамейкин принялся за работу.

— Мне пора, — поднялся Олег, не зная, куда ему пора: то ли в лагерь, то ли домой, успокаивать маму. Ох, этот Горикин!..

— Волков, значит, спас твоего батьку. А чего ж тогда твой батька не стал его разыскивать?

— Он его знаешь как искал! Через тридцать лет нашел дневник. Слушай, вот если они тут были, да? И если не было току, а они все ждали и ждали, никуда не ушли, да? И если они не успели задание выполнить, их разбомбило или от голода погибли...

— Ну, ну? Не тяни!

— Тогда они герои или нет? — Этот вопрос все еще мучил Олега.

— Хм... ты даешь, Маруся! Герои, наверное. Только... не до конца, раз задание не выполнили. Выполнили бы задание, тогда уж... да не знаю я! Сразу не разберешься. А ты-то как думаешь?

— Не знаю, — пожал плечами Олег.

— Я бы тоже никуда не ушел! — закричал Скамейкин. — Я бы... эх, что бы сделал! Им бы снарядов на меня не хватило!

— Я пошел, — заявил Олег, стараясь удержать улыбку. Уж слишком воинственно произнес Скамейкин «я бы!».

Вместе они вышли из склада и, не сговариваясь, свернули к заливу. Недалеко от берега качалась на якоре лодка. Двое рыбаков сгорбились над удочками.

— Здесь он Жаворонкова нашел.

— Ага... Неужели никто у нас на заводе этого не помнит? Слушай, давай обратимся в газету. В нашу заводскую. Они напечатают, и кто-нибудь вспомнит, вот увидишь! Ты против? Почему?

— Не знаю... — покачал головой Олег.

— Чего ты испугался, Маруся? Так ведь все делают. Помещают портреты, и кто-нибудь узнает его. Ну, не хочешь... Дай мне твой телефон, а? Я теперь тоже буду искать. Позвоню, если что...

«Площадь Ленина», конечная станция. Граждане, просим освободить вагоны!»

Очень глубокое метро в Ленинграде! Пока Олег доехал на эскалаторе до выхода, он успел сообразить, что спешить ему сейчас надо не в лагерь, а домой. Сперва-то он хотел позвонить маме с вокзала и все ей рассказать по телефону, но после того, как он соврал ей уже по телефону сегодня, еще раз звонить не стоит. Мама кинет трубку.

Надо приехать, извиниться и честно рассказать, где был, чем занимался. Заодно можно и у мамы что-нибудь узнать. Отец ей когда-нибудь да рассказывал о Волкове. Он от нее ничего не скрывает.

Снова кинув пяточок в щелку автомата, Олег забежал на эскалатор и пошел перебирать ногами ступеньки. Скорей! Еще скорей!

— Гражданин! Гражданин, кому говорят, не бегите!

— Я все знаю, — заявила мама, открывая дверь. — Можешь ничего мне не врать! Я все знаю! Все! — В ру-

как у нее была газета, она потрясла ею, будто вычитала оттуда.

— Я и не хотел ничего... придумывать. Ничего и не было такого...

— Стоп! Не будем тратить время! — Она зажгла свет в ванной и протянула ему полотенце. — Мыться и есть, живо! Лирика потом. Потом! — Она прошла на кухню. — Он мне звонит, будто он в лагере, а через пять минут я встречаю честного Андрейку...

— Я ему! Четыре в печень пятый в голову!

— Марш мыться! Целый день проторчал в этом грязном подвале!

— А... а откуда ты это знаешь?

— Судьба у меня такая... об одном из газет узнавай, про другого телефон трезвонит каждую минуту!

Что с мамой? Не сердится. Нарядно одета. Олег и не знал, что у нее есть этот голубой костюм. Первый раз надела.

— Ты куда... в театр идешь, мам? — крикнул он из ванной. — Ох и костюм у тебя шикарный!

— У меня дома — театр. Суп будешь?

— Все буду! И суп и кашу! Лучше котлеты.

Нет, никогда он ее не сможет понять и разгадать. Прыгал в метро через ступеньки, прямо летел утешать ее, просить прощения и обещать, что больше никогда, ну никогда так не будет делать. А мама ходит в нарядном костюме, посмеивается и откуда-то все знает!..

Дверь в ванную приоткрылась — и появился Гешка. Судя по его лоснящейся шерстке и сонной толстой мордочке, он не погибал тут без Олега.

Пока Олег подогревал себе котлеты — мама не могла с ними возиться в новом костюме, — она подсчитывала с укоризной:

— Сперва позвонил ваш начальник лагеря. Раз. Ему, видите ли, не нравится, что тебя навещает Нина Эдгаровна. Это тебя, видите ли, смущает... Тебе неудобно. Слишком ты там знаменитая фигура, а к тебе няня ходит! Чем это ты знаменит?

— Наверное, футболом... не знаю...

— Ладно! Все твои качества я сама знаю! Все!

Да что с ней?! Ругает, а глаза смеются...

Олег нарезал хлеб и принялся уплетать котлеты. Ничего нет вкусней маминых толстых, горячих, сочных котлет, особенно когда можно съесть их хоть десять штук.

Она присела к столу, удобно подперла подбородок ладонью и, глядя, как исчезают со сковороды котлеты, продолжала:

— Я ему сказала, что осталось всего три дня до конца твоей смены и могла бы уж Нина Эдгаровна по-прежнему тебя навещать. Знаешь, что сказал твой начальник лагеря: «А теперь позовите Олега к телефону...»

— Обвал... — затряс головой Олег. — Ты напугалась, мама? Ну, не сердись!..

— Я напугалась? Я?! — усмехнулась мама. — Это он напугался, когда я ему сказала, что ты, конечно, нашел там где-нибудь старый снаряд и хочешь его подорвать. Поэтому и отпросился.

С трудом проглотив кусок котлеты, он закричал:

— Да ты что?! Да там же тревога будет объявлена! Они же лес пойдут прочесывать! Что ты наделала, мама!

Но она осталась невозмутимой. Только еле заметно усмехнулась.

— Мама, ты разыгрываешь меня, да? Ну, скажи? Ты ведь этого не говорила?

— Потом, значит, позвонил ты...

— Ты уже знала, что я не из лагеря... — Вот почему у нее был такой голос.

— Потом я встретила Андрюшку! Вот честный мальчик!

— Ну, с этим-то мы еще встретимся!

— Потом... позвонила Нина Эдгаровна из лагеря. Ну, а совсем недавно — Табуреткин.

— Кто? — Олег привстал. — Какой еще Табуреткин?

— Прости, кажется, Скамейкин. Уж его-то я заставила выложить, где ты пропадаешь!

— А... а за... з-зачем он звонил? — заикаясь, спросил Олег.

— Сколько ему лет?

— Не знаю. Лет так восемнадцать. Он — связист.

— А я думала — грузин... хотя Скамейкин не может быть грузином. Но уж так он кричал... та-ак волновался! Я сперва ничего и разобрать не могла.

— Мамочка, что он сказал, зачем звонил? — умоляюще спросил Олег.

— Много он чего говорил! Но в конце концов я поняла, что он хочет тебе передать следующее. Сейчас, у меня записано... — Она пошла в коридор, где на столике был телефон, и принесла блокнот. — «Задание было выполнено», — прочитала мама. — Он велел немедленно это тебе передать.

— Задание было вып... — машинально начал повторять Олег, и вдруг у него из руки выпала вилка. — Мама! — закричал он. — Это же... про нашего доктора Волкова!

Но мама и тут не удивилась.

— Да, да, — только и сказала она. — Конечно.

— Откуда он узнал? Ну откуда?

— Прочитал в книге.

— В какой книге? Разве про это написано?!

— Он прочитал это в истории завода. Между прочим, эта книга есть у нас дома. Ее подарил отцу один из авторов. Возьми у меня на тахте. Я ее тебе специально приготовила.

«В труднейших условиях зимы 1942 года небольшой группе рабочих было поручено выполнение сложного и срочного задания. Несмотря на голод и непрекращающиеся арт-обстрелы, задание было выполнено. К сожалению, не удалось установить имена всех рабочих. Известно только, что возглавлял работу старый производственный Корсаков, скончавшийся уже после прорыва блокады».

— Мама! — крикнул Олег из своей комнаты. — Где была эта книга? Я ее не видел.

— Она у нас очень давно. Посмотри там надпись.

— Здесь неразборчиво.

— Иди сюда с книгой.

— Вот... — Олег пришел к ней на кухню. Она отложила в сторону газету и прочитала надпись на книге:

— «Товарищу Кислицину, с благодарностью за ценную информацию». Подпись действительно неразборчива. Но посмотрим авторов... вот, вот, пожалуйста: Комякин В. В.

— Главный энергетик! — ахнул Олег. — Вот что... Но почему же папа не сообщил ему имена рабочих? Они же все есть в дневнике?

— Книга же давно подарена. — Мама помолчала и

добавила сердито: — Все же это бесчеловечно! Не прочла даже писем!

— Ты о ком, мама?

— Он писал ей одной... больной, раненый... Переслала пакет его родственникам, даже не распечатав. Спасибо, хоть не сожгла, не выбросила в мусор!

— Ты о Белочке?

— А! — сказала мама. — У меня уже голова трещит от вопросов. Посмотри сюда, — она пододвинула ему газету, — тут список награжденных. И вот тебе наша фамилия. Папу наградили!

Вот почему она нарядно одета!

— Как, — не поверил глазам Олег, — медалью «За отвагу»? Разве в мирное время ею награждают? Ничего себе... боевая медаль!

Мама только махнула рукой — дескать, разве вы с отцом нормальные люди...

Глава IV

ТЕЛЕГРАММА

— Закрой за мной, — сказала мама. — И не жди, ложись спать. Я в гости. Да, забыла... в лагерь тебе уже ехать не надо. Я договорилась с твоим покровителем — начальником лагеря. Вещи он привезет. Ты не доволен? Надо же привести себя в порядок перед деревней? Постричься, отмыться.

— Понятно... — печально опустил голову Олег. В последний день будет костер и игра с соседним лагерем. И все это уже без него...

— Можешь ты хоть иногда слушаться! И вот, передай по телефону телеграмму. — Она подала ему листок с текстом. — Только адрес передавай повнимательней. Всегда путают.

— Газету ты берешь? — с сожалением спросил он.

— Конечно. — Она вышла.

Олег перенес телефон к себе в комнату, устроился на тахте, потревожив дремавшего Гешку, и прочитал мамин текст: «Любимый восхищением поздравляем умоляем беречь»

ся сын твоим стопам поздравляю отдельно целуем». Это означало: «Наш любимый, с восхищением поздравляем тебя. Мы с Олегом умоляем тебя беречься. Сын следует по твоим стопам, с чем и поздравляю тебя отдельно».

Папа награжден боевой медалью! В мирное время. А ведь ничего не рассказал и даже зачем-то скрывал шрам под бородой. Хорошо бы пойти с мамой в Публичную библиотеку и прочитать газету, где описан его подвиг. Вот тебе и кирпичи, которые каждый день кладут... вот тебе и «обыкновенная стройка»! Папа бы и в «санатории», конечно, выдержал. А эти старики рабочие, совсем большие и голодные, все же сумели выполнить задание! Какие они люди? Простые или необыкновенные? Скамейкин сказал, что тоже бы сумел так, как они. Маленький шупленький Скамейкин... А Кирпичев был гигантом, что ли? А Волков с одной рукой? Значит, теперь никому не узнать судьбу Волкова... Как же он мог думать, что отец не пытался его разыскать? Уж он-то все сделал! И конечно, не раз бывал на этом заводе. «С благодарностью за ценную информацию»... Значит, уже давным-давно отец все рассказал Комякину. И даже тогда они ничего не смогли узнать о Волкове. Даже тогда! А он хочет что-то сделать теперь, через тридцать лет... Тогда «санаторий» был еще не отремонтирован, и они все видели. И времянку, и нары, и сундук Волкова. Только старики уже разошлись по своим домам. Где они жили? Волков в дневнике написал, что стариков собирали по всей Гавани, и они все с разных заводов. И уже все были давно на пенсии, кроме Жаворонкова. Только Жаворонков был еще молодым. Лишь Корсаков с Жаворонковым были с этого завода и еще дядя Володя, но фамилию дяди Володи Волков ни разу не упомянул... Но дядю Володю искать не надо. Ему тогда уже было под семьдесят... А вот Жаворонков? Но нет! Он был в тяжелом состоянии и, конечно, не выжил в тех условиях...

Значит, надо искать только Волкова. Где-то есть какая-то запись о нем. Ее видел Айболит, а еще раньше видел отец.

Доктор Волков никогда бы не стал трусить! Отец прав, и так думать могут только дураки! А эта женщина? Почему ей оказались не нужны его письма? Совсем непонятно... Да ведь если бы только она прочитала: «Милая моя Белочка! Фашисты совсем нас добивают... семь утра и четвертый

налет. Только думы о тебе помогают мне не сойти с ума...»
Такой дневник не прочитала!

Интересно, вспомнил ли Комякин отца, когда Олег назвал ему свою фамилию? Наверное, нет. Разве мало на свете Кислицыных.

Олег еще раз перечитал текст телеграммы и понял, как мама скучает без отца. Давно ли он был дома, шутил, варил волшебный суп из мяса и чеснока, бродил с ним по Гавани, рассказывал о Голодной степи... Надо было его слушать повнимательней, вот что! Не перебивать и не отвлекать своими расспросами. Отец, может, обиделся, что его плохо слушают, и не стал рассказывать про пожар в степи.

Ему вспомнился завод, прокатный цех, пламя, вырывающиеся из гигантских печей, прокатчики в войлочных шляпах, управляющиеся и с огнем и с металлом. Вот это интересная работа!

И у отца в Голодной степи тоже интересное дело. Строят в пустыне комбинат, в мире еще не было такого комбината. Вот тебе и дырочки в макаронах...

Может, верно надо поменьше фантазировать. Надо больше приглядываться к жизни, как говорит отец. Пора взрослеть. Вот для чего нафантазировал с Экзюпери? Никакие «мессершмитты» он не таранил. Кончилось горючее, и все. Погиб, сражаясь с фашизмом. В сражении погиб! Разве этого мало?

А доктор Волков? Все ясно тоже. Пропал без вести, сражаясь... Конечно, сражаясь! Умер от голода, попал под обстрел. Отец прав — Волков тоже герой.

Но пора передавать телеграмму. Олег набрал номер.

— Все? — спросила телефонистка, когда он замолчал, передав текст.

— Все. Нет... подождите! Подождите...

— Скорей там можно?!

— Мы очень хотим к тебе в отпуск, — стал диктовать Олег, забыв, что телеграммы передают коротким текстом. — Можем выехать сразу. Ждем вызова. Срочно. Целуем. Мама.

— Теперь все?

Мама, конечно, очень хочет к отцу. Отец столько раз упрашивал побывать у него. Обещал показать Среднюю Азию. Самарканд, и Гулистан, и совсем новый город Навои.

— Мальчик! — крикнула телефонистка. — Слушай, читаю текст.

— Все правильно. — Олег положил трубку.

Сто раз отец говорил: «Пошлите мне только телеграмму. Два слова: «Едем. Встречай» — я вам такую встречу устрою!»

— Вот как надо действовать, Гешка! — потрянул он кога.

Недовольный кот сердито фыркнул и уставил на него голубые глаза.

— Что будет, а? Ну, попадет... это ладно. — Олег еще раз потрянул Гешку, уже пытавшегося свернуться калачиком. — Слушай ты, лентяй! Папа пришлет вызов, и мы поедем к нему. Мама знаешь как хочет к нему поехать! Самолета, правда, она боится. Но если папа пришлет вызов — полетит как миленькая! Вот увидишь!

Плохо ему спалось этой ночью. Все время казалось, что сейчас зазвонят в дверь, принесут ответ. Он ворочался к боку на бок, включал свет и смотрел на часы. Никто не звонил в дверь.

Уснул он уже под утро, но вскоре его разбудила мама. Она очень торопилась.

— некогда спать! У меня, как всегда перед отпуском, уйма дел на службе. Все сборы ложатся на тебя, Алька.

— А что делать? — Олег тер глаза и зевал, нарочно стараясь не глядеть на маму. Она сразу по его виду сообразит, что он опять натворил что-то. Мама у него зоркая!

— Снесешь ботинки в ремонт, раз. В срочный только отдай. У чемодана замок оторван. Тоже отнеси в мастерскую. Я оставлю деньги, заплати за квартиру и телефон... Да вставай же, некогда лежать. Позавтракаем вместе, и побегу. Уйма дел перед отпуском. Мойся скорей!

Когда они ели, мама грустно сказала:

— Эх... опять отпуск без папы... и ехать не хочется даже...

— Давай поедем тогда к нему... — осторожно начал Олег.

— Далекое. Трое суток поездом. Такая жара...

— Мамочка, да ведь самолетом так удобно... Четыре часа — и мы в Ташкенте, а там уж близко. Папа встретит. Вот будет встреча!

— Не фантазируй, Алька. Ты знаешь, что мы едем в Шпаньково.

— Из-за этой Нины Эдгаровны! — вырвалось у него.

— Потише! — сердито поглядела на него мама. — Что за слова! Это она из-за нас едет, а не мы из-за нее. Она едет со мной за компанию. Она добрый и преданный друг. И не спорь. Она должна будет позвонить, так будь с ней вежлив. Мы сидим и чай пьем, а она нам достает билеты.

— Ну и зря! — буркнул Олег. — Сама к папе хочешь ехать, а...

— Никаких «а»! — прикрикнула мама. — Что-то мне твои глаза подозрительны. Что-то ты опять натворил!

— Ничего не натворил, — заверил он. Скорей бы она ушла. Если сейчас принесут телеграмму, ему достанется как следует. Она все поймет, конечно. Из-за этой Нины Эдгаровны они и не поедут в Среднюю Азию. И вообще зря это он затеял. Никуда они не поедут, кроме Шпанькова...

А в далеком Янги-Ере именно в эти минуты папа сидел на почте и внимательно перечитывал телеграмму. Запыленный газик стоял у крыльца почты, старший Кислицын сам водил машину.

Телефонистка — узкоглазая тоненькая девушка-узбечка — наблюдала за главным инженером строительства, который озадаченно теребил бороду.

— Зульфия, посмотри... — Кислицын поднялся и протянул ей в окошечко телеграмму. — Прочитай. Что скажешь?

— Они хотят к вам приехать. Они вас очень любят.

Главный инженер посмотрел на нее с некоторым недоверием.

— Какой вы счастливый! — продолжала Зульфия.

— Прочитай еще раз.

— «Мы очень хотим к тебе в отпуск», — прочла девушка вслух. — А-а... Можно было короче написать. Просто: «хотим тебе отпуск». Так лишние деньги надо платить.

— Это верно... Но что там случилось? — Кислицын опять уселся за стол, раздумывая, как быть, что ответить. Телеграмма несомненно пришла неспроста.

А что, если и верно их вызвать сюда? Уж тут бы они с Олегом по всей Голодной степи на газике гоняли! Уж тут бы Олег увидел, как в мирное время совершаются чудеса и подвиги...

Достаточно только написать: «Немедленно выезжайте» — и они будут тут. Олег не знает, что они с мамой до-

говорились раз и навсегда, что в случае, если ему здесь будет совсем трудно без них, он должен только дать телеграмму.

— Зульфия, дайте, пожалуйста, бланк.

— Вы их пригласите, да?

— А как ты думаешь?

— Обязательно! У нас здесь самое лучшее место на земле! — воскликнула девушка.

— Ну, раз так... — Старший Кислицын склонился над телеграфным бланком.

Мама оставила ему целый список неотложных дел, строго приказав все выполнить сегодня же, но Олег никак не решался выйти из дома. Вдруг телеграмму принесут без него. Он даже открыл дверь и проверил, работает ли звонок.

Время шло, никто не звонил. Олег хотел прикрепить на дверь записку, чтобы телеграмму опустили в ящик, но подумал, что без расписки почтальон ее не оставит все равно. Нет, нельзя уходить.

На его счастье, по телефону позвонила Аленка: можно ли ей с Гешкой погулять? Одной гулять скучно, а во дворе никого нет.

— Сперва ты посиди у нас, пока я хожу по делам, — нашелся Олег, — а потом гуляй. Сколько хочешь. Только скорей приходи, мне очень некогда.

Аленка пришла сразу же. И Гешка, уже несколько раз гулявший с ней, тут же проснулся и с криком прыгнул с тахты на плечо девочке.

— Сиди у нас и жди почтальона. Он принесет телеграмму. Распишешься, телеграмму положишь на мой стол, тогда и иди. Дверь только прихлопни получше. А я тебе позвоню из мастерской. — Олег схватил чемодан с поломанным замком, сунул туда ботинки, распахнул по карманам деньги и квитанции и побежал выполнять поручения.

В сапожной мастерской была очередь на целый час.

Заняв очередь, он понесся платить за квартиру, оставив чемодан в мастерской. По дороге увидел телефон-автомат, и хотя звонить еще было рано, все же не выдержал, заскочил в будку.

— Ну, была телеграмма? — спросил он Аленку запыхавшимся голосом.

— Нет... а мне Гешку руку поцарапал. Кровь идет.

— Залей йодом, возьми в ванной в аптечке. Только не уходи, слышишь!

— Ладно уж, не уйду. Тут тебе звонил какой-то...

— Мне? Кто звонил?

— Не знаю. Быстро-быстро так говорит. Марусей меня назвал...

Скамейкин... что еще ему-то надо? Вот любопытный. Опять какие-нибудь у него вопросы.

— Ладно, еще позвонит потом. — Олег хотел повесить трубку, но Аленка вдруг сказала такое, что он чуть не подпрыгнул в будке.

— Он какого-то Жаворонкова нашел... И велел тебе к какой-то проходной прийти. Чтобы ровно в двенадцать...

Глава V

ВОЕННЫЕ ПИСЬМА

Жаворонков нашелся!..

Быстро добежав по лестнице эскалатора до выхода и вынырнув из вестибюля метро, Олег помчался к Большому проспекту. Время у него еще было, но разве он мог сейчас идти шагом!

Жаворонков нашелся... значит, выжил! Но стой... ведь Волков писал в дневнике: «без операции — летальный исход». Летальный — значит, смертельный, это Олег знал. Тот ли это Жаворонков? Может, однофамилец?

Напутал там что-то Скамейкин.

Жаворонкову ведь нужна была срочная операция, а в госпиталь его доставить не могли. Так что же тут!

Можно, пожалуй, и не бежать...

Не мог же доктор Волков сделать операцию сам, одной рукой! Одной рукой даже карандаш не заточить, даже хлеба не нарезать. А тут операция. Когда мама палец порезала, она картошку не могла чистить... Простую картошку!

Может быть, это родственник того Жаворонкова? Вдруг он знает о «санатории»?

Снова припустив бегом, он добежал до остановки троллейбуса и поехал в Гавань.

Он прибежал к проходной без четверти двенадцать. Скамейкина еще, конечно, не было.

Увидев возле проходной телефон-автомат и вспомнив о телеграмме, Олег бросился звонить домой. Положеньице! И тут горит, и там пожар...

Но никто не снял трубку — наверное, телеграмму там уже принесли, Аленка ее приняла и побежала гулять с Гешкой. Вот неудача... Она бы ему могла прочитать текст по телефону. А теперь когда он будет дома?

— А-а, Маруся... ждешь, значит! Ну, ну...

Скамейкин явился с таким загадочным лицом, будто только что раскрыл величайшую тайну. Он посмотрел на Олега, как тому показалось, с небрежным видом и прихлопнул по нагрудному карману комбинезона замасленной пятерней.

— Здесь документ! Это тебе, Маруся, не банка килек!

— Покажи, — Олег протянул руку.

— Постой. Говоришь, помереть должен был Жаворонков в сорок втором году?

— Покажи документ. Скорей!

— Не спеши!

— Он жив, да? Или это другой Жаворонков?

— Тот, тот, — заверил Скамейкин. — Погиб он...

— Погиб... Это и без тебя знали...

— Но знаешь когда? В сорок пятом году во время штурма Берлина! Вот так! «Без меня знали»...

— Покажи скорей! — закричал Олег. — Где документ? Скамейкин взглянул на него и почесал затылок.

— Что с тобой, а? — спросил он. — Покраснел... ты, может, думаешь, зачем я в это дело влез? Думаешь, это только тебя касается?

— Хотя бы... — буркнул Олег. — Без тебя бы все узнал! Мой отец целых тридцать лет...

— Да брось ты! — обиженно перебил Скамейкин. — А я на этом заводе работаю, понял? В том самом месте. И мы там, может, музей откроем. Я вот ходил к Комякину и все ему рассказал вчера же. А он вспомнил, что о Жаворонкове есть запись в отделе кадров. Разве ты бы сам обнаружил ее? Эх ты! Все сам! А я еще хвалил тебя главному энергетика!

Дернув «молнию» на кармане комбинезона, он вытащил сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот. На, держи, для кого я, думаешь, переписывал специально? Вот видишь: Жаворонков Михаил Арсентьевич. Стаж с 1932 года по 1942. Погиб в 1945 во время штурма Берлина. Посмертно награжден орденом Славы второй степени. Вот. Для кого я переписывал, Маруся?

— Прости, — Олег встал и дотронулся до рукава Скамейкина. — Спасибо тебе... Я возьму эту бумагу? Отцу покажу.

— Бери, — смягчился Скамейкин. — Для тебя ж старался. Но это не твое дело, а наше. Всех.

— Значит, его ранение... он поправился, значит, тогда?

— Выходит, вылечил его твой Волков.

— А как? Одной рукой? — усмехнулся Олег. — Попробуй одной рукой свои провода чинить!

— Я не доктор... может, и одной рукой он сумел... — нерешительно ответил Скамейкин. И сердито добавил: — А ты-то хорош. «Мы с отцом столько искали!» Надо людей спрашивать! Вот, например, мы с тобой куда пойдем вечером, знаешь? — прищурился Скамейкин.

— Вечером? — Олег вспомнил о маме и ее строгих наказах. — Вечером я не могу! А куда?

— Вот я стал спрашивать людей... в отделе кадров догадался спросить, и мне сказали, что еще жива Жаворонкова, жена Михаила Арсентьевича. К ней и надо сходить. Адрес мне дали... — Скамейкин поглядел на Олега и вдруг сказал с притворным вздохом: — Ты вечером, значит, не

можешь, а я сейчас не могу. Слушай, а если ты прямо к ней поедешь, а? Ну, прямо сейчас. А я тебе потом позвоню. Давай, а? Это недалеко. Тут в Гавани. Может, тебе некогда? Я вижу, что тебе некогда...

— Ничего, — быстро сказал Олег. — Подумаешь — некогда! Давай адрес!

Скамейкин вытащил еще один листок.

— Вот... — Он подтолкнул Олега в плечо. — Хороший ты пацан. Брата бы такого... а то у меня одни сеструхи. А ты жилистый, ого какие мышцы!

— Я пошел. Пока. — Олег сорвался с места и побежал к троллейбусу, заглядывая на ходу в листок с адресом.

Проводив его взглядом, Скамейкин взглянул на часы над проходной и пошел в заводоуправление, подумав, что сегодня придется остаться без обеда.

— Я к вам, Виктор Викторович, снова. Можно? — сказал Скамейкин, просовывая голову в кабинет главного энергетика.

Виктор Викторович обедал у себя в кабинете.

— Заходи. Кофе тебе налить, Маруся? — спросил главный энергетик. — Не хочешь... напрасно. Ну, что там Кислицын, сын Кислицына?

— Хороший пацан! С таким и в разведку можно!

— Ишь ты! Начитался ты книжечек, я вижу. «В разведку». Но вообще-то... этот Олег нам большую помощь оказал. Мы все эти фамилии проверим, и скоро они нам пригодятся, — главный энергетик поглядел в блокнот, лежащий перед ним на столе. — Помогай-Бо, Соловаров, Багров, Волков... вот скоро будем переиздавать историю завода, и получится целая новая глава!

— Вот это да! А там можно доску сделать мемориальную? И все имена чтобы были? — заспешил Скамейкин.

— Безусловно. Только все надо уточнить. Это я беру на себя.

— Он сейчас и помчался уточнить. Поле-етел! Пятки замелькали!

— Куда?

— Я ему адрес Жаворонковой дал. Может, она что-нибудь помнит.

— Я ее знаю. Она работала у нас до пенсии. Значит, Кислицын к ней помчался? Знаешь, надо ей позвонить и предупредить. Чтобы не напугать бабулю. Ей уж

за семьдесят. Сейчас позвоню в отдел кадров, узнаю телефон...

— Тогда скорей, — сказал Скамейкин. — Пацан уже, наверное, по лестнице ее бежит! Такой шустряк... Маруся!

Перед дверью Жаворонковой Олег отдышался, одернул курточку и провел ладонью по вихрам, чтобы не торчали во все стороны. Надо сразу же произвести достойное впечатление, иначе с ним и разговаривать не будут. Никто не обязан делиться воспоминаниями с каждым встречным. Может, лучше сказать, что он выполняет поручение... Но чье? Дворца пионеров! Точно! Надо поздороваться и сразу сказать, как можно солидней: «Я к вам по срочному важному поручению Дворца пионеров. Мне необходимо выяснить»... и так далее.

К его удивлению, почти сразу же после звонка за дверью раздались шаги. Никто не стал спрашивать, кто звонит. Дверь распахнулась — и высокая прямая старуха в светлом домашнем сарафане, сняв очки, оглядев внимательно гостя, сказала громким голосом, как говорят глуховатые люди:

— Ну, что же мы встали, а? Проходи, Олег, проходи... чай я уже поставила.

— Ч... чай п-п... поставили? — заикаясь, спросил Олег.

— У меня и компот есть. Персиковый. Да проходи же! Какой ты робкий, оказывается...

Жаворонкова усердно потчевала Олега и компотом, и вареньями, потом снова компотом. И пока Олег уничтожал все, рассказывала ему о муже.

— Я была в эвакуации с детьми, а Миша уже в апреле сорок второго приехал к нам. Ему дали два месяца на поправку. Нога-то у него уже и не болела, да только истощен он был ужасно...

— Нога не болела? Совсем?

— Операцию ему хорошо сделали. Он все хвалил этого доктора... забыла фамилию...

— Волков там был. — подсказал Олег. — Только...

— Верно, верно... Волков. Давно уж я письма Миши перечитывала. Волков! Хорошо он ему операцию сделал! Запечатательный доктор, Миша все хвалил.

— У Волкова была одна рука. Вторая раненая. Как он мог сделать операцию? — стал допытываться Олег. — Вы не ошибаетесь? Наверное, Волков доставил вашего мужа в госпиталь?

— Нет, нет. В госпиталь он Мишу потом уж устроил, а сперва операцию ему сделал!

— Потом что стало с Волковым, не знаете? — У Олега задрожала рука — и он поставил кружку с компотом на стол, чтобы не разлить. — Куда он делся?

Жаворонкова развела руками. Руки у нее были большие, перекрещенные крупными узловатыми жилами.

— Куда делся... Мишу-то с завода военные увезли в госпиталь, а там он ко мне на поправку в Киров приехал. После уж на фронт отправился. В Берлине и погиб за три дня до победы. А доктор... — Она устало вздохнула.

Больше он не решался задавать вопросы. И так немало узнал сегодня.

— Когда мне с завода позвонили и сказали, что ты придешь, я поинтересовалась зачем. Сейчас я тебе покажу... — Она поднялась и принесла из другой комнаты пачку пожелтевших писем.

— Посмотри, какие письма присылали. Треугольник простой. Один штамп «полевая почта» и все... Только уж ты осторожней.

Она бережно положила письма перед Олегом.

Фронтовые письма! Отец рассказывал, что солдаты писали их в перерыве между боями, выпрашивая друг у друга листок бумаги — какие уж тут конверты! — писали в землянках и в окопах, иногда не успевали и дописать, надо было подниматься в атаку. Еще отец говорил, что часто бывало так: письмо придет к родным в тыл, а солдат, писавший его, уже погиб...

Олегу захотелось почитать эти письма, подержать их в руках, а еще лучше показать бы их отцу! Ведь это письма того самого Жаворонкова, которого, как и отца, спас доктор Волков...

— Пожалуйста, дайте их мне. Я только... я ненадолго возьму. Я с ними буду очень аккуратно обращаться, — стал просить Олег. — Мне очень нужно. Понимаете, я хочу разыскать доктора Волкова.

Покачав головой, она быстро прикрыла треугольники своими большими руками.

— Нет, нет! Никому. До смерти не отдам никому! И не проси, не расстанусь. Нет, нет! Переписать можешь, но только у меня. А из дома уносить не позволю. Будешь переписывать?

— Буду, буду. Конечно!

Жаворонкова дала ему тетрадь и ручку и села рядом за стол, наблюдать.

Олег осторожно стал разворачивать треугольники.

— «Проверено военной цензурой» уже и выцвело, — показала она на штампы. — Ты только поосторожней.

«...Пишу из Восточной Пруссии. Видишь, два года воюю после того случая. Воюю и радуюсь нашим победам, а ведь должен был тогда умереть. Тот подвал теперь страшно и вспомнить, хотя уж столько перевидал... Спас меня мальчишка доктор... тощий он был, тень одна... Свои сухари нам все отдал... рука у него сильно болела. Стонал он во сне, я слышал...»

Дальше Жаворонков писал жене уж совсем о другом, и Олег не стал переписывать. Он подо двинул поближе второй треугольник и сразу нашел нужное:

«Все время вспоминаю то утро, когда наш доктор вдруг разбудил всех и приказал готовиться к операции. Я видел, как он долго рылся в своем сундуке, что-то доставал, но не догадывался, что он готовил инструмент...»

...Жизнь в «санатории доктора Волкова» шла своим чередом.

Тихо потрескивали шашки в печке, горели под потолком коптилки. Старики лежали на своих топчанах совсем тихо. Даже у Багрова не было сил для разговоров. Снова остановилось время — не было тока.

Волков закончил ревизию своего сундука и остался доволен. Молодец Герасим Корсаков — все припас. Крючки, зажимы, пинцеты, скальпели. В специальных банках шовный материал — лигатура. Только оперируй!

Позавчера старик Корсаков, заступаясь за него, сказал дяде Володе:

— Жаворонкову, конечно, нужна операция, но у Волкова одна рука. Одна! Никто в мире не делал операцию одной рукой. Могли бы вы одной рукой винт выточить?

Но дядя Володя, думая, что Волков спит, возразил:

— Потребуется, я и одной рукой выточу. Рук не будет, зубами вцеплюсь. Я вот этот заказ сделаю и помру, может, сразу. Но пока не сделаю... не имею права помереть!

«Надо, так и зубами вцеплюсь...» Волков вспомнил, как Кирпичев голый рукой заворачивал сверло, хотя любой порез для него в этих условиях смертелен. В три руки они тогда все же завернули патрон... В три руки... Волков встал, чтобы подрезать ножницами фитили в коптилках: обгорев, они зачадили, распушив черные едкие шлейфы. Покончив с фитилями, он положил ножницы на место и придирчивы-

ми глазами хирурга оглядел руку, несколько раз сжав и разжав пальцы. Послушная, чуткая рука. Только ногти отросли — так не годится. А вторая? Затекала под бинтами и напоминает о себе лишь зудом. Если бы она была, как эта, Жаворонков бы уже ковылял с палкой! Рука хирурга... чуткий, тонкий инструмент. Дай ей прикоснуться к ране, и она сквозь перчатку уловит и температуру, и состояние раны. Быстрая, точная, решительная рука... но она одна!

Волков вспомнил руки отца. Нервные, тонкие, как у пианиста, длинные пальцы с глубоко остриженными ногтями. Отец берег руки, всегда держал их немного за спиной. Всегда носил перчатки, даже летом, тоненькие, нитяные. Отец не любил здороваться за руку, старался не поднимать тяжести. И сам себя называл «белоручкой».

Но вот руки отца подняты кверху в эластичных хирургических перчатках! Ни малейшего дрожания.

— Скальпель! — Пальцы готовы принять скальпель.

— Зажим! Еще зажим! — Пальцы уходят в глубь разреза, точно ставя зажимы на кровеносные сосуды.

— Пинцет!

— Иглу! — Пальцы молниеносно вяжут тончайшие хирургические узлы...

Сколько раз Волков проделывал все это сам. И не задумывался о своих руках. И лишь сейчас, оставшись с одной рукой, понял, что это значит.

Ну что ж, пора начинать! Только бы снова не упасть в обморок. Перед самой операцией придется съесть тот последний кусочек сухаря, что берег для Жаворонкова. Придется его съесть. И надо будет выпить кружку чая погорячей.

Сейчас он подаст команду и всех поднимет. Волков прикрыл глаза и опять словно увидел этот старый газетный лист со статьей о молодом враче-практиканте Федоре Волкове, сделавшем самому себе операцию аппендицита... руками медицинской сестры. Газета подробно сообщала о редкой находчивости и смелости врача. Установив зеркало, он приказывал медсестре, что надо делать.

Ну, только бы не подвел старик Корсаков!

— Товарищ Корсаков! Проснитесь!

— Уже проснулся. — Корсаков всегда спал чутко. Нервный, поверхностный сон.

— Поднимитесь, пожалуйста. У нас с вами трудное дело.

Но им будет все же легче, чем отцу. У них три руки и не надо зеркала.

— Какое дело, Борис, Федорович? — Корсаков встал с топчана.

— Поднимайте всех! Нужна вода, много кипятка, нужно натаскать шашек, наделать еще коптилок и зажечь их. Будите, всех будите!

— Вы хотите... оперировать? Я вас так понял?

— Операцию будем делать вдвоем. Вы и я.

Ничего не сказав, Корсаков пошел к печке, стал поправлять дрова.

— Мы с вами медики, — твердо сказал Волков. — Вы же работали там, наверху, во время бомбежки! Так в чем дело? Вы не верите в успех?

— Я не знаю... имеем ли мы право, Борис Федорович? А честно сказать, боюсь...

— Почему? Это же не полостная операция?

— Какой из меня помощник?

— Вы же были фельдшером!

— Сто лет назад!

— Все вспомните. Покажите ваши руки.

— Дрожат у меня руки, Борис Федорович.

— У меня тоже... дрожит. Придется справиться с этим! Будите людей. Надо залить маслом все коптилки. Жаворонкова перенести поближе к свету. Вставайте все. Начинаем! — Волков подошел к сундуку. — Я нарисую чертеж — план операции. И всю ответственность я беру на себя!

Все было сделано быстро. Быстро натаскали воды и поставили ведра на времянку. Быстро обмели грязь со стен и натянули по указанию Волкова наподобие тента одеяло под потолок, чтобы ничего не сыпалось сверху в случае бомбежки. Зажгли все коптилки, добавили новых и доверху залили машинным маслом.

Доктор Волков и Корсаков, в нижних рубашках, с руками, залитыми йодом, склонились над Жаворонковым. Инструменты, шовный материал — все было расположено под рукой.

— Багров! Вымойте руки и залейте йодом, как мы! — приказал Волков. — Если что, будьте наготове. И не спорьте! Живо!

— Я не спорю. Но что мне делать, я ж не умею... — виновато забасил Багров.

— Что прикажу! Начали, товарищ Корсаков. Шприц. Анестезия. Колите сюда, сюда и сюда. Та-ак, э, да у вас настоящий навик...

Когда все кончилось и Жаворонкова аккуратно подняли и перенесли на его лежанку возле печки, Волков поглядел на ходики и не поверил своим глазам. Был уже вечер. Такая операция длится самое большее час, они же провозились — три. Как стерпел Жаворонков под местной анестезией? Всего раз застонал он в тот момент, когда Корсаков не мог взять пинцетом осколок и, задрожав, чуть не упал. Багров тут же по приказанию Волкова поднес Корсакову пузырек с нашатырем к носу, а сам Волков быстро взял другой пинцет и извлек продолговатый кровавой кусочек стали из раны. В этот момент всего один раз не выдержал Жаворонков, громко застонал.

Закрыв глаза, Волков пригрелся в кресле. Еще и еще раз стал припоминать всю операцию до мельчайших деталей. Все сделано правильно. Молодец старый фельдшер! Каким напряжением воли сдерживал дрожащие руки, выполнял любую команду с полуслова...

— Товарищ доктор! — Волков открыл глаза. Перед ним стоял крошечный Кирпичев и протягивал на ладони четвертинку сухаря.

— Возьмите.

— Спасибо. Но я получу утром паек. Съешьте сами.

— Берите! — Дядя Володя взял у Кирпичева сухарь и сунул доктору в руку.

Волков ничего не сказал, не стал благодарить, просто принял сухарь и начал откусывать по маленькому кусочку, чувствуя, как вкусно тает во рту чуть горьковатый душистый хлеб...

Глава VI

Я СКОРО ВЕРНУСЬ

Волков проснулся за полчаса до арналета. Первые снаряды утром всегда начинали гроыхать в половине седьмого, а сейчас уже шесть.

Проснулся и сразу с удовлетворением отметил спокойное дыхание Жаворонкова. Это — победа! Прав Корсаков, здесь нужна была смелость.

«Наверное, я все же и вправду смелый человек», — немного по-мальчишески подумал Волков и даже улыбнулся в темноте. Честное слово, он заслуживает похвалы. Все его старики живы, недаром он не спускал с них глаз. Ох, как они его слушались во время операции. Летали тут в подвале по любому его приказанию, как летучие мыши, быстро, ловко, бесшумно...

Ничего, еще только один раз они пойдут к станкам и выполнят задание до конца. Они его выполнят обязательно! Только он должен не сводить с них глаз, как он это и делал до сих пор. И все будет в порядке. А потом они разойдутся по домам, а он... Из госпиталя сразу направят в тыл на лечение. После всего расстаться с Ленинградом?..

Ладно, жизнь покажет. Теперь ему почему-то казалось, что его обязательно оставят здесь при госпитале.

До налета минут двадцать...

Вынув из кармана завернутый в марлю осколок, извлеченный вчера, Волков долго ощупывал его. Давно ли в медсанбате он извлекал такие же по многу раз в день. Зазубренный кусочек темного металла. Граммов десять, не больше, но человеческой жизни мог наступить конец.

Сколько такого металла падает с неба во время бомбежки!

Жаворонков поправится, он молод и еще сможет воевать. А что будет со стариками, когда они покинут «санаторий»? Что будет с дядей Володи и Багровым, с непреклонным Корсаковым и молчуном Саловаровым? Что будет с кукольным старичком Кирпичевым, таким чудесным мастером?

Надо добраться до райкома. Сегодня же. Госпитали, эвакуация людей, военные заводы, гражданская оборона — всем занимается райком. Но там не забыли и о судьбе маленькой бригады стариков, делающих нужное, свое дело на войне. Сегодня в «санаторий» придут дружинницы. Обязательно придут.

Но в райком надо идти, чтобы решить дальнейшую судьбу стариков. Их должны эвакуировать. Они еще могут столько сделать в тылу! Нечего лежать, надо прямо сейчас идти, пока никто не проснулся и не помешал. Тихо выйти

прямо сейчас, немедленно. Идти не останавливаясь, в щели больше не спускаться. В райком, в госпиталь и назад. И часа через два—три вернуться... Написать записку, или не надо? Он же скоро вернется.

Один лишь Жаворонков видел, как Волков выходил из «санатория». Остальные крепко спали после трудной ночи. Жаворонков проснулся и хотел попросить воды, но увидел, что доктор стоит у двери, над которой под потолком была прикреплена коптилка. Жаворонков подумал, что доктор хочет поправить фитиль, но доктор пошел к двери, потом обернулся и долгим взглядом окинул весь «санаторий». Раненая рука доктора углом выдавалась из-под шинели, истощенное лицо встревожено, и на нем видна такая усталость, что Жаворонков удивился, как это доктор еще может стоять на ногах.

— Куда же вы без шапки? — прошептал Жаворонков, но доктор уже исчез за дверью...

«...вот какой это был человек, дорогая моя Тамара! Спас и меня и всех стариков. Только о себе он нисколько не думал. Потом я узнал, что он умер в госпитале от полного истощения...»

Рука Олега сильно дрожала, когда он переписывал эти слова. Да если такое письмо отец покажет где следует, то уже никто не посмеет говорить о докторе Волкове, что он трус!

А если зайти к Айболиту да прочитать ему вслух? Вот это было б здорово! Но, вспомнив Айболита, Олег тут же вспомнил и про телеграмму, и про Аленку, и про мамины неотложные поручения...

Глава VII

НИНА ЭДГАРОВНА ПЛАЧЕТ

С трудом он успел все же выполнить все поручения мамы. Снова в сапожной мастерской пришлось стоять в очереди. Его чемодан никуда не делся, только кто-то задвинул его под стол, на котором лежали старые газетные подшивки и порванный «Крокодил».

Снова и снова звонил домой, но никто не брал трубку. Ему осталось только зайти в магазин, купить хлеб и три банки сардин, как велела мама в своем перечне.

В булочной он столкнулся с... Аленкой. Она разворачивала розовый липкий тюльпанчик-карамельку.

— Ты где это ходишь? — накинулась она на него, с причмоком облизывая конфету.

— А ты? Я звоню, звоню... Была телеграмма? Ну?

Аленка пожала плечами.

— Не было ничего. — Она снова лизнула тюльпанчик.

— А почему ты ушла? Обещала ведь!

— Мама твоя позвонила и спросила, где ты и почему я у вас.

— Ты смотри... ты ничего не сказала?! — Олег заглянул ей в глаза и понял, что она его выдала. — У-у... проболталась! Хуже толстого Андрея.

— А ты мне сказал, чтобы я не говорила? Сам виноват, а на других сваливает, — покраснела Аленка. Ей было неприятно, что ее обвинили в предательстве. — Я сказала, что ты мне велел ждать телеграмму. А больше ничего. А она велела мне спокойно идти гулять.

— Больше она ничего не сказала?

— Нет, — Аленка откусила леденец. — Я взяла Гешку и пошла. Сейчас он у нас спит. Молока целую миску выпил и валяется на ковре.

— Подожди, я за сардинами зайду и возьму Гешку, — буркнул он.

Вот беда так беда! Ну, теперь уж мама за него примется. Скандальчик будет хороший! Пришел бы от отца вызов, тогда уж можно во всем признаться, но и то не сразу. Потом когда-нибудь. Но вообще-то, подумал Олег, что тут такого уж страшного в его поступке? Просто он очень хочет видеть отца, и все.

— Ты своего отца любишь? — спросил он Аленку, когда они шли домой. Она пожала плечами и достала из кармана еще один тюльпан. Молча предложила конфету Олегу, но он отказался.

— Куда бы ты лучше поехала? На дачу или к отцу на стройку?

— Конечно, на дачу! С отцом скучно.

— Да? — удивился Олег. — А с моим всегда интересно!

— А мой с мамой вечно ссорится. — Она надула щеки

и передразнила: — «Я больше всех работаю, а меня не ценят...» Каждый день об этом говорит. А мама тоже кричит: «И я работаю! Но меня ценят. Всех, кто работает, — ценят! А тебя не ценят потому, что ты не работаешь!» Я бы на дачу поехала. Я Гешку тебе сама принесу, ладно? Сейчас отец дома...

— Дома? — переспросил Олег.

Вот зайти сейчас и выложить ему письма Жаворонкова! «Не советую тебе заниматься этим делом. Не стоит!» — так он тогда учил.

«Герой, — написал о Волкове Жаворонков, — всех нас спас этот мальчишка доктор...» Интересно, что сейчас скажет Айболит на эти слова?

Олег вздохнул и сказал Алёнке:

— Сам я возьму Гешку.

Сейчас он докажет, какой Волков трус и наводчик!

Они вошли в парадную, и пока Алёнка вызывала лифт, Олег проверил почтовый ящик, нет ли извещения. Но в ящике была только «Пионерская правда».

— Привет, привет! — воскликнул Виктор Сергеевич, когда Олег вошел и поздоровался. — Пришел за своим «браком природы»? Довольно вредный у тебя котяра! Хотел его на руки взять, а он когти распускает! А ты, значит, отдыхаешь?

Олег дотронулся до кармана курточки, где у него лежали переписанные письма Жаворонкова, и хотел сказать, что он не отдыхает, а занимается важным делом, но Айболит вдруг сказал:

— Правильно, отдыхай, а не занимайся всякими там... прошлыми историями. Ваше дело такое с Алёнкой. Мы работаем, а вы отдыхайте. Потом уж мы будем отдыхать, а вы... — он хихикнул и потер руки, — вы будете работать и кормить ваших стареньких мам и папаш. — Он прошел на кухню и закричал: — Зина! Я могу съесть сыр?

— Делай что хочешь, — раздалось из спальни. — Оставь меня в покое!

— Для чего же сердиться, Зина? — Виктор Сергеевич заглянул в холодильник и закричал снова: — Зина, но сыра уже нет!..

— Нет так нет, — был равнодушный ответ из спальни.

— Ты подумай, Олег, — хмыкнул Виктор Сергеевич, — шофер «Скорой помощи» и наша хирургическая медсестра награждены премией, а я работаю день и ночь и даже больше и — ничего! Между прочим, — он наклонился к Олегу поближе, — хирургическая наша медсестра весьма нравится главврачу...

— Виктор! — загремело из спальни. — Замолчи немедленно! Люди награждены, потому что они действительно работают. Ты слышишь: действительно!

Олег еще раз дотронулся до кармана курточки.

— Ты мне что-то хочешь сказать? — насторожился Виктор Сергеевич. — Ну? Я слушаю.

— Нет, — твердо сказал Олег. — Я просто попросить хотел. — Он взял на плечо Гешку и легонько подтолкнул в коридоре Аленку: пока, мол. — До свидания. Осенью приеду.

Плотно закрыв за собой дверь, побежал к себе на девятый этаж. Нечего этому Айболиту доказывать. Пусть себе живет так... пусть! Такой ничему не поверит!

Войдя к себе домой, он сразу понял: у них Нина Эдгаровна. И Гешка на плече у Олега чихнул. Такие уж духи у Нины Эдгаровны необыкновенные, пронзительные.

— Олег, — выходя из кухни, прожурчала Нина Эдгаровна серебряным голоском. — Я только вошла. Мама мне дала ключ и поручила накормить тебя ужином. Она придет очень поздно.

— Почему?

— Хочет закончить всю работу перед отъездом. Беденькая! Ничего себе отпуск! Вместо деревенского молока и покоя ехать в эту пустыню, в эту жару и пыль... Вечно мужья что-то придумывают. — Она усмехнулась. — Мой тоже зовет к себе в Арктику. Нет уж, увольте! В такой холод! Что ты на меня так уставился, Олег? У меня помада размазалась? — Она зажгла свет в коридоре и поглядела в зеркало. — Нет... у меня всегда все в порядке! — Она поправила белокурые локоны на плечах. — Почему ты на меня так смотришь?

— Вы сказали — в пыль и в жару? — наконец-то смог выговорить Олег. Что такое, о чем она говорит? Ведь это значит...

— Конечно! — воскликнула Нина Эдгаровна. — Вы едете в пустыню! Я вам помогу, конечно, с отъездом, я обещала маме, раз мы подруги, но... — Она пожала плечиками. — Неразумно! Ее Кислицын прислал телеграмму, и она готова сразу же лететь к нему! А все наши планы кувырком!

Значит, телеграмма все же была! Но кто ее принял и как она попала к маме? И что там такое написал отец, отчего мама сразу переменяла решение? Вот это новость...

— А где телеграмма? — как можно спокойнее спросил Олег, стараясь ничем не выдать себя. — Хочу поглядеть.

— Он прислал к ней в издательство. Что-то там насочинял, насочинял... Вы едете в пустыню! — трагическим голосом закончила Нина Эдгаровна.

Неудержимо захотелось сорваться с места, сделать стойку на руках или сплясать какой-нибудь лихой танец, чтобы задрожал и закачался дом, но он сказал по-взрослому спокойно, даже слишком спокойно:

— Раз надо — поедem и в пустыню. Папа зря не позовет.

Вот так фокус! Папа дал телеграмму маме на службу. Вот это да! Привет Шпанькову, где никогда не проходила линия фронта! Только бы все это оказалось правдой!

Нина Эдгаровна еще раз поправила свои локоны.

— Тебе нравятся, Олег, светлые волосы? Какой цвет тебе нравится?

— Мне все равно, — покраснел Олег. — Какая разница!

— У вас в классе каких девочек больше?

— Разных полно. Черные, рыжие. Беленких нет.

— Настоящих блондинок мало! — заметила Нина Эдгаровна и пошла на кухню. — Чем тебя кормить? Мама говорила, что ты обожаешь котлеты. Я купила фарш. Сейчас, только фартук надену и буду стряпать. — В ее устах это слово прозвучало как-то нелепо. — Займись чем-нибудь пока.

— Хорошо! — Олег пошел к себе в комнату. Столько событий за сегодняшний день!

Он вынул из кармана курточки переписанные письма Жаворонкова и вложил их в альбом Волкова. Это лучший подарок для отца.

Антуан де Сент-Экзюпери белозубо улыбался со стены. Великий писатель и настоящий солдат. Ничего не надо про него выдумывать! Разве можно еще прекрасней прожить свою жизнь?! Пора уже стать взрослей, как сказал ему отец, пора понимать жизнь и поступки взрослых...

В комнату вошла Нина Эдгаровна. В мамином фартуке, заштопанном и застиранном, она все равно выглядела, как королева.

— Ну, Олег, пора мыть руки! Что это за альбом? Какие красивые буквы ты вывел... — Она вдруг замолчала.

На альбоме было выведено: В. Ф. Волков.

— Он погиб как солдат. Лучший папин друг!

Присев к столу, она склонилась над альбомом и стала медленно переворачивать страницы. Впервые Олег заметил, что волосы Нины Эдгаровны у самого пробора совершенно седые.

— Твой папа не мог дружить с Волковым. Он был еще таким, как ты, когда мы школу кончили.

— Ну и что? Все равно он его друг!

— Это я с Борисом из одного класса.

— Правда, что весь ваш класс погиб? Весь-весь?

— Да. Это я узнала на сборе в школе. Три года назад. Там я и познакомилась с твоим папой. Он сразу же спросил меня о Белочке. Я случайно знала, что она в Киеве, замужем за одним известным артистом. Твой папа сразу попросил меня написать ей. Ему нужны были выписки из дневника.

— Он все время искал Волкова.

— Что искать, зачем? Тридцать лет прошло. Это такая стена... — Она не договорила.

— Но ведь всё нашли! Есть же письма Жаворонкова, я их переписал, читайте. Вот.

Прочитав письма Жаворонкова, Нина Эдгаровна долго молчала, прижимая платочек к глазам, и Олег вышел в другую комнату, чтобы не смотреть, как она плачет. Когда он вернулся, она все еще сидела над дневником.

— Ах, эта Китаева... — выдохнула она. — Белочка легкомысленная! Не читала она этот дневник никогда! Написала мне, что не помнит никакого Волкова, мало ли за ней бегало молодых людей. Потом вспомнила, что пересылала какой-то пакет сразу после войны в Среднюю Азию.

— Папа его там и нашел. В старых книгах на чердаке

лежал. Как же она могла его забыть? Он столько о ней пишет в дневнике!

— Это тебе не понять... Помнят того, кого любят. За ней и вправду столько ухаживало молодых людей...

— Почему папа к ней не поехал? Почему он ее, почему... он ей...

— Ну что ты! — Нина Эдгаровна грустно усмехнулась. — Твой папа никогда не посмеет и словом обидеть Белочку!

— Но почему?! — закричал Олег. — Ведь она же... ведь он для нее писал, а она...

— Не понимаешь? — вздохнула Нина Эдгаровна. — Волков любил Белочку! Как же твой отец посмеет обидеть ее... У меня есть ее фотокарточка. Показать тебе? — Она раскрыла сумочку.

— Нет! — твердо сказал Олег. — Если бы у вас была фотография доктора Волкова, другое дело!

— Волков был худенький, серьезный такой, тихий... — развела руками Нина Эдгаровна. — Такие не любят фотографироваться. Иди есть котлеты, Олег. Гешка твой тоже пусть кормится. Он будет целый месяц со мной, я обещала твоей маме. Боюсь, что он перебьет весь фарфор...

— Я бы тоже перебил весь фарфор... в Киеве!

— Ну уж... Это совсем по-детски!

— Пусть по-детски! Доктор Волков всегда будет с нами! Вам все равно, а нам...

— Что ты, Олег, — перебила она. — Я ведь... очень любила Волкова. Твой папа это знает. Он мне и сегодня очень дорог... очень.

Глава VIII

В ДОРОГЕ

До Москвы они доехали в «Красной стреле», а из Москвы им предстояло лететь на ИЛ-62. Папа уже приехал, наверное, из Гулистана в Ташкент, чтобы встречать их.

Гигантский самолет, мягко покачиваясь, выруливал на взлетную полосу аэропорта Домодедово. Олег сидел у иллюминатора и не отрывался от стекла.

— Я боюсь, — сказала мама. — Повернись ко мне и

дай руку. И попроси гигиенический пакет, мне сейчас станет плохо.

— Ты уж держись, — сказал Олег, положив руку на ее плечо. — Сейчас нам взлетные конфеты дадут. Вон стюардесса разносит. Мам... ты прости. Это я все сделал.

— Что ты сделал?

— Телеграмму папе дал, чтобы он нас вызвал.

Неожиданно для него она совсем не удивилась.

— Я это сообразила, конечно. Угробите вы меня с отцом! Так и скажу ему, когда прилечу!

— Ну, не сердись, мам... мы же там все вместе будем, — стал утешать он ее. — Сейчас мы взлетим, папа нас ждет... все очень хорошо!

— Я совсем забыла. Возьми вот в сумочке конверт. Тебе от отца письмо. Забегалась в Ленинграде, забыла отдать.

В иллюминатор больно было смотреть. Солнце заливало все пространство. Далеко внизу, как сплошной снежный покров, тянулась облачная завеса, закрывающая землю.

В который раз Олег перечитывал письмо отца. Нет, не может, все еще никак не может он понять этих взрослых...

«Алька! Часто по вечерам раскрываю твой альбом. Должен тебе признаться, что я стал верить в то, что Антуан Сент-Экзюпери просто так не отдал свою жизнь... Наверняка он хоть один «мессер» да таранил».

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть первая

ОЛЕГ КИСЛИЦЫН

Глава I . Над Средиземным морем	5
Глава II . Опять «фокке-вильфы» на завтрак	8
Глава III . Доктора были разные	18
Глава IV . Школа в бомбоубежище	28
Глава V . Пакет доктора Волкова	32
Глава VI . При неизвестных обстоятельствах	37
Глава VII . Пакет исчез	44
Глава VIII . В школе его звали «доктор»	47

Часть вторая

ДОКТОР ВОЛКОВ

Глава I . Я вас знаю	61
Глава II . Ночной санаторий	68
Глава III . Человек на снегу	73
Глава IV . Ждать хуже всего	79
Глава V . А сладки есть?	85
Глава VI . Здесь фронт, а на фронте стреляют	90
Глава VII . Обморок	95
Глава VIII . Операция в Заполярье	98

Часть третья

ВОЕННЫЕ ПИСЬМА

Глава I . Сын энергетика	105
Глава II . То самое здание	119
Глава III . Задание было выполнено	126
Глава IV . Телеграмма	132
Глава V . Военные письма	138
Глава VI . Я скоро вернусь	149
Глава VII . Нина Эдгаровна плачет	151
Глава VIII . В дороге	157

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Давыдов Сергей Давыдович

САНАТОРИЙ ДОКТОРА ВОЛКОВА

Ответственный редактор Н. П. Крышук. Художественный редактор Б. Г. Смирнов. Технический редактор Т. Д. Раткевич. Корректоры К. Д. Немковская и Л. Л. Бубнова. Сдано в набор 22/IX 1975 г. Подписано к печати 15/III 1976 г. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 2. Печ. л. 10, Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 8,21. Тираж 100 000 экз. М-34820. Заказ № 877. Цена 39 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Детская литература». Ленинград, 192187, наб. Кутузова, 6. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглаволиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Давыдов С. Д.

**Д 13 Санаторий доктора Волкова. Повесть. Рис.
Н. Дьяковой и Д. Титова Л., «Дет лит», 1976.**

159 с. с ил.

Повесть о сегодняшнем мальчишке-ленинградце, которому удается узнать о подвиге, совершенном во время войны доктором Волковым, о мужестве рабочих одного из ленинградских заводов.

P2 ср

39 коп.

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ САНАТОРИЙ ДОКТОРА ВОЛКОВА